

Н. И. ПАВЛЕНКО

Александр Данилович
МЕНШИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт истории, филологии и философии

Н. И. ПАВЛЕНКО

Александр Данилович
МЕНШИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1983

Предлагаемое сочинение является продолжением книги Н. И. Павленко «Петр Первый». В центре внимания и этой книги — эпоха преобразований в России в первой четверти XVIII в. Героем ее является ближайший сподвижник Петра I А. Д. Меншиков — неперменный участник и исполнитель важнейших преобразовательных начинаний царя.

Самородка Меншикова природа наградила талантами полководца и великолепного организатора. В частной жизни он был заботливым главой семьи. Но наряду с этим он обладал беспредельной алчностью и необузданным тщеславием. В конечном счете «полудержавный властелин» закончил жизнь в ссылке.

Деятельность Меншикова, как и деятельность Петра I, была направлена на укрепление чиновничье-дворянской империи.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

академик

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ОТ РЕДАКТОРА

Имя Николая Ивановича Павленко как автора превосходной, единственной в своем роде в советской историографической литературе, монографии о Петре Первом, которая захватывает воображение, ум и сердце читателей, хорошо известно в нашей стране.

В новой книге идет речь об одном из самых близких к преобразователю людей, активном участнике борьбы за новую, великую Россию — об Александре Меншикове. Н. И. Павленко пишет о Меншикове с таким же, как в монографии о Петре, глубоким знанием исторической действительности переломного для русского государства времени, столь же ярко рисует на ее фоне личность и деятельность героя своей новой книги.

В итоге перед читателем предстает увлекательное историческое повествование, полный драматизма рассказ о взлете и падении Меншикова, об эпохе, составляющей важнейший этап в истории дореволюционной России. Не случайно личность этого человека, крутые повороты на его жизненном пути привлекали внимание как дореволюционных, так и советских писателей и поэтов.

Как-то в разговоре с герцогом Орлеанским, регентом малолетнего Людовика XV, Петр спросил, есть ли у него друзья. Герцог стал перечислять имена министров. «Это слуги, а не друзья», — заметил Петр. Сам он таких друзей имел. В пору юности его другом был Лефорт — женевец, напарник Петра в области развлечений, его фактогум преимущественно в личной жизни. Лефорта сменил Александр Меншиков — сподвижник в преобразовательских начинаниях, будь то на театрах войны, на административном поприще или в строительстве новой столицы. Это, разумеется, не исключало роли Меншикова и в частной жизни царя.

Под пером Н. И. Павленко А. Д. Меншиков предстает личностью, сотканной из противоречий, яркой и многогранной.

С одной стороны, Александр Данилович, человек, несомненно, незаурядный, самородок, коими во все времена так богата русская земля, внес огромный вклад в решение важнейшей внешнеполитической задачи России — укрепления ее на берегах Балтийского моря. Меншиков — непременный участник всех важнейших сражений Северной войны на суше: у Нарвы, Калиша, Лесной, Полтавы, Переволочны. Повсюду ему, человеку безумной отваги, сопутствовал успех. Он принадлежал к тем полководцам и государственным дел-

телям, которые создавали могущество нашей страны и укрепляли ее международный престиж.

С другой стороны, в книге показано, как Меншиков ступенька за ступенькой взбирался к вершинам власти и богатства. Бывший пирожник, чье состояние в виде пирогов укладывалось в лодке, стал богатейшим после царя человеком России, владельцем 150 тыс. крепостных, великолепных дворцов и огромных сокровищ. Он наделен был также всеми титулами, существовавшими в России. Страсть к стяжанию и тщеславию руководили действиями князя до 9 сентября 1727 г., когда он в одностороннем порядке лишился всего.

Меншиков повернут перед читателем еще одной гранью: выходец из народа, став крепостником и первым в стране вельможей, служил безоговорочно тому классу, в состав которого он влился, — дворянству.

Автор не ограничился описанием деятельности Меншикова как государственного мужа, полководца и строителя Петербурга. Он попытался — и, на мой взгляд, удачно — раскрыть существенные черты характера своего героя: заботливый отец семейства, добродетельный супруг, вельможа, снисходивший к промахам подчиненных, он в то же время был беспощадным и мстительным к тем, кто стоял на его пути к власти и стяжанию.

Раскрыть грани талантов Меншикова, показать его живым человеком со всеми достоинствами и слабостями можно только на базе использования разнообразных источников. Н. И. Павленко не ограничился привлечением опубликованных документов. Им досконально изучены архивные фонды Москвы и Ленинграда, в которых сосредоточена переписка Меншикова, его донесения царю, письма супруги и детей, документы, относящиеся ко времени опалы князя.

Новые материалы — новые штрихи к портрету Меншикова. Вместе с тем они вносят новое и в характеристику эпохи, т. е. той среды, в которой довелось действовать Меншикову. К таким сюжетам относятся, например, ценные детали о Полтаве и Переволочне и особенно о Померанской операции русских войск в 1713 г. Последняя, как известно, практически не изучалась историками.

В книге встречается немало имен. Это и те, с кем Меншиков в одной упряжке тянул лямку преобразований при жизни Петра, и недруги князя, и те, с кем он сотрудничал после смерти царя. Они тоже удостоены лаконичных характеристик. Наконец, читатель найдет в книге основанные на документах зарисовки, воспроизводящие быт вельможи XVIII в.

Академик А. П. Окладников

ПИРОЖНИК В РОЛИ «ПОТОМКА» ОБОДРИТОВ

Бурное время преобразований первой четверти XVIII в. невозможно представить без Петра I. Его незаурядные таланты, неумная энергия и настойчивость придавали преобразованиям особый колорит и неповторимые черты. Но столь же прочно с петровскими преобразованиями связано имя Александра Даниловича Меншикова, человека несомненно одаренного и стяжавшего известность на самых различных поприщах — военном, административном, хозяйственном.

Меншиков являлся не единственным сподвижником Петра, которого волна новшеств вознесла на вершину славы и богатства. Сын органиста Павел Иванович Ягужинский стал генерал-прокурором — высшим должностным лицом в государстве. Крещеный еврей Петр Павлович Шафиров выбился в бароны и вице-канцлеры, т. е. занимал вторую по значимости должность во внешнеполитическом ведомстве. Среди видных деятелей петровского царствования встречаем Алексея Александровича Курбатова — архангелогородского вице-губернатора, обер-фискала Алексея Нестерова, петербургского генерал-полицеймейстера Антона Девиера. Их предки тоже не принадлежали к дворянскому сословию.

Никто, однако, из них не мог стать рядом с Меншиковым ни по вкладу, который они внесли в преобразовательные начинания царя, ни по милостям и заботливому вниманию, исходившими от Петра. Более того, рядом с Меншиковым нельзя поставить ни одного фаворита, кроме, быть может, Потемкина, которыми была так богата история давно прошедших времен. К одним из них, как Бирону, Разумовскому, и большинству фаворитов любвеобильной «матушки» Екатерины, природа была скупой на таланты. Другие, как Кутайсов, Аракчеев, умели угодничать, поднаторели в мелких интригах, но, лишенные способностей, не оставили сколь-нибудь заметного следа в качестве администраторов, военачальников или дипломатов.

Заслужить привязанность и дружбу Петра качествами, которыми обладали, например, Аракчеев или Кутайсов, было

невозможно — ни Павел I, ни Александр I не чета Петру I; ценил он в человеке, которому отдал дружбу, с которым делил часы «веселия» и тяготы походной жизни, не только и не столько умение угадывать свои желания, сколько неиссякаемую энергию, преданность преобразованиям, беззаветную отвагу, готовность пожертвовать даже жизнью ради успешного выполнения поручения. Таким мы знаем Меншикова в годы наибольшей близости к Петру. Но мы знаем и другого Меншикова — человека необыкновенного тщеславия и надменности, казнокрада и стяжателя.

К концу своей умопомрачительной карьеры Меншиков носил титул, не вмещавшийся в десяток строк печатного текста. Каково же было происхождение герцога Ижорского, светлейшего князя Римской империи и Российского государства, генералиссимуса, верховного тайного действительного советника, рейхсмаршала, президента Военной коллегии, адмирала красного флага, Санкт-Петербургского губернатора, кавалера русских и иностранных орденов?

Дать точный ответ на поставленный вопрос вряд ли возможно, ибо сохранившиеся источники сообщают противоречивые сведения о предках светлейшего. Одну группу источников составляют донесения иностранных дипломатов, а также мемуары русских и иноземных современников. Надобно, однако, помнить, что ни дипломаты, ни мемуаристы не могли наблюдать Алексашку Меншикова в годы его детства, ни тем более интересоваться жизнью его безвестного родителя. Александр Данилович попал на страницы донесений послов и сочинений мемуаристов лишь со времени, когда он прочно укрепился в положении царского фаворита и оказывал влияние на ход военных и дипломатических событий, а также внутреннюю политику. Молва, на которую опирались современники, отказывала Меншикову в знатных родителях. Она была беспощадной к княжескому тщеславию и единокрушной относительно его предков.

Самое раннее свидетельство о происхождении Меншикова относится к 1698 г., т. е. ко времени, когда он еще не был ни князем, ни фельдмаршалом. Не занимал он тогда никаких постов и в правительственном аппарате, хотя ему тогда было 26 лет (родился 6 ноября 1672 г.). Секретарь австрийского посольства Корб называл Меншикова «царским фаворитом Алексашкой». В «Дневнике путешествия в Московию» Корб поместил фразу, свидетельствующую, с одной стороны, о влиятельности Алексашки, а с другой — о его происхождении: «Говорят, что этот человек вознесен до верха всем за-

видного могущества из низшей среди людей участи». Английский посол Витворт, не касаясь деталей, сообщал своему правительству в 1705 г.: Меншиков — «человек очень низкого происхождения»¹.

Пять лет спустя датский посол Юст Юль в своем дневнике повторил эту версию, дополнив ее некоторыми подробностями: «Родился он в Москве от весьма незначительных родителей. Будучи подростком, лет 16-ти, он, подобно многим другим московским простолюдином, ходил по улицам и продавал так называемые пироги»². Миних, поступивший на русскую службу в 1721 г., считал происхождение Меншикова «из простолюдинов» настолько общеизвестным и бесспорным, что полагал лишним приводить какие-либо доказательства. Князь Куракин в незаконченной истории царствования Петра I заявил, что Меншиков «породы самой низкой, ниже шляхетства»³.

Полковнику Манштейну, современнику необычайного возвышения и падения Меншикова, были известны две версии о предках князя: одни — и таких, писал Манштейн, было большинство — считали Александра Даниловича сыном крестьянина, который пристроил свое чадо «в учение к пирожнику в Москве». Другие, продолжал Манштейн, полагали, «будто отец Меншикова находился в военной службе при царе Алексее Михайловиче», а сам Александр Данилович служил конюхом при дворе царя. Петр заметил остроумие будущего князя, перевел его в денщики, а затем, открыв в нем большие дарования, стал давать ему ответственные поручения.

Отношение самого Манштейна к вариантам о предке Меншикова достаточно определено: «Я всегда находил первое мнение более близким к правде. Несомненно верно, что Меншиков низкого происхождения; он начал с должности слуги, после чего царь взял его в солдаты первой регулярной роты, названной им потешною. Отсюда уже царь взял его к себе, оказывал ему полное доверие»⁴.

Подробнее всех о детских и юношеских годах Меншикова сообщает француз на русской службе Вильбоа. Как и многие современники, Вильбоа писал, что отец Меншикова «был крестьянин, получавший пропитание от продажи пирожков при воротах кремлевских, где завел он маленькую пирожную лавочку». К своему ремеслу он привлек и сына, вертевшегося с лукошком в Кремле, где покупателями товара были стрельцы и солдаты, с которыми разбитной продавец часто шутил. Проказы Алексашки забавляли и Петра, наблюдавшего за ним из кремлевского дворца. Непосредственное знаком-

ство царя с пирожником состоялось, писал Вильбоа, при следующих обстоятельствах: «Однажды, когда он сильно кричал, потому что какой-то стрелец выдрал его за уши, уже не шутя, Петр послал сказать стрельцу, чтобы он перестал обижать бедного мальчика, а с тем вместе велел представить к себе».

Остроумие и находчивость мальчика, ровесника царя, понравились Петру, и тот велел его вымыть и одеть, чтобы определить к себе пажем. С тех пор Петр стал неразлучным с Меншиковым, и приятель царя, одаренный большим умом и способностями мгновенно все схватывать, стал быстро вызваться⁵.

Сюжет, изложенный Вильбоа, близок к сентиментальной сказке о превращении нищего в принца. По-иному описывает сближение Петра с Меншиковым брат известного своей ученостью Якова Брюса Петр. Этот автор мемуаров поведал, что Петр воспылал доверием и любовью к Меншикову после того, как тот предупредил его о грозившей ему смертельной опасности: Меншиков якобы рассказал царю о намерении бояр отравить его во время очередной пирушки.

Множественность и разноречивость версий, подчас содержащих явный налет фольклора, свидетельствует, с одной стороны, об интересе современников к карьере Меншикова, а с другой — подтверждает факт, что и для них, современников, в возвышении князя было немало загадочного.

Что касается происхождения Меншикова, то иностранцы, несмотря на различия в частности, сходились в одном — будущий князь был родом из незнатной семьи.

Версию иностранных современников подтверждает царский токарь Андрей Нартов, описавший событие, очевидцем которого был. Как-то Меншиков в чем-то разгневал царя. «Знаешь ли ты, — кричал рассерженный Петр, — что я разом поворочу тебя в прежнее состояние, чем ты был? Тотчас же возьми кузов свой с пирогами, скитайся по лагерю и улицам и кричи: пироги подовые, как дельвал прежде. Вон!»

Данилыч, отличавшийся находчивостью, возвел происшедшее в шутку. Он выбежал на улицу, схватил кузов у первого попавшегося пирожника, повесил его на себя и в таком виде вернулся во дворец. К этому времени царь успокоился. При виде светлейшего он расхохотался и сказал:

— Слушай, Александр, перестань бездельничать, или хуже будешь пирожника.

Меншиков продолжал выкрикивать: «Пироги подовые! Пироги подовые!»⁶.

Происхождение еще одного источника, освещавшего ро-

дословие Меншикова, было необычным. Ранним утром 2 июля 1727 г. мастеровой Городовой канцелярии Даниил Колосов, выходя «для нужды» на улицу, обнаружил в сенях бывшей Штатс-конторы, где он жил, крашенный мешочек. В нем было завернуто подметное письмо. находка доставила мастеровому немало хлопот. Попытался сдать ее своему начальству, но Ульяна Синявина не застал дома. Пошел в Тайную канцелярию, но майор Румянцев тоже не пожелал принять письмо и направил «счастливчика» к коменданту столичного города Фаминцыну. Тот повертел письмо и поспешил от него избавиться, порекомендовав отнести его в Верховный тайный совет. Выше инстанции уже не было.

Странное на первый взгляд стремление чиновников отмахнуться от письма объяснялось очень просто — оно жгло им руки, его содержание было направлено против Меншикова. В своем месте мы еще вернемся к нему. Здесь же отметим то, что непосредственно относится к происхождению князя. Анонимный автор обвинял Меншикова в том, что он «дванадцатилетнего отрока (Петра II.— Н. II.) принудил обручиться с недостойною того брака дочерью своею, внучкою маркитанского»⁷. Следовательно, дед Марии Александровны Меншиковой, отец Александра Даниловича, согласно анониму, был маркитавтом — продавцом съестного для солдат.

Иные сведения о предках Меншикова сообщают источники официального происхождения. Их два, причем интересующий нас вопрос они освещают одинаково. Речь идет о дипломах на пожалование Меншикову княжеского достоинства Римской империи и Ижорского князя Российского государства. В царском дипломе глухо сказано, что Меншиков происходил «из фамилии благородной литовской, которого мы, ради верных услуг в нашей гвардии родителя его и видя в добрых поступках его самого надежду от юных лет, в милость нашего величества воспрियाи и при дворе нашем возрастити удостоили»⁸.

Давно известно, что чем меньше в тексте фактов и больше общих слов, тем легче завуалировать истину. Приведенная выше фраза из диплома оставляет простор для домыслов и вопросов, а также ответов на любой вкус.

В самом деле, что скрывалось за расплывчатым понятием «верные услуги», будто бы оказанные родителем Александра Даниловича; на каком поприще проявил себя отец Меншикова: административном, военном, придворном? Много лет спустя Александр Данилович предпримет попытку расшифровать смысл «верной услуги» — она состояла в том, что отец

якобы раскрыл заговор Федора Шакловитого. Однако на страницах четырехтомной публикации розыскного дела фамилия Меншикова даже не упомянута.

Заслуги можно списать на счет «милости божией» — так угодно было оценить их Петру. Сложнее обстояло дело с отдаленными предками, причисленными к «фамилии благородной литовской», конечно же, со слов Александра Даниловича и при участии барона Гюйсена, хлопотавшего при венском дворе о выдаче ему княжеского диплома. Эта версия нуждалась в обосновании, и Меншиков предпринял две попытки добыть необходимые доказательства.

Первая из них была предпринята вскоре после получения дипломов — в середине декабря 1707 г. он заручился документом, утвержденным съездом литовской шляхты и подписанным великим маршалком княжества Литовского Воловичем, директором съезда князем Радзивиллом и еще 46 знатными литовцами. Подписавшие удостоверяли, что они признали Александра Менжика «нашей отчизны княжества Литовского сыном»⁹. Но удостоверив принадлежность Меншикова «к породе нашей», шляхта уклонилась сообщить какие-либо подробности: она не могла назвать фольварк, которым владели предки Менжика, равно как и сообщить, где, когда и на какой службе находились эти предки.

Подписанный документ вызывает подозрения. Не появился ли он на свет после обильного угощения, устроенного Меншиковым, чье княжеское достоинство уже зарегистрировано австрийским императором и русским царем. Светлейший, надо полагать, не поскупился и на обещания предоставить какие-либо льготы шляхте, чьи владения находились на театре военных действий.

Получив постановление съезда, князь утомился относительно своих предков до времени, когда у него возник план породниться с царствующей фамилией. Для надутого тщеславия уже было недостаточно принадлежности к дворянскому сословию вообще. Князю хотелось быть потомком не ординарного дворянина, а дворянина, ведущего свою родословную из глубины веков, и показать, что тесть российского императора не человек случая и безродный выскочка, а потомок варягов, людей, близких к рюриковичам. Так возникла идея взрастить пышное генеалогическое древо, своими корнями уходящее в далекое прошлое.

В архиве сохранился черновой набросок генеалогии князя на латинском языке¹⁰. Автор ее, видимо, признал безнадежной попытку оперировать именами и точными датами

и их отсутствие решил компенсировать общими рассуждениями о превратностях человеческой судьбы. Тем самым открылся простор для взлета фантазии. «Даже звезды и большие светила часто подвержены затмениям», — заявляет автор. То же самое происходит и с людьми: знатные роды вымирают или предаются забвению, чтобы при благоприятных условиях вновь подняться со дна и вознестись на новую высоту. Подобную метаморфозу испытал и род Меншиковых.

«Некоторые (кто? — *Н. П.*), — писал составитель генеалогии, — опираясь на сведения (какие? — *Н. П.*) об особой знатности рода Меншиков, приходят к выводу, что предки упомянутого Андрея Меншикова прибыли на Русь из варяг вместе с Рюриком». Один из представителей варяжской дружины, предок Андрея Меншикова, получил в управление область Вологды. «Другие же (неизвестно, кто подразумевается под этими „другими“ — *Н. П.*), — продолжает автор, — считают, что сам князь Андрей Меншик или отец его в XIV или XV веках» вследствие непрекращавшихся преследований православной церкви в Литве покинул ее, переселившись в Россию, где был удостоен титула русского князя. Еще до выхода в Русь предки Андрея Меншикова сначала в Польше, а затем в Литве породнились с знатнейшими фамилиями. Они имели герб с изображением головы быка на золотом поле, т. е. герб ободритов, от которых произошли Рюрики. На этом основании, написано в тексте, «некоторые пришли ко вполне правдоподобному заключению, что род Меншика был связан родственными узами с королями или князьями ободритов, откуда берет начало род Рюрика».

Кто такие ободриты, которых составитель генеалогии прочит в предки Меншикова?

Ободриты, или бодричи, — племя западных славян, обитавших в бассейне реки Лабы (Эльбы). Бодричи ранее восточных славян приобщились к феодальным отношениям: они уже в VI—VIII вв. имели князей, дружину и предпринимали походы на соседей. Родовитые люди России XVII в. любили корни своего родословного древа выращивать не в родной земле, а на чужбине, изображая предков пришельцами из других стран — пруссами, варягами, бодричами. Меншиков, естественно, не желал быть хуже других. Если, однако, у подлинных аристократов типа Куракиных или Шереметевых мифических варягов или пруссов уже в XI или XIV в. сменяют реальные лица, бытие которых отразили источники, то у Меншикова, как ни старались ученые составители, реальных предков, живших в отдаленные времена, обнаружить не удалось.

Уязвимость туманных рассуждений была, видимо, очевидна и автору, и он вынужден признаться, что всякие подробности скрываются «во тьме веков». Это не помешало ему категорически утверждать: «существовал род Меншика в России и знатный род Меншика в Польше», от последнего и произошел отец светлейшего князя.

Ни один из перечисленных фактов генеалогии Меншикова документально не подтвержден, как, впрочем, не подтвержден и факт пленения в 1664 г., во время русско-польской войны, отца Меншикова Даниэля. Будучи в плену, Даниэль женился на «Игнатьевне», дочери какого-то «уважаемого купца», и поступил в службу к царю Алексею Михайловичу. По совету друзей Даниэль Меншик русифицировал свое имя и фамилию и стал Даниилом Меншиковым. По совету тех же друзей он поступился еще одним достоинством: чтобы не раздражать знати, Даниэль в фамильном гербе изображение головы быка заменил коронованным сердцем. «Поскольку он, как никто другой, владел искусством править лошадьми и объезжать их, царь Федор Алексеевич взял его служителем своей конюшни». Родословие далее, как упомянуто выше, приписывает Даниле Меншикову раскрытие заговора Шакловитого в 1689 г.

Отец Александра Даниловича, согласно родословию, умер в 1695 г. «оставив без какого-либо имущества и в величайшей бедности четырех детей сирот». Далее следует перечисление основных вех жизни Александра Даниловича, не вызывающее сомнений в их достоверности: участие в сражениях Северной войны, получение наград от Петра и иностранных государей, назначение на должности и т. д.

Бросаются в глаза недомолвки относительно родителей Меншикова. Например, кто такая «Игнатьевна», мать будущего князя? Если она была дочерью почтенного купца, то как случилось, что внуки этого купца оказались в «величайшей бедности»? А как добывал средства к жизни Алексахка в годы, предшествовавшие знакомству с царем? Не следует ли понимать признание бедности родителя как косвенное признание того, что источником его существования в те годы была торговля пирожками? Не ясен и вопрос о братьях. Я изучил весь семейный архив князя, его переписку с супругой, детьми и родственниками жены, и ни в одном из них он не упоминает ни о матери, ни об отце, ни о братьях.

Короче, перед нами далекий от совершенства пример фальсификации генеалогии. Во второй половине XVIII столетия в подобных делах настолько поднаторели, что представитель крапивного семени средней квалификации за сходную

мзду мог состряпать любую генеалогию и изобрести предков, угодных заказчику. Во времена Меншикова с этой задачей не могли справиться и европейски образованные юристы, несомненно привлеченные светлейшим для выполнения поручения.

Поскольку генеалогия, как и сочинение о жизни и деятельности Александра Даниловича Мепшикова, составлялась в окружении князя и не без его ведома, то небезынтересно ознакомиться с тем, какой версии придерживался он сам в описании своего детства и обстоятельств знакомства с царем.

В одном анонимном сочинении, будто бы имевшем хождение среди современников и пересказанном в жизнеописании Меншикова, было написано: «Князь был не единственным на свете человеком, который с низших степеней достиг до высших. Он и сам не скрывал этого, но часто откровенно рассказывал, какую бедность терпел в юности». Это признание, однако, не лишало Меншикова возможности упрямо твердить с своих благородных предках: «Впрочем, он происходил от благородной, хотя и обедневшей фамилии, из которой в прежние века были в России и князья, и теперь милостию государя и долговременными тяжкими, но полезными услугами, достиг сам до высоких почестей, званий и достоинств».

Что касается появления Меншикова при царском дворе, то рассказ о том выглядит не менее респектабельно: будущий князь заставил обратить на себя внимание царя такими привлекательными качествами, как ум и сметливость.

Поначалу Алексашка прибыл устраивать свою судьбу в потешную роту. «Как скоро его светлость явился в эту роту, тотчас был принят его величеством в число солдат (в октябре 1691 г., в день рождения Алексея Петровича), потому что он отличался красивою наружностью и счастливой физиономией и в своих речах, равно как и в своих приемах обнаружил бойкий живой ум, здравый рассудок и добросердечие».

Перечисленные свойства характера позволили Меншикову быстро усвоить экзерциции и превзойти в этом не только своих сверстников, но и более великовозрастных сослуживцев. Царь, кроме того, обратил внимание на опрятность и вежливость новобранца и взял его к себе денщиком ^{10а}.

Скудость источников о происхождении Меншикова и их противоречивое содержание породили противоречивые на этот счет суждения историков. Известный автор 30-томного сочинения о Петре I, опубликованного еще в XVIII веке, Иван

Иванович Голиков, писал: «За достовернейшее из преданий касательно славного князя Меншикова принято, что он родился в Москве в 1674 году от бедного польского шляхтича, служившего при царской конюшне в стремянных, и что оставшись после отца, в детстве, лишился и последнего малого его имущества и принужден был искать себе пропитание у одного из московских пирожников». Затем он в 1686 г. поступил в услужение к Лефорту, а от него — к царю¹¹.

В утверждении Голикова есть неточность, существенно меняющая суть дела: он писал, что Меншиков лишился отца в детстве, в то время как, по свидетельству самого князя, его родитель умер, когда он был взрослым — в 1695 г. Следовательно, если Алексашка и продавал пироги, то изготовленные не московским пирожником, а Данилой Меншиковым. Кроме того, круг источников, находившихся в распоряжении Голикова, был крайне узок: он не мог пользоваться ни донесениями иностранных дипломатов, ни мемуарами, ставшими достоянием историков лишь столетие спустя.

У А. С. Пушкина, живо интересовавшегося временем Петра I, мы обнаруживаем два несхожих высказывания о происхождении Меншикова. В одном из них, раннем, относящемся к 1829 г., в знаменитом четырехстишье «Полтавы» о птенцах гнезда Петрова Пушкин писал:

*И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин...*

Имя «полудержавного властелина» не названо, но, вне всякого сомнения, под ним подразумевается Меншиков, которого поэт аттестовал «баловнем безродным». Иными словами, Пушкин в конце 20-х годов придерживался неофициальной версии происхождения Меншикова. Позже, в середине 30-х годов, когда поэт приступил к сбору материалов о Петре I, он безоговорочно принял версию, изложенную в дипломе Меншикова: «Никогда он не был пажем и не продавал подовых пирогов. Это шутка бояр, принятая историками за истину». Под «историками» Александр Сергеевич подразумевал И. И. Голикова, труд которого он основательно штудировал. Свое мнение Пушкин подкрепил ссылками на синодик. Но в синодике, равно как и в деле об убийстве сына Грозного, бесполезно искать предков Меншикова, ибо сам он считал, что его предки в XVI в. находились в Литве. А. С. Пушкин упоминает и о том, что А. Д. Меншиков «отыскивал около

Орши свое родовое имяне¹². Однако документального подтверждения этих поисков обнаружить не удалось.

Ближе всего к истине о происхождении Меншикова был, на наш взгляд, крупнейший историк прошлого столетия С. М. Соловьев. «Современники иностранцы,— писал маститый ученый,— единогласно говорят, что Меншиков был очень незнатного происхождения; по русским известиям он родился близ Владимира и был сыном придворного конюха»¹³.

Страницы, отведенные выяснению происхождения Меншикова, любопытны лишь в плане личной характеристики князя. Он пускался во все тяжкие, чтобы удовлетворить свое неуемное тщеславие. Происхождение Меншикова помогает постичь еще одну особенность его характера — ненасытную тягу к богатству. Человек, подобно ему выбившийся из нищеты, быстро познавал цену богатства, прелести роскоши и не стеснялся в выборе средств для приобретения того и другого. По алчности Меншикова можно сравнить с нуворишами лишь с тем различием, что у последних главным мерилom богатства являлись деньги, а у князя, жившего в иных социальных условиях,— крещеная собственность. Вместе с тем надобно помнить: кем бы ни были предки Александра Даниловича, торговал ли он сам пирожками или нет, существенного значения не имело, ибо Меншиков, влившись в ряды новой знати, став светлейшим князем, безоговорочно служил интересам этой знати. Прошлое оставляло у него всего лишь неприятное воспоминание, создавало своего рода комплекс социальной неполноценности в общении с родовитыми людьми, впрочем легко преодолеваемый при жизни Петра, поскольку рядом с сыном конюха с царем сотрудничали сын сидельца в лавке купца, сын пастора, а супруга царя, будущая императрица, в прошлом была прачкой.

Какие же сведения из разноречивого потока информации о происхождении Меншикова следует признать более или менее достоверными?

Менее всего внушают доверие попытки князя вести свою родословную от ободритов, почитавшихся многими родовитыми людьми того времени своими предками. Можно быть вполне уверенным, что сведения о предках, запечатленные в генеалогическом сочинении, относятся к разряду мифов. Столь же сомнительно свидетельство литовской шляхты, разглядевшей в князе человека «нашей породы» и признавшей его выходцем из Литвы. Вряд ли можно положиться на версию о пленении отца Меншикова в годы русско-польской войны за воссоединение Украины и службе Даниэля Меншика

стремляющимся конюхом у царя Алексея Михайловича. Сведения известных нам источников, подтверждающих «благородное» происхождение князя, настолько мутны, что принимать их всерьез нет оснований.

Остается одно — исходить из достоверного факта, что родитель Меншикова, как и его сын Александр, добывали хлеб насущный торговлей пирогами. Но этого рода занятие дает основание отклонить всякие попытки Меншикова изобрести благородных предков — он происходил по терминологии того времени из «подлородных» людей. Отнести его к потомкам жителя Москвы или владимирского крестьянина — в конечном счете деталь, не меняющая сути дела.

Путь Меншикова от пирожника до светлейшего князя совершен на глазах у современников, он отражен и в источниках. Исключение составляет тот отрезок пути, когда юный Алексашка сменил порты и рубаху пирожника на мундир солдата потешной роты и денщика Петра. В этом качестве он, надо полагать, принимал какое-то участие в событиях 1689 г., когда царь противостоял честолюбивым замыслам своей сестры Софьи, участвовал вместе с ним в потешных маневрах, поездках на Переяславское озеро и в Архангельск, наконец, в Азовских походах.

Образ жизни Алексашки в детские годы исключал возможность приобретения самого элементарного образования — он до конца дней своих оставался неграмотным. Об этом писали все современники иностранцы.

Читаем запись датского посла Юста Юля под 1710 г.: «Князь Меншиков говорит порядочно по-немецки, так что понимать его легко, и сам он понимает, что ему говорят, но ни по-каковски ни буквы не умеет ни прочесть, ни написать — может разве подписать свое имя, которого, впрочем, никто не в состоянии разобрать, если наперед не знает, что это такое»¹⁴. Другой современник, имевший случай наблюдать светлейшего много лет спустя, сообщил на этот счет любопытную и не лишнюю правдоподобия деталь: Меншиков наивно пытался разыгрывать роль человека, постигшего премудрости письма: «Он не умел ни читать, ни писать и выучился только плохо подписывать свое имя. Но в присутствии людей, не знавших о том, скрывал он свою безграмотность и показывал вид, будто читает бумаги»¹⁵. Иностранцам вторит русский современник — князь Борис Иванович Куракин. По его сведениям, Меншиков — «человек не ученой, ниже писать что мог, кроме свое имя токмо выучил подписывать»¹⁶.

Откровенно говоря, свидетельства иностранцев, как правило не выказывавших симпатии к светлейшему, как и свидетельство Куракина, оставившего наполненные сарказмом характеристики сподвижников Петра, вызывали сомнения. В самом деле, как можно было справляться с обязанностями сенатора, фельдмаршала, президента Военной коллегии и губернатора человеку, умевшему начертать только имя и фамилию? Остаться неграмотным было непостижимо тем более, что именно в годы преобразований в стране интенсивно формировалась и набирала силу бюрократия, и всякая бумага, вышедшая из недр многочисленных канцелярий, приобретала огромную силу: ее надо было читать и обязательно оставлять на ней след в форме резолюций, помет и тому подобное. Наконец, факт неграмотности Меншикова вступает в вопиющее противоречие с другим хорошо известным фактом: он не презирал ученость и высоко ценил знания.

Свидетельства иностранцев ничего бы не стоили, если бы мы не располагали главным доводом в пользу их правоты: среди десятков тысяч листов, сохранившихся в фамильном архиве Меншикова, не обнаружено ни одного документа, написанного рукою князя. Не попадались и следы правки и редактирования составленных документов. Даже сотни писем к Дарье Михайловне, сначала наложнице, а затем супруге, не говоря уже о тысячах писем к царю и вельможам, все до единого были написаны канцеляристами. Это обстоятельство, по всей вероятности, наложило отпечаток и на содержание писем Меншикова к супруге. В отличие от писем Петра к Екатерине, с характерной для этого жанра интимностью и отражавших индивидуальность автора, послания Меншикова, неизменно любезные, были полны канцелярских оборотов и походили на деловые бумаги. Документы сохранили лишь подпись Меншикова, всегда одинаковую, стояла ли она в письмах к супруге, или в донесениях царю: «Александр Меншиков».

Кстати, Юст Юль и Вильбоа сгущали краски, сообщая о неумении Меншикова разборчиво написать свою фамилию. Подпись стала менее разборчивой и буквы приобрели расплывчатость только к старости князя, а в молодые годы он подписывался четким почерком и неизменно без мягкого знака, в то время как грамотная Дарья Михайловна иногда писала: «Дарья Меньшикова».

Существуют, кроме того, и косвенные доказательства неграмотности Меншикова: в описи личного имущества сосланного в Ранненбург князя отсутствовали письменные принад-

лежности, а у членов семьи они были. Наконец, в одном из писем ссыльного Меншикова в Верховный тайный совет помещена любопытная приписка, адресованная Остерману: «Ежели какое в титуле высокоучрежденного Верховного тайного совета есть погрешение, в том покорно прошу не иметь на меня гнева, понеже канцелярских служителей при мне ни одного человека не обретаецца, кроме что объявлены в реестре копейцы из моих служителей, которые были у меня в домово́й мое́й канцелярии. И то робята, которые только могут копии писать»¹⁷. Следовательно, князь, будучи первоприсутствующим в Верховном тайном совете, не знал формуляра обращения к этому учреждению. Такое может случиться только с человеком, всегда пользовавшимся услугами опытных канцеляристов и лично никогда не читавшим ни челобитных частных лиц, ни донесений Сената, Синода и коллегий высшему органу власти страны.

Таким образом, неграмотность Меншикова бесспорна. Но тогда возникает вопрос, как он умудрялся справляться с уйма́й дел, возложенных на него царем. Они относились к самым разнообразным отраслям государственного хозяйства и управления и часто требовали специальных познаний. Как он распоряжался своими многочисленными вотчинами? Наконец, почему Меншиков при своих способностях не мог одолеть элементарной грамоты, которую энергично насаждал в стране Петр, да и сам он, Меншиков, ему в этом активно помогал?

Недоумение на этот счет возникло и у цитированного выше Юста Юля: «В таком великом муже и полководце, каким он почитается, подобная безграмотность особенно удивительна»¹⁸.

Рассеять недоумения и ответить на поставленные вопросы, естественно возникающие у каждого читателя, опираясь на источники, невозможно. Не известен также ни единый упрек царя Меншикову по поводу неграмотности последнего. Остается ограничиться догадками.

Неграмотность князя, видимо, не являлась непреодолимой помехой при выполнении им разнообразных обязанностей, во всяком случае крупных неприятностей она ему не доставляла. Как фельдмаршал и крупнейший вотчинник, он пользовался услугами многочисленных стряпчих, адъютантов, денщиков и управляющих. Один из деятелей этого рода, служивший князю верой и правдой в течение 20 лет, известен по фамилии — Алексей Волков. В письме к светлейшему в 1725 г. он перечислял все свои заслуги перед «вашей светлостью

и всем домом вашим», думается не преувеличенные, ибо всякое отступление от истины могло вызвать у адресата раздражение.

Судя по характеру выполнявшихся обязанностей, во многих случаях весьма щекотливых, Волков принадлежал к числу самых доверенных слуг князя. В круг его забот входил контроль за «домовым приходом и расходом», личная переписка, которую Волков, как он писал, вел «со всяким охранением вашего интереса и секрета». Своим «днюшным трудом» он представлял интересы князя в следственных комиссиях, он же отправлял должность адвоката. «А паче всего,— писал Волков,— во время бывших баталий, акций и блокад неотступно при вашей светлости был, охраняя ваше здравие со всяким тщанием, и при всяких случаях служил по всякой возможности как советом, так и делом»¹⁹.

Консультант, бухгалтер, поднаторевший в распутывании кляуз стряпчий, Волков принадлежал к числу дельцов, фактически являвшихся правой рукой князя, но всегда остававшихся в тени.

Другим подручным Меншикова был Франц Вит. Круг его обязанностей тоже был достаточно широк. Он вел переписку князя с иностранными корреспондентами, посредничал в приобретении для него у иностранных купцов драгоценностей, заморских вин и цитрусовых, выступал в роли переводчика. Иногда он по поручению князя совершал инспекционные поездки. Так, осенью 1722 г. Вит отправился проверять вдоль Невы и Ладожского озера устройство бечевника — тропы, по которой бурлаки тянули барки.

Но при выполнении поручений князь не мог полностью положиться на помощь Волкова и ему подобных. Он обладал по крайней мере двумя свойствами своего незаурядного ума: цепкой памятью, способной держать в голове все детали многогранных обязанностей, и высоко развитым здравым смыслом, заменявшим ему ученость и образованность. Именно наличие этих качеств помогает оценить деятельность князя — удивление сменяется восхищением.

В годы первого двадцатилетия сотрудничества с царем Меншиков, как и его повелитель, вел кочевой образ жизни, сначала сопровождал Петра в разъездах и походах, затем самостоятельно командовал войсками. И хотя силы молодости были неисчерпаемы, у него все же не оставалось времени для устранения пробелов, порожденных суровым детством. Тогда он без ущерба для дела эксплуатировал свою память и здравый смысл. Позже сесть «за парту» ему, видимо, мешали воз-

раст и княжеский аплomb. Теперь память, быть может, и стала менее острой, но накопился огромный опыт.

С неграмотностью Александра Даниловича связан еще один курьез в его биографии — Меншиков был первым из русских, кого иностранное академическое учреждение избрало своим членом. Петр I, как известно, был избран членом французской академии в 1717 г. Меншиков ухитрился упродить царя на целых три года. Не кто-нибудь, а сам Ньютон 25 октября 1714 г. известил Александра Даниловича об избрании его членом Королевского общества. Вот это письмо: «Могущественнейшему и достопочтеннейшему владыке господину Александру Меншикову, Римской и Российской империи князю, властителю Ораниенбурга, первому в советах царского величества, маршалу, управителю покоренных областей, кавалеру ордена Слона и высшего ордена Черного Орла и пр. Исаак Ньютон шлет привет.

Поскольку Королевскому обществу известно стало, что император ваш, е. ц. в. с величайшим рвением развивает во владениях своих искусство и науки и что Вы служением Вашим помогаете ему не только в управлении делами военными и гражданскими, но прежде всего также в распространении хороших книг и наук, постольку все мы исполнились радостью, когда английские негоцианты дали знать нам, что ваше превосходительство по высочайшей просвещенности, особому стремлению к наукам, а также вследствие любви к народу нашему желали бы присоединиться к нашему обществу. В то время по обычаю мы прекратили собираться до окончания лета и осени. Но услышав про сказанное, все мы собрались, чтобы избрать ваше превосходительство, при этом были мы единогласны. И теперь, пользуясь первым же собранием, мы подтверждаем это избрание дипломом, скрепленным печатью нашей общины. Общество также дало секретарю своему поручение переслать к Вам диплом и известить Вас об избрании. Будьте здоровы.

Дано в Лондоне 25 октября 1714 г.»

Письмо вызывает множество вопросов, ответы на которые, вероятно, следует искать прежде всего в архиве Королевского общества. Небезынтересно знать, как обосновывал свою просьбу Меншиков в письме Королевскому обществу от 23 августа 1714 г.? В чем состояли его научные заслуги и на каком основании великий Ньютон именовал Данилыча человеком «величайшей просвещенности»? Кто были «английские негоцианты», лестно отзывавшиеся о плодотворной деятельности Меншикова на ниве распространения науки в России?

Наконец, довелось ли Меншикову раскошиться, чтобы заручиться благосклонностью «английских негоциантов» и единодушием членов Королевского общества, пополнившего свои ряды новым членом, или это был доброжелательный жест английского правительства?

Два следствия вступления Меншикова в Королевское общество можно выявить и по документам архивного фонда Меншикова. С одной стороны, в фонде сохранился диплом Королевского общества, выданный Меншикову, с другой — документы этого же фонда отразили любопытную деталь: Данилыч ни разу не рискнул упомянуть о своей принадлежности к Королевскому обществу и украсить свой титул еще тремя дополнительными словами: член Королевского общества. Скромностью Меншиков не отличался, но в данном случае здравый смысл взял верх над тщеславием.

В УСЛУЖЕНИИ И НА СЛУЖБЕ

Самый ранний источник с упоминанием о Меншикове относится к 1694 г. 29 августа царь отправил письмо архангельскому воеводе Федору Матвеевичу Апраксину. В перечне лиц, посылавших привет адресату, значился Алексашка Меншиков. «Алексашка» упомянут еще в одном письме, адресованном царем Андрею Андреевичу Винусу в 1697 г.¹ Среди волонтеров, отправившихся за границу для обучения кораблестроению, Алексашка стоял первым в списке того десятка, который возглавлял десятник Петр Михайлов — царь. Меншиков не расставался с ним ни на минуту. Вместе с Петром он работал на верфи Ост-Индской компании в Голландии, одновременно с ним получил от корабельного мастера аттестат, удостоверявший, что он овладел специальностью плотника-кораблестроителя. Из Голландии Петр отправился в Англию для обучения инженерному искусству кораблестроения. Его и здесь сопровождал неразлучный друг Алексашка. Вместе с царем он находился в толпе волонтеров, составлявших свиту великого посольства, присутствовал на торжественных приемах, осматривал достопримечательности столиц западноевропейских стран — арсеналы, монетные дворы, кунсткамеры, промышленные предприятия, учебные заведения. Как и Петр, он жадно впитывал увиденное, с поразительной лег-

костью усваивал азы артиллерийского дела, фортификации, кораблестроения. Это была практическая школа, расширявшая кругозор царского любимца, в детские годы не получившего никакого образования.

Известие о стрелецком мятеже вынудило Петра срочно вернуться в Москву. Здесь сразу же начался стрелецкий розыск. Известно участие Меншикова в казнях стрельцов — он хвастал, что самолично отрубил головы 20 обреченным. О возросшем влиянии Меншикова на царя свидетельствует инцидент, происшедший на пиру у царского фаворита Лефорта в один из первых дней пребывания в столице. Находясь в состоянии крайней раздражительности, Петр в пылу гнева вынул шпагу и, ударив ею по столу, закричал Шеину: «Так я уничтожу твой полк, а с тебя сдеру кожу до ушей!». Причина ярости Петра состояла в том, что боярин Шеин, командовавший верными правительству войсками, разгромив бунтовавшие стрелецкие полки под Новым Иерусалимом, проявил подозрительную для царя поспешность в расправе с зачинщиками бунта. Вместе с казненными вожаками навечно была похоронена тайна подготовки бунта и возможной причастности к нему царевны Софьи, с 1689 г. находившейся в заточении в Ново-Девичьем монастыре. Царь был твердо убежден в том, что бунт был инспирирован Софьей, но убедительные доказательства на этот счет отсутствовали, ибо тех, кто мог пролить свет на события, не осталось в живых, а те, кто давали показания под жесточайшими пытками, оказались людьми, не посвященными в сокровенные замыслы стрелецких руководителей.

Шеин дал царю еще один повод для недовольства — Петру стало известно, что этот боярин производил в офицеры и повышал в званиях за взятки. Судя по всему, Петр, размахивавший шпагой, находился в иступлении, и эксцесс мог закончиться трагедией.

Успокаивать разбушевавшегося царя кинулись учитель царя Зотов, князь-кесарь Ромодановский, Лефорт. Но Зотов получил удар по голове, Ромодановскому царь ранил руку. Петр занес шпагу, чтобы расправиться с Шеиным, но генералиссимуса спас от гибели Лефорт, схвативший царя за руку; самому Лефорту тоже досталось несколько ударов. Никто не мог погасить гнев Петра, и неизвестно, каким было бы продолжение этой неприглядной сцены, если бы не вмешался Меншиков. Он увел царя в соседнюю комнату и устроил так, что от прежнего возбуждения не осталось и следа².

В качестве денщика Меншиков занимался устройством незатейливого быта царя. В начале 1700 г. царь пишет ему: «Мейн герценкин. Как тебе сие письмо вручитца, пожалуй, осмотри у меня на дворе и вели вычистить везде и почи- нить»³. Далее следовали распоряжения о смене полов, заго- товке льда, постройке погреба и т. д.

Но обязанности денщика Алексашки не ограничивались выполнением хозяйственных поручений. После смерти Ле- форта в 1699 г. Меншиков становится доверенным царя в его амурных делах. Вместе с Петром он частенько навещал Не- мецкую слободу, куда влекла царя дочь виноторговца Анна Монс. Сам Данилыч сердечную привязанность обрел не в Не- мецкой слободе, а при дворе сестры царя Натальи Алексеев- ны. Там среди девиц, окружавших царевну, ему пригляну- лась одна из трех сестер Арсеньевых — Дарья Михайловна.

Известен единственный портрет Дарьи Михайловны. Гра- вюра, выполненная А. Ф. Зубовым, изображает 44-летнюю княгиню с привлекательными чертами коленого лица. Трудно сказать, в какой мере изображение соответствовало оригина- лу и имела ли княгиня в молодости репутацию обворожитель- ной красавицы, но что она была женщиной сердечной, беззаветно любившей своего Данилыча и преданной домаш- нему очагу, — на этот счет имеется множество документаль- ных свидетельств.

В 1700 г. началась изнурительная Северная война. Главнее внимание царя, особенно в первые годы войны, было прико- вано к театру военных действий. Надо полагать, что Менши- ков сопровождал Петра всюду, где того требовала обстановка.

В начале 1702 г. Петр получает от Шереметева известие о первой победе русских войск под Эрестфером и тотчас же отправляет к театру военных действий расторопного Менши- кова, чтобы сообщить боярину о присвоении звания фельд- маршала и вручить ему орден Андрея Первозванного.

Весной того же года Меншиков отправляется вместе с Петром в Архангельск, имея должность гофмейстера цареви- ча Алексея, а осенью участвует в осаде Нотебурга. Здесь он впервые проявил себя на военном поприще. Храбрость и расторопность Данилыча были столь очевидны, что Петр на- значает его комендантом завоеванной крепости, переимено- ванной в Шлиссельбург.

Петр едет в Москву и Воронеж, а оставленный в Шлис- сельбурге комендант развивает кипучую деятельность: посы- лает отряды на неприятельскую территорию, хлопочет о постройке кораблей и металлургических заводов. Царь пору-

чил Меншикову разыскать место для основания верфи. В феврале он доносит Петру, что им найдено такое место на реке Свири, где стояли леса, пригодные для сооружения не только мелких, но и пятидесятипушечных кораблей. Так стараниями Меншикова была основана Олонецкая верфь, с которой уже в августе 1703 г. был спущен первенец Балтийского флота фрегат «Штандарт».

Убежденность Петра в том, что без флота невозможно удержать Неву, стала убежденностью Меншикова. Знал он, разумеется, и о страсти царя к кораблестроению. Именно поэтому работы на Олонецкой верфи находятся в центре внимания Меншикова. Он в курсе всех событий, то и дело справляется о постройке кораблей, их размерах, количестве вылитых для них пушек, отдает распоряжения о заготовке леса, рассылает указы о мобилизации работников. Усвоил он и манеру обращения царя с подчиненными, требуя, чтобы его распоряжения выполнялись «с великим поспешением», «неоплошно», «без всякого мотчания».

Но в отличие от Петра Меншиков, в это время еще не избалованный властью, к промахам подчиненных относился снисходительно, журил их слегка и не прибегал к угрозам. К олонецкому коменданту Яковлеву, своевременно не приславшему 300 плотников в Шлиссельбург, он писал в феврале 1703 г.: «Я на вас надеюсь как на себя, вы мои секретные друзи и любимые мною не так в деле своем поступаете как мне угодно и волю мою не творите». Спустя несколько дней плотники прибыли, и усердие коменданта тут же было замечено: «Благодарствую вашу милость, что вы ко мне в Шлиссельбург плотников и работников выслали и тою высылкою меня повеселили и за то ваше ко мне исправление любезный поклон до вашей милости отсылаю и за свое здравие по чарке горелки кушать повелеваю».

В другой раз олонецкий комендант, осмелившийся донести царю о неполадках, минуя Меншикова, получил укоризненное письмо, взывавшее к его дружеским чувствам: «Ты разсуди сам себе, хотя бы то и так было, дельно ль приступил к донесению мимо меня, в чем надобно было тебе опасну быть, в чем я от тебя не чаял, но еще паче всякого остерегательства надеялся, а ты вместо того пакость чинишь и с такими бездельными словами докладываешь»⁴.

Не менее успешно Меншиков справился и с другими поручениями Петра. Для создаваемого Балтийского флота требовалось много железа и корабельных пушек. Меншиков организует поиски руд и закладывает два завода — Петровский

и Повенецкий. Оба они были пущены в рекордно короткий срок — в начале следующего года на них уже отливали пушки⁵. Так царский слуга постепенно становится соратником царя.

Не забывает Меншиков и о своих бытовых удобствах. Уже в это время отчетливо проявилась его тяга к роскоши и комфорту. В Шлиссельбург к коменданту крепости потянулись обозы, нагруженные всякими припасами, из Архангельска он выписал заграничные экипажи, из Москвы — заморские напитки. Богатый солепромышленник Григорий Строганов удружил царскому любимцу органиста Афоньку.

Искусством жить в роскоши Данилыч овладел довольно быстро. Сохранился любопытный документ — выписка об издержанных деньгах на приобретение различных товаров для царя и его фаворита. В 1702 г. для Петра были куплены два парика общей стоимостью 10 руб., в то время как для Меншикова — восемь на 62 руб. В 1705 г. общие расходы царя и его фаворита на приобретение материалов для экипировки составили 1225 руб. Петр довольствовался приобретением 40 аршин ивановского полотна на порты. Остальные деньги были издержаны на покупку штофов, тафты, кисеи, кружев, сукна, предназначавшихся для Меншикова, его сестры Анны Даниловны и сестер Арсеньевых⁶.

В то время как зимой 1702—1703 гг. Меншиков сторожил Шлиссельбург, царь, находясь вдали от фаворита, осыпал его новыми милостями. Вместе с веселой компанией Петр отправляется в подаренное Меншикову село Слободское, что близ Воронежа, где «веселились довольно». Царь сам составил план небольшой крепости у села и придумал название для нее — Ораниенбург.

«Все добро, — писал царь, — только дай, дай боже, видеть вас в радости». Меншиков отвечал из Шлиссельбурга: «Все здорово и твоим, государя моего, повелением все управляетца».

В том же 1703 г. Меншиков, заждавшийся приезда Петра в Петербург, в письме к царю при объяснении причин задержки прибегает к тому шутивому тону, который был прият в кругу близких к царю людей: «Разве за тем медление чинится, что ренкова у вас ведаем есть бочек с 10 и больше и секу не без довольствия и потому мним, что, бочки испразня, да хотите приехать или, которые из них разохлись, замачиваете или размачиваете, о чем сожалеем, что нас при том не случилось»⁷.

В военной кампании 1703—1704 гт., когда русские войска овладели всем течением Невы и принудили к сдаче гарнизон Нарвы, Меншиков дважды отличился в сражениях. Одно из них произошло в устье Невы вскоре после овладения Ниеншанцем. Шведский адмирал Нумерс, не зная о том, что Ниеншанц пал и находится в руках русских, вошел с отрядом кораблей в устье реки. Два из них бросили якорь вблизи крепости.

В предрассветном тумане 7 мая 1703 г. от берега отчалили 30 лодок с солдатами, вооруженными ружьями и гранатами. Половиной из них командовал Петр, другой — Меншиков. Подкравшись к кораблям, атакующие взяли их на abordаж и в считанные минуты завершили операцию. Она доставила царю огромную радость прежде всего потому, что это была первая морская победа. Ликовавший Петр возложил на себя орден Андрея Первозванного. Другой орден был вручен Меншикову. Данилыч получил еще одну привилегию, высоко поднимавшую его престиж: ему разрешалось содержать на свой счет телохранителей, своего рода гвардию. Подобным правом в стране никто не пользовался, кроме царя.

Петр поспешил оповестить своих друзей об успехе. Известил об этом девиц Арсеньевых и Меншиков: «Против 7 числа господин капитан (Петр.— Н. П.) соизволил ходить и я при нем был же, и возвратился не без счастья. 2 корабля неприятельские с знамены и с пушки и со всякими припасы взяли, на первом 10, на другом 8 пушек». Здесь же сообщение о полученной награде. Примечательна подпись Меншикова под этим письмом. Ранее он подписывался просто: Александр Меншиков. В письме, отправленном 10 мая 1703 г., нетрудно обнаружить следы пробудившегося честолюбия. В подписи под сугубо частным письмом он обозначил и свою должность и принадлежность к числу лиц, удостоенных ордена: «Шлиссельбургский и Шлотбургский губернатор и кавалер Александр Меншиков»⁸.

Впрочем, современник приводит свидетельство непомерного честолюбия Меншикова, относящееся к 1698 г. «Один из министров,— читаем в дневнике секретаря австрийского посольства Корба,— ходатайствовал перед царем об его любимце Александре, чтобы возвести его в звание дворянина и сделать стольником. На это, говорят, его царское величество ответил: „И без этого уже он присволяет себе неподобающие ему почести, его честолюбие следует унимать, а не поощрять“»⁹.

С овладением Ниевшанцем, близ которого была заложена Петропавловская крепость, забот у Меншикова прибавилось. Вновь завоеванная территория тоже была поручена его управлению. Ответственным за сооружение одного из шести бастионов крепости Петр назначил Меншикова. Вблизи крепости был построен деревянный домик царя, сохранившийся до наших дней. Поодаль от него возводили дома вельможи — Гавриил Иванович Головкин, Яков Вилимович Брюс, Петр Павлович Шафиров. Среди зданий выделялся размерами дом петербургского губернатора Меншикова. Он назывался Посольским, потому что в нем принимали послов и отмечали празднества.

Под особым надзором губернатора находилось укрепление острова Котлина, запиравшего вход в Неву. В устье реки постоянно маячили корабли эскадры Нумерса. Как только 1 октября эскадра удалилась на зимнюю стоянку, на Котлине начали спешно возводить крепость по чертежу, присланному Петром из Воронежа. Дело в Петербурге и на острове Котлине спорилось, и Меншиков в июле 1703 г. доносил царю: «Городовое дело управляется как надлежит. Работные люди из городов уже многие пришли и непрестанно прибавляются». Губернатор не сомневался, что «предреченное дело и впредь будет поспешествовать».

Слух об основании русскими города в устье Невы распространился среди западноевропейских купцов, и в ноябре 1703 г. на реке пришвартовался первый иностранный корабль, доставивший соль и вино. На радостях петербургский губернатор щедро наградил за отвагу шкипера, рискнувшего пробиться к городу, минуя шведских каперов: ему была выдана премия в 500 золотых, а каждому матросу по 30 талеров.

Все эти хлопоты занимали уйму времени, с утра до ночи Меншиков в непрерывных заботах, его высокую фигуру можно было встретить на болварках спешно возводимой Петропавловской крепости, в Адмиралтействе, за распределением крестьян и горожан, прибывших на строительные работы со всех концов страны, в полках, охранявших подступы к новому городу, на Олонеккой верфи. Расторопный Меншиков поспевал всюду. Свободного времени у него поубавилось настолько, что он затруднялся выкроить несколько минут, чтобы продиктовать письмо девицам: «А что вы пеняете, что ве часто вам пишу, а вы в том не подивуйте, потому что за недосугом и то чинится, а вам мочно всегда писать»¹⁰.

Петр доволен распорядительностью любимца — в его лице он обрел исполнительного помощника, не щадившего ни себя,

ни других. Царь нуждался в советах Меншикова и не скрывал своего желания встретиться с ним. Будучи в Шлиссельбурге, Петр вызывает к себе Меншикова, видимо находившегося в Ладого: «Зело мне нужда видетца с тобою». И тут же разъясняет, что он приглашает его вовсе не для разноса: «Для бога не думай о своей езде, что здесь нездорово; истинно здорово, только мне хочетца видетца»¹¹.

В кампанию 1704 г. Меншиков участвует в осаде Нарвы. Во время осады Петр по совету Меншикова использовал военную хитрость. В лагере русских войск стало известно, что комендант крепости Горн ждал прихода подкреплений. На виду у осажденных было разыграно «сражение» между спешившим им на помощь «шведским» отрядом и русскими войсками. Двумя полками солдат, облаченными в такие же синие мундиры, что и шведские войска, командовал Петр. Полками в русских зеленых мундирах командовал Меншиков. Инсценировка сражения удалась вполне, шведы поверили, что к ним подоспела помощь, и комендант Горн велел открыть ворота, чтобы ударить по русским войскам с тыла. Выманенные из крепости шведы понесли значительные потери.

«Губернатор и кавалер» получил не только чины и должности, но и царские пожалования вотчинами. Первое из них относится к 1700 г.— он стал владельцем деревни Лукиной в Московском уезде, населенной 115 душами мужского пола; в следующем году хозяйство Меншикова увеличилось еще на две вотчины, тоже пожалованные Петром. Кроме того, Меншиков округлял свои владения скупкой деревень. В 1700—1701 гг. он приобрел в Московском уезде три вотчины, за одну из которых, самую меньшую, он уплатил 3 тыс. руб.¹²

Из каких источников Меншиков изыскивал средства для столь значительных расходов? Относительно казнокрадства Меншикова в эти годы сведения отсутствуют. Быть может, он и залезал в казенный сундук, но брал дозами, не вызывая зависти у других. О степени распространенности этого порока среди современников мы знаем по жестоким и в то же время безуспешным мерам борьбы Петра с ним. И все же главным источником, из которого Меншиков черпал деньги, была казна. Что касается подношений, то они хотя и текли в дом фаворита непрерывным потоком, удельный вес их в его бюджете был невелик.

Молва о близости Меншикова к царю, о влиянии, оказываемом любимцем на Петра, стала достоянием не только придворных, но и проникла в широкие круги дельцов того времени. Одни одаривали посредничество царского любимца

за уже обделанное дельце, другие подносили так, на всякий случай, чтобы заручиться его поддержкой в предвидении того часа, когда придется обратиться к его услугам, третьи о чем-либо просили и тут же поощряли усердие фаворита авансом. Органист Афонька, подаренный Строгановым, не являлся исключением. Как-то Меншиков остановился в Троице-Сергиевой лавре. Монастырские власти проявили интерес к только что завоеванной крепости Шлиссельбург. Губернатор подарил им три плана крепости. Как тут можно было ему удержаться от искушения, если братия одарила его 300 руб.

Подарки типографских планов завоеванных крепостей Шлиссельбурга и Выборга вылились в особый вид вымогательства. Меншиков «с шапкой по кругу» объехал, видимо, уйму монастырей и посадских общин, что принесло ему, по собственному признанию, 19 410 руб. чистоганом.

В других случаях подносили по мелочам: какой-то архимандрит прислал сельдей, руководитель Мундирной канцелярии Матвей Голтвин бил челом принять 200 свежих яблок, бочонок слив и бочонок яблок в патоке. Войсковой атаман Василий Фролов, занявший этот пост не без помощи Меншикова, почти ежегодно присылал по скакуну. Преемник Фролова Иван Краснощеков отправил Меншикову «презенту калмычат молодых мальчика и девочку», а также турецкого табаку; министр в Курляндии Петр Бестужев прислал в подарок платки. Более крупные подношения Меншиков получал от сибирского губернатора Матвея Гагарина, но светлейший, как ни напрягал память, так и не мог вспомнить, в чем состояли эти подношения¹³. Вероятно, Меншиков, особенно в годы, когда находился в зените могущества, получал и денежные подарки, но источники факты такого рода, естественно, не регистрировали.

Впрочем уже в начале столетия у Меншикова наряду с честолюбием обнаружилась еще одна черта его характера — страсть к стяжанию. Крупные взятки он брать не рисковал, о чем свидетельствует случай с Виниусом. Думный дьяк Андрей Андреевич Виниус, обрусевший голландец, отец которого основал еще в 1636 г. первый в России вододействующий металлургический завод, относился к числу близких к Петру людей, входил в так называемую компанию царя, состоявшую из самых доверенных лиц. Он занимал множество должностей — руководил Сибирским, Аптекарским и Пушкарским приказами, в его ведении находилась также и почта. В 1703 г. предстояло освобождение Виниуса от ряда постов, и он ради сохранения за собою Сибирского приказа, приносившего ему,

видимо, наибольшие доходы, решил дать Меншикову взятку примерно в 10 тыс. руб. Меншиков деньги взял, обещал содействие, но тут же донес об этом царю: «Зело я удивляюсь, — с возмущением писал Меншиков, — как те люди не познают себя и хотят меня скупить за твою милость деньгами»¹⁴. В итоге карьера Виниуса оборвалась, он был лишен всех должностей и доверия царя.

В последующие годы подобных сентенций в эпистолярном наследии Меншикова мы не встречаем. В данном же случае Меншикова удержала от соблазна сложная гамма чувств. Отказался он от взятки потому, что предложенный ему куш был непомерно большим, и он психологически еще не был подготовлен к подношениям таких размеров. В этом состоял просчет Виниуса, ибо, предложи он взятку поскромнее, быть может, все обернулось бы по-другому. Но, кроме того, Меншиков руководствовался еще двумя соображениями: во-первых, он упрочивал доверие Петра не только в личных отношениях, но и в качестве верного и преданного помощника на административном поприще; во-вторых, положение фаворита обязывало участвовать в интригах, подставлять ножку своим соперникам и своевременно сметать их с пути.

В начале 1704 г. Меншиков еще более закрепил свое положение «товарища» Петра при помощи пленницы Марты.

В августе 1702 г. Шереметев овладел Мариенбургом. Среди взятых в плен оказалась семья пастора Глюка, державшая в услужении сироту Марту. Сначала Марта попала в руки какого-то сержанта, затем оказалась у Шереметева, а в конце 1703 г. ее отнял у фельдмаршала Меншиков. У Меншикова Марту, которую стали называть Катериной Трубачевой, заметил Петр. Меншиков охотно уступил ее своему «товарищу». Быть может, знакомство Петра с Екатериной было случайным. Но не исключено, что Меншиков сознательно использовал Екатерину в качестве противовеса Анне Монс. Между ним и фавориткой царя сложились неприязненные отношения, и он был заинтересован в разрыве Петра с дочерью виноторговца из Немецкой слободы. Со временем Катерина Трубачева прочно овладела сердцем царя. Своим возвышением она была обязана Меншикову и чувство признательности ему сохранила на всю жизнь.

А пока Меншиков приютил ее в своем семействе — она жила вместе с его сестрой, Анисьей Толстой, и девицами Арсеньевыми. Это дамское общество на первых порах коротало время либо в Москве, либо по вызову приятелей отправлялось в нелегкое путешествие к театру военных действий.

Дамы ведут оживленную переписку с Меншиковым и Петром, спрашивают об их здоровье, поздравляют с праздниками и днями рождения, жалуются на скуку от «разлучения», отправляют подарки. 27 октября 1705 г. Меншиков пишет Дарье Михайловне из Тикотина: «За писание ваше благодарствую, а особо за присылку шафмица (ночного колпака.— *Н. П.*), которой зело любовно принят; так и посланный от вас галздук господину капитану (Петру.— *Н. П.*) вручил, которой также тот галздук милостиво принять благоволил».

Ответы Меншикова на нежные письма Дарьи Михайловны, поначалу суховатые, постепенно приобретают теплоту и взаимное выражение привязанности. «Только не могу больше блажить против милости твоей,— пишет Дарья Михайловна своему возлюбленному.— Желая сердечно видеть тебя, радость свою, и неотлучно б быть при милости твоей всегда». Меншиков отвечает из Витебска: «Для бога скорее приезжайте и нигде в пути не медлите, потому что мне без вас зело скучно, о чем сами изволите рассудить»¹⁵.

В течение шести лет, начиная с 1705 г., между Петром и Меншиковым, судя по их переписке, поддерживались самые теплые отношения и, кажется, не возникло ни одного повода, чтобы омрачить их.

Уместно отметить одну особенность переписки Петра с Меншиковым. Эпистолярное наследие царя велико, оно включает несколько тысяч записок, распоряжений, писем, отправленных многочисленным корреспондентам. Петр любил и умел писать письма. Среди многих сотен корреспондентов особое место занимает Меншиков. Всем остальным царь писал кратко, четко и, как правило, без эмоций. Он поручал сделать то-то и то-то и донести об исполнении поручения. Иное дело — письма к Меншикову. Они отличаются и по тону, и по форме. Это письма не царя к подданному, а дружеские послания, дающие читателю основания полагать, что перед ним два равных по положению корреспондента, обменивающихся взаимными советами, сетующих на трудности. Деловая часть писем Петра к Меншикову перемежается с сообщениями о состоянии здоровья, о погоде, о дорогах, о жажде встречи, наконец, о переживаниях в связи с неудачами или успехами.

Меншикову царь повелевал так же, как и прочим подданным. Но указы Петра к Меншикову напоминают скорее просьбы — в них отсутствуют угрозы за невыполнение, нет в них и повелительного тона, характерного для посланий Петра другим лицам. Петр был уверен, и эта уверенность подтвер-

ждалась повседневно, что Данилыч, если того требует обстановка, сделает больше, чем ему поручено, и будет действовать смело, энергично, а также проявит собственную инициативу в развитии идей, заложенных в письме-указе.

Ни к кому Петр не обращался так нежно, не проявлял столько заботы и предупредительности, как к Меншикову. Как он только его ни называл! «Мейн липсте камрат», просто «товарищ», «Мейн Херценкинд», «Min Her», «Mein Her Leutenant». Характерно, что Меншикову, единственному из корреспондентов царя, дозволено было обращаться к нему так: «Майн герц каптейн», «Мой господин капитан». Петр пользуется любым поводом, чтобы выразить глубокую привязанность и доверие к своему приятелю. Осенью 1704 г. царь пишет: «У нас все добро и весело, только одно лишение от нас меж веселости точку прешкоды ставит». В феврале 1705 г. из Митавы: «За сим желаем вам от господа бога всякого блага и радостного паки свидания, понеже ныне все веселье от нас вы увезли». Еще более выразительны письма царя, отправленные в мае того же года из Москвы. В первом из них он жалуется на болезнь, но более всего тоскует о разлуке с Алексашей. Три дня спустя новое послание в таком же духе: к болезни присоединилась еще «тоска разлучения с вами; долго я терпел, но ныне уже вяще не могу. Извольте ко мне быть поскорей, чтоб мне веселее было, о чем можешь разсудить».

Меншиков позволял себе кокетничать. На одно из писем Петра он отвечал в марте 1705 г.: «Не погневись, мой государь, что мало и не часто к милости твоей пишу. Истинно рад бы писать часто, да опасен того, чтоб милости вашей частыми бездельными письмами не надокучить. И впредь, кроме дела и самой нужды, ни о чем писать к милости вашей не буду, только что разве о здоровье вашу милость безвестна не оставлю»¹⁶. Петр, однако, требует от своего «товарища», чтобы он писал почаще, он хотел знать, как у него идут дела и каково его самочувствие. «Для бога прошу, чтобы чаще вы писали», — не велит, а умоляет царь своего друга в апреле 1706 г.¹⁷

До сих пор мы наблюдали за деятельностью Меншикова, находившегося рядом с Петром. Он участвовал в лихом налете на неприятельские корабли, осаждал и штурмовал Нарву. То была проба сил Меншикова-военачальника. Теперь Петр доверяет своему «товарищу» действовать самостоятельно, и он успешно выполняет главную в то время задачу пе-

тербургского губернатора — лишить шведов возможности вернуть земли по течению Невы и защитить будущую столицу.

Сначала он в июле 1704 г. организовал отпор нападению шведов на Петербург. Неприятеля, подошедшего к крепости, встретили таким плотным огнем артиллерии, что он вынужден был поспешно ретироваться, понеся большие потери. С таким же успехом действовали подчиненные Меншикова и при обороне Кронштадта. Высадившийся там десант вынужден был вернуться на свои корабли. Умелые действия губернатора Петр вознаграждал чином генерал-поручика.

После овладения Нарвой театр военных действий переместился в Польшу. Шведские войска в погоне за Августом II колесили по территории этой страны с 1701 г., грабя население и нанося бесчисленные поражения саксонцам. Петр был заинтересован в сохранении союзнических отношений с Августом II, ибо, когда Карл XII, по образному выражению царя, увяз в Польше, Россия получила передышку для восстановления утраченной артиллерии и обучения армии современным приемам ведения войны.

Наконец, в 1704 г. Карл XII совершил детронизацию Августа — отнял у него польскую корону и вручил ее своему ставленнику Станиславу Лещинскому. Среди польских магнатов и шляхты возникло два лагеря: один из них поддерживал Станислава Лещинского, опиравшегося на шведские штыки, другой — оставался верным Августу II.

Августу было совершенно очевидно, что водрузить на свою легкомысленную голову корону польского короля без энергичной помощи со стороны России ему не удастся. Но столь же очевидно было и Петру, что чем дольше станет сопротивляться Август, тем продолжительнее будет отсрочка вторжения шведов в Россию. Именно из этих соображений Петр охотно заключил союз с польским королем Августом II в только что отвоеванной Нарве.

Договаривавшиеся стороны обязались воевать «до безопасного и обоим государствам полезного мира» и не вступать в сепаратные переговоры. А так как Август не обладал боеспособным войском, то Россия обязалась отправить в его распоряжение 12-тысячный корпус и выдавать польскому королю ежегодную субсидию в 200 тыс. руб.

Осенью 1704 г. в Польшу были двинуты два соединения русских войск: одно под командованием Аникиты Ивановича Репнина, другое — фельдмаршала Шереметева. Позже, в 1705 г., когда Шереметев был отправлен на подавление Астраханского восстания, общее командование русскими

войсками в Польше Петр поручил недавно нанятому на русскую службу фельдмаршалу Огильви. В Польшу был отправлен и Меншиков в качестве командующего русской кавалерией. Здесь он энергично громил сторонников Станислава Лещинского, за что был пожалован Августом орденом Белого Орла. Но главную награду для своего фаворита исхлопотал Петр. По его поручению русская дипломатия долго и настойчиво добивалась от венского двора титула для Меншикова. Еще в 1702 г. канцлер Федор Алексеевич Головин поручил русскому послу в Вене Петру Алексеевичу Голицыну исхлопотать Меншикову титул «гофа». Перед расходами велено было не останавливаться, ибо Головин обещал их возместить. Канцлер соблазнял посла возможностью получить за труды изрядное вознаграждение: «А от него б (А. Д. Меншикова.— Н. П.) тебе заплата будет добрая, что и сам можешь разсудить. И другим бы было во угождение»¹⁸. Под «другими», видимо, подразумевался царь.

Титул графа Меншиков, видимо, все же получил, ибо в обращениях к нему в 1703—1704 гг. он употреблялся. Наконец, в 1706 г. австрийский император удовлетворил желание русского царя, наградив царского фаворита дипломом князя Священной Римской империи. Бывший пирожник стал светлейшим князем.

В зимнюю стужу начала 1706 г. армия Карла XII, находившаяся в Силезии, совершила стремительный марш на восток и в середине января оказалась у стен Гродно. Меншиков, получив известие о движении шведов к Гродно, доносил царю: «Ваша милость не извольте беспокоиться: мы здесь совершенно готовы, полки наши сюда собираются и вскоре совсем управимся».

Действительно, Карл, обследовав укрепления Гродно, пришел к выводу, что штурмом ему городом не овладеть. Шведские войска расположились за несколько десятков километров от Гродно.

Донесение Меншикова, полное оптимизма, не успокоило царя. Вслед за получением известия о марше Карла XII к Гродно он решил немедленно ехать к армии. «Надобно смотреть,— писал царь Меншикову 13 января, т. е. в день выезда из Москвы,— чтоб неприятель не отрезал наших войск от границы... чтобы неприятеля отнюдь не допустить зайти сзади себя»¹⁹.

Попасть в Гродно Петру не удалось — он и выехавший к нему навстречу Меншиков оказались отрезанными от армии. Положение усугублялось тем, что Огильви не разделял опа-

сений Петра относительно судьбы сосредоточенных в Гродно лучших полков русской армии. Царь требовал вывода войск из Гродно, в то время как Огильви считал необходимым дать шведам сражение, в котором надеялся одержать «совершенную и верную победу». На худой конец Огильви настойчиво рекомендовал отсидеться в Гродно до лета, и тогда шведов можно было бы одолеть наверняка.

С легкомысленными рассуждениями наемного фельдмаршала Петр согласиться не мог и, не надеясь на пунктуальное выполнение им своих повелений, отправляет в Гродно Меншикова с обширнейшими полномочиями. Главная задача Меншикова — вывести 40-тысячную армию из мышеловки. В письмах, адресованных Огильви и Репнину, было сказано, чтобы они выполняли все распоряжения светлейшего с такой же беспрекословностью и с таким же усердием, как и указы, исходившие непосредственно от царя.

Воспользоваться своими полномочиями в полном объеме Меншикову не довелось — он встретил армию три дня спустя после того, как она оставила Гродно. На следующий день после приезда, 28 марта, он устроил смотр войскам. Хотя и пришлось утопить тяжелую артиллерию в Немане и расстаться с грузами, замедлявшими движение, главная задача, поставленная Петром в тщательно разработанном им плане выхода из окружения, была выполнена. Царь писал Меншикову из Петербурга: «Истинну сказать, от сей ведомости вовсе стали здесь радосны; а до того, хотя и в раю жили, однако всегда на сердце скребло»²⁰.

Русская армия двигалась к Киеву, который Меншиков решил укрепить на случай прихода шведских войск. «Я ездив вокруг Киева, — доносил он Петру, — также около Печерского монастыря, и все места осмотрел. Не знаю, как вашей милости поздравится здешний город, а я в нем не обретаю никакой крепости». Меншиков остановил свой выбор на Печерском монастыре, который, впрочем, нуждался в сооружении дополнительных укреплений.

Между тем Карл XII отправился было в погоню за русскими войсками, но вскоре обнаружил тщетность своей попытки настичь их и навязать им генеральное сражение. Предоставив своей армии двухмесячный отдых, шведский король круто повернул на запад и отправился к границам Саксонии, где решил принудить Августа отказаться от польской короны.

В переписке Меншикова с царем конца 1705 — начала 1706 г. встречаются загадочные слова. 23 декабря 1705 г. Петр пишет: «Еще вас о едином прошу: ни для чего, только

для бога и души моей, держи свой пароль». Меншиков отвечает: «А что изволишь, ваша милость, меня подкреплять, чтоб мне пароль здержать, и о том не изволь, государь, сомневаться: истинно не преступлю твоего повеления». Петр остался удовлетворен ответом: «Что вы изволите пароль свой держать, за то zelo благодарен»²¹.

О каком «пароле» шла здесь речь? Под «паролем» подразумевались взаимные обязательства царя и Меншикова: первый должен был жениться на Екатерине, второй — на Дарье Михайловне Арсеневой. С тех пор, как была пышно отпразднована свадьба в Киеве, в письмах Петра исчезло требование к Меншикову блюсти «пароль». Сам царь, женившийся пятью годами позже, употреблял слово «пароль» в последний раз в 1711 г. в ответе Меншикову на его поздравление по случаю помолвки с Екатериной: «Благодарствую вашей милости за поздравление о моем пароле».

Едва успели завершиться свадебные торжества, как Меншиков вновь в походе — превратности войны забросили его опять в Польшу, где Карл, двинувшийся в Саксонию, оставил генерала Мардефельда с 8 тыс. шведов. Их-то и решил разгромить Меншиков.

ГЕРОЙ КАЛИША, БАТУРИНА, ПОЛТАВЫ И ПЕРЕВОЛОЧНЫ

В распоряжении Меншикова находилась превосходно подготовленная армия. Вот каким представлялось ему самому русское войско в июле 1706 г.: полки обретаются в добром состоянии, ибо «вся наша кавалерия ныне рекрутована, мундирована и добрыми лошадьми дополнена». Уверенность в успехе усиливало ожидаемое подкрепление в составе четырех полков, что в итоге доводило численность регулярной кавалерии до 20 тыс. человек, не считая 3 тыс. калмыков и 4 тыс. казаков. «А неприятель уже бывши в Полонном местечке, о нашем приходе уедав, то бег восприял»¹.

Скромностью это письмо Меншикова к П. П. Шафирову не отличалось. И тем не менее суждения Александра Давидовича не являлись пустым бахвальством. Дальнейший ход событий подтвердил способность русской армии «добре» встретить неприятеля.

К повышению боевой выучки войск Меншиков имел прямое касательство. В июле он утвердил «Артикул краткий» — наставление для обучения драгун военному ремеслу. Помимо правил поведения на территории союзника России (за насилие, мародерство, поджоги — смертная казнь), «Артикул» предусматривал воспитание у воинов чувства долга, патриотизма и дисциплины: «Кто к знамю присягал единожды, у оного и до смерти стоять должен» или: «Оной, кто крепость без нужды сдает... голову потеряет»². В это же время Меншикова занимала забота комплектования полков, обеспечения их оружием, продовольствием и фуражом.

Навстречу корпусу Меншикова двигался Август с польскими и саксонскими войсками. Они соединились в середине сентября. Осень — не лучшее время для преследования противника, поэтому у Меншикова были колебания: давать или не давать баталию неприятелю. 11 октября он принял решение атаковать шведов у Калиша. Задуманная Меншиковым операция удалась на славу, хотя ее воздействие на дальнейший ход кампании в Польше было ослаблено изменой Августа II.

Как только Карл XII вторгся на территорию беззащитной Саксонии, дипломаты Августа вступили с завоевателями в тайные переговоры. Саксонский курфюрст, уже лишившийся польской короны, опасался, что Карл отнимет у него и трон в Дрездене. Ради его сохранения он готов был совершить предательство.

В те самые дни, когда в замке Альтранштадт, что недалеко от Лейпцига, министры Августа II в непроницаемой тайне вели переговоры с представителями Карла XII, сам Август, рыдая, выпрашивал у Меншикова деньги. Князь доносил Петру: «Королевское величество зело скучает о деньгах и со слезами наодине у меня просил, понеже так обнищал; пришло так, что есть нечего». Прижимистого Данилыча королевские слезы растрогали настолько, что он выдал Августу из собственных денег 10 тыс. ефимков.

Петр одобрил действия Меншикова. Хотя царь и знал, что Август постоянно попрошайничает и транжирит деньги на удовольствия и многочисленных дам, он считал, что «ежели при таком злом случае постоянно король будет, то, чаю, надлежит его во оных крепко обнадежить»³.

Игра Августа поставила его в весьма затруднительное положение. С одной стороны, он уже санкционировал унижительный Альтранштадтский мир с Карлом XII, по которому он отрекался от польской короны в пользу Станислава Ле-

цинского, разрывал союз с Россией и обязался выплачивать за содержание шведской армии колоссальную контрибуцию в 625 тыс. рейхсталеров в месяц. С другой стороны, под боком находилась русская армия во главе с Меншиковым, рвавшимися преследовать Мардефельда. Участие саксонцев в сражении на стороне русских могло вызвать взрыв гнева у мстительного Карла и далеко идущие последствия: король мог разорвать только что заключенный мир и в отместку за измену начисто опустошить богатую Саксонию, а у ее курфюрста отнять корону. В то же время отказ Августа II от участия в сражении мог вызвать подозрение у Меншикова, и тогда возмездия за измену следовало ожидать со стороны русских.

Август II нашел, как ему казалось, самый безопасный выход из щекотливой ситуации. Он решил предупредить шведского генерала, чтобы тот, не дожидаясь нападения объединенных русско-польско-саксонских войск, убрался восвояси. Король полагал, что он, симулируя активность, лишит Меншикова повода для подозрений — дескать он, Август, равно как и светлейший, изо всех сил старался войти в соприкосновение с неприятелем, но что поделаешь, если тот уклоняется от сражения? Август рассчитывал, что его услуга будет по достоинству оценена и Карлом XII — это он, Август, предупредил Мардефельда о грозившей опасности.

Хитроумному плану курфюрста не суждено было осуществиться — совершенно неожиданно спутал все карты Мардефельд. Август II отправил в шведский лагерь парламентаря, и тот, уловив момент, когда остался наедине с Мардефельдом, передал ему письмо с предупреждением, чтобы тот спешно отступал на запад и не ввязывался в сражение. Предупреждение осталось без ответа. Август считал, что Мардефельд еще не осведомлен о тайных переговорах, завершившихся заключением мира, и поэтому спустя несколько дней повторил предупреждение. На всякий случай саксонский генерал, действовавший от имени Августа, в качестве последнего аргумента использовал честное слово для доказательства, что оба короля отныне находились в наилучших отношениях. Мардефельд был предупрежден, что в его распоряжении оставалось два дня и две ночи, которыми он еще мог воспользоваться для отступления. Вопреки ожиданиям шведский генерал не только не прислушался к советам, но и признал их провокационными. Парламентарю он ответил, что не нуждается в советах врагов⁴.

Проявляя подозрительность, Мардефельд был по-своему прав. Противник, рассуждал шведский генерал, своими сове-

тами намеревался выманить его войска из лагеря, хорошо оборудованного еще за три дня до подхода к нему русских войск. Риск выхода из укрепленного лагеря увеличивался еще и тем, что силы атакующих превосходили его собственные силы: в распоряжении Мардефельда находилось 4 тыс. кавалерии, 3 тыс. пехоты и до 20 тыс. поляков, державших сторону Станислава Лещинского. Меншиков располагал 17 тыс. драгун и около 15 тыс. кавалерии, находившейся в распоряжении Августа II. И хотя польский король нарочито медленным построением своей конницы в боевые порядки предоставлял возможность Мардефельду использовать последний шанс для отступления, шведский полководец не воспользовался этим шансом — он не рассчитывал на возможность отрыва от неприятеля. Уйти значит заведомо оставить пехоту на растерзание русским драгунам.

Как ни пытался Август уклониться от сражения, оно все же началось в 2 часа дня 18 октября 1706 г. Когда русские полки, расположенные в центре атакующих, сблизилась с неприятелем, то первыми не выдержали натиска поляки — они бросились наутек. Тем не менее шведы продолжали отчаянное сопротивление и даже сумели потеснить русских драгун. Увлеченная преследованием шведская кавалерия оставила без прикрытия свою пехоту. Этим промахом Мардефельда умело воспользовался Меншиков. Он тут же велел спешить несколько эскадронов драгун, послал на неприятельские фланги кавалерию и сокрушил шведскую пехоту. Он же отрезал шведам путь отступления.

Большая часть шведской армии полегла на поле боя, лишь немногим кавалеристам удалось выбраться из окружения. 1800 шведов во главе с Мардефельдом оказались в плену. Потери русских войск были ничтожными — 80 убитыми и 320 ранеными.

Исход сражения определили русские войска и энергичные действия Меншикова. В сражении он блеснул и полководческими дарованиями и личной отвагой. Хотя он накануне и успокаивал супругу, находившуюся в обозе, что «в баталии сам не буду», он в критический момент сражения ринулся в пекло битвы и был легко ранен. Отвагу светлейшего признал даже Август. Он писал Петру после сражения у Калиша: «Я был вполне всем доволен, и если могу на что жаловаться, так это на князя Александра, потому что он в этой войне, ревнуя о славе вашего величества и о нашей общей пользе, подвергал себя очевидной опасности и тем причинил мне немалое беспокойство»⁵.

Меншиков спешит уведомить Петра об успехе. «Не в похвальбу вашей милости доношу: такая сия прежде небываемая баталия была, что радостно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились... И сею преславою шастливою висториею вашей милости поздравляю и глаголю: виват, виват, виват!» Петр отвечал из Петербурга: курьер «неописанную привёз нам радость о победе неприятельской, какой ещё никогда не бывало», — и тут же добавил: «Уже сей третий день мы празнуем». Обрадованный приятной вестью, Петр садится за стол и «сочиняет» чертеж дорогой трости, украшенной алмазами, крупными изумрудами и гербом Меншикова. Тростью, стоившей 3064 руб. 16 алтын 4 деньги, царь одарил своего любимца⁶.

День Калишской победы, 18 октября, был объявлен висториальным днем и ежегодно отмечался торжествами наравне с днями победы у Лесной, Полтавы и Гангута. Это было самое значительное событие первых шести лет Северной войны: ни в одном из предшествующих сражений не участвовало такого количества войск, ни одно из них не завершилось пленением неприятельского командующего. Наконец, ни в одном из полевых сражений предшествующего времени русские войска не проявили столь высоких боевых качеств регулярной армии, как под Калишем. Восстанавливалась репутация вооруженных сил России. Шафиров по случаю победы устроил в Москве званый обед. Английский и датский послы, доносил Шафиров царю, рассуждали, «что сия победа всех возбудит против шведа смелее поступать»⁷.

Меншикову тоже рисовались радужные последствия одержанной победы. Ставленник шведов Станислав Лещинский, по мнению Александра Давидовича, «ныне вконец уничтожен и в первую силу никогда притить не может». Положение Августа II теперь упрочится. Поляки, находившиеся под гипнозом побед шведов и неуверенности в том, что русские не только способны оказать им сопротивление, но и победить их, переходили на сторону Станислава из страха. После Калиша, рассуждал Меншиков, неприятель «первого своего куража лишен» и можно надеяться на массовый переход польской шляхты и магнатов на сторону законного короля⁸. Формулируя этот вывод, Меншиков еще не знал, что Август II отрекся от польской короны.

Калишской победе не суждено было стать поворотным пунктом в истории Северной войны. Ни Меншикову, непосредственно общавшемуся с Августом, ни Петру, находившемуся вдали от своего «друга, брата и соседа», не хватило

проницательности, чтобы разгадать подлинные намерения саксонского курфюрста. Его измена явилась полной неожиданностью для Меншикова. За месяц с лишним до сражения, 12 сентября, информируя Шафирова о вступлении шведских войск в Саксонию, он писал: «Королевское величество (Август II.— Н. П.) послал туда указы, чтоб отнюдь контрибуцию ему (Карлу XII.— Н. П.) не давать, хотя жестокие разорения терпеть»⁹. О коварной измене Августа, расстроившей все планы русского командования, Данилович узнал слишком поздно — новость стала его достоянием лишь в конце ноября 1706 г. «Уже ныне мы подлинную ведомость получили о мире, каков учипил тайно король Август с королем шведским, и имеем 3 договорных статей списки». Копию договора Меншиков «для подлинного уведомления» отправил своему корреспонденту Шафирову¹⁰.

А вот признание самого царя, высказанное много лет спустя после событий: у него «и в мысли не было, чтобы Август имел намерение о таком безчестном мире с королем шведским, как действительно случилось». Королевские клятвы в верности настолько усыпили бдительность Меншикова, что он не придавал никакого значения слухам, носившимся в его ставке за неделю до сражения. Он писал царю 11 октября: «Здесь ведомость есть, что в Саксонии учинено перемирие на десять недель, о чем зело сомневаюсь»¹¹.

Участие саксонских войск в разгроме шведов как бы замыкало цепь предательских поступков Августа. Как объяснить этот факт шведскому королю, всегда неприязненно отзывавшемуся о его моральных качествах? Карл, разумеется, лучше, чем кто бы то ни было, знал о низкой боеспособности саксонских войск, терпевших непрерывные поражения от шведов. Знал он также и о том, что роль саксонцев в победе была ничтожной. Но поверит ли Карл, что саксонцы были невольными участниками сражения? Что могло искупить вину перед новым хозяином?

Новый хозяин действительно пребывал в гневе. После получения известия о понесенном Мардефельдом поражении шведский король объявил комиссарам, участвовавшим в переговорах: если Август действовал преднамеренно, то он, Карл XII, немедленно возобновит военные действия. Комиссаров охватило смятение. Впрочем, вскоре Карл XII сменил гнев на милость. Его вполне удовлетворило объяснение Августа, что польско-саксонские войска участвовали в сражении вынужденно. Подозрительность Карла XII Август рассеял еще одним предательством по отношению к России.

За победу у Калиша он отслужил благодарственный молебен в Варшаве, подарил Меншикову Оршу в Литве и Полонну на Волыни, чем еще более расположил его к себе, и в то же время настойчиво вымогал у него передачу оказавшихся в плену шведских генералов, офицеров и рядовых. Меншиков долго не поддавался уговорам, но, когда Август угрожал разрывом союза с Россией, в конце концов уступил. Взамен полученных пленных Август дал Меншикову письменное обязательство обменять их в течение трех месяцев на русских офицеров, томившихся в шведском плену еще со времен первой Нарвы. Меншиков заручился также обязательством Мардефельда вернуться в русский плен в том случае, если обмен не состоится.

Хитрец на троне обманул — ни о каком обмене пленных он не помышлял, вырученное из беды шведское воинство нужно было ему лишь для того, чтобы смягчить гнев Карла XII. Обманул и Мардефельд. Шесть месяцев спустя после освобождения Мардефельда Меншиков отправляет ему письмо с напоминанием о необходимости выполнить «кавалерский пароль», что его поступок противен «все народным правам и обычаям» и является «бесчестным». Шведский генерал предпочел не отвечать¹².

После измены Августа II вся тяжесть войны пала на плечи одной России. Русские войска отошли к местечку Жолква, что в 25 верстах севернее Львова, где расположились на зимних квартирах. Меншиков настоятельно приглашал туда царя. 28 ноября он писал ему: «Сомневаться, что король нас оставил, ты не изволь: можно выбрать и другого короля»¹³.

Получив это письмо на пути в Москву, царь тут же изменил маршрут — круто повернул на юг и в последних числах декабря прибыл в Жолкву. Здесь он пытался подобрать кандидатуру на «вакантную должность» польского короля, но успеха не имел. Тем не менее Жолква вошла в историю Северной войны. Именем этого западноукраинского местечка был назван стратегический план продолжения военных действий. Суть его состояла в том, что в случае движения шведов на восток надлежало уклоняться от генерального сражения на территории Польши, но, отступая, непрестанно «томить» неприятеля нападениями мелких отрядов, уничтожением запасов продовольствия и фуража и организацией отпора при попытках преодолеть водные рубежи.

В начале 1708 г. шведскую армию, корошо отдохнувшую и экипированную в Саксонии, а также пополненную рекрутами, Карл двинул в поход на Россию.

Обстановка первой половины 1708 г. вынуждала Меншикова трудиться с полным напряжением сил. Отступление русской армии происходило под прикрытием конницы Меншикова. Она то отбивалась от наседавших шведов, то сама нападала на них. При движении из Могилева на юг шведы совершали марши протяженностью в 6—7 километров в сутки. Это позволяло Меншикову оставлять неприятеля без продовольствия и фуража — их увозили, прятали, сжигали.

Жолквиевская стратегия принесла плоды. Перебежчики сообщали, что шведы «голод имеют великий». Меншиков доносил царю: «Рядовые солдаты к королю приступили, прося, чтоб им хлеба промыслил, потому что от голода далее жить не могут». Томимая голодом армия едва способна была совершать марши, недоедание вызывало болезни.

Супруга в эти месяцы живет в постоянной тревоге. Меншиков пишет своим домашним: «Для бога берегите и унимайте, чтоб не плакала и не печалилась об нас, понеже мы никогда надлежащей осторожности иметь не оставим». Дарья Михайловна просит Петра, чтобы тот умерил горячность своего «товарища». Царь внял просьбе и ответил, что он много раз предупреждал князя, чтобы тот «берег себя», и тут же добавил, что «у них все благополучно и от князя получает ежедневные ведомости»¹⁴.

Светлейший старался успевать повсюду, но иногда допускал просчеты. Он, например, сторожил Карла при переправе через Березину ниже Борисова, а тот обманул князя и без помех преодолел речку в другом месте. Меншиков отправил царю донесение: «Мы никогда в ту сторону его марша не чаяли». Если бы подобную оплошность совершил любой из генералов, он в полной мере ощутил бы гнев царя. К своему приятелю царь проявил снисхождение и всего лишь предостерег светлейшего, чтобы тот не дал себя обмануть при переправе шведов через Днепр.

Во второй половине 1708 г. по мере продвижения шведов к Украине, напряженность на театре военных действий нарастала. Эти месяцы были отмечены тремя вехами Северной войны, каждая из которых приближала время гибели вторгнувшегося неприятеля. Ко всем трём Меншиков имел самое прямое отношение: к сражению у села Доброго 30 августа, битве при Лесной 28 сентября и разгрому Батурина 2 ноября.

Источники скупо отражают участие Меншикова в первых двух операциях. Известно лишь, что князь при сражении у села Доброго ринулся в атаку во главе кавалерии как раз

в тот момент, когда исход боя не внушал полной уверенности в успехе. Движение Меншикова на неприятельский фланг ускорило исход двухчасового сражения, закончившегося победой русских войск. Сражение могло завершиться полным разгромом, если бы не топкие болота, помешавшие коннице Меншикова своевременно пробраться к месту событий. Петровичевал и потому, что поражение нанесено полкам, укомплектованным, как он писал, «природными шведами», и потому, что «сей танец в очах горячего Карлуса станцевали», т. е. шведскими войсками командовал сам король, имевший высокую репутацию полководца. Потери шведов при селе Добром исчислялись 3 тыс. человек. Они, конечно же, не шли ни в какое сравнение с уроном, который позже понес неприятель при битве у Лесной, но тем не менее были для него ощутимыми.

В то время как Карл медленно продвигался к Украине, к нему из Лифляндии следовал огромный обоз с запасами продовольствия, фуража и артиллерийских припасов. Его сопровождал 16-тысячный корпус генерала Левенгаупта. Прибытие этого подкрепления усилило бы армию короля.

Когда Петру стало известно, что обоз тронулся в путь, он решил напасть на него силами корволанта — летучего отряда, спешно для этой цели сформированного из драгун и пехотинцев, посаженных на коней. Налегке, без обременительного обоза, корволант настиг корпус Левенгаупта у деревни Лесной. Русскими войсками командовал Петр, но тут же находился и Меншиков. Нам неизвестны подробности участия князя в сражении 28 сентября. Битва, продолжавшаяся с утра до наступления темноты, завершилась разгромом шведов. Весь обоз в несколько тысяч телег достался русским. Вместо 16 тыс. Левенгаупт, бежавший с поля битвы под покровом ночи, привел в стан короля 6—7 тыс. деморализованных солдат.

Петр назвал битву у Лесной матерью Полтавской баталии не только потому, что эта битва произошла ровно за девять месяцев до роковой для шведов развязки у стен Полтавы, но и потому, что подобного поражения противник никогда не терпел. Тем более от войск, уступавших по численности корпусу Левенгаупта.

Поражение у Лесной укрепило Карла XII в намерении идти на Украину, где он рассчитывал получить то, что было утрачено Левенгауптом: продовольствие, фураж, пушки и припасы к ним. Все это заготовил для него украинский гетман Мазепа,

Измена Мазепы являлась следствием едва ли не самых значительных промахов Петра и его окружения. Прояви царь больше провицательности, не будь столь доверчивы к украинскому гетману Меншиков, Головин и прочие соратники Петра, изменник был бы разоблачен значительно раньше и его связи с недругами России были бы пресечены задолго до того, когда шведские войска оказались на земле Украины. Но Петр считал его верным слугой, а Меншиков и другие вельможи относили его к числу своих друзей.

За двадцатилетнее гетманство Мазепы в Москве было получено множество на него доносов, но гетман всякий раз находил способы отводить их. Последние по времени доносы 1707 г. исходили от генерального судьи Кочубея и полтавского полковника Искры. Оба они располагали достоверными сведениями о предательских связях Мазепы с Карлом XII и Станиславом Лещинским. И оба в одно мгновение из обвинителей превратились в обвиняемых. Этой метаморфозе способствовали Меншиков и Головин, убедившие царя в невиновности гетмана и необходимости сурово наказать клеветников. Меншикову Мазепа писал: «Известую вашей княжой светлости, что Кочубей исконной мой есть враг» и много раз сочинял «на мене пашквильные подметные письма». Искра тоже «завзял на мене вражду и злобу». Письмо заканчивалось просьбой выдать ему доносителей, уже находившихся под стражей и подвергнувшихся пыткам¹⁵.

Своего Мазепа достиг — Кочубей и Искра были ему выданы с царским повелением казнить их. 14 июля 1708 г. гетман торжествовал победу: его разоблачение не состоялось, Кочубей и Искра были казнены. Более того, гетман получил царскую грамоту с обещанием не оставить без милости «непоколебимую верность» и его обязательство не верить «никаким клеветникам, которой бы дерзнул что на вас противное нам, великому государю, доносить».

Но «верный подданный» как называл Петр гетмана, давно решил переметнуться к шведам и лишь ждал удобного момента, чтобы совершить предательский шаг. О своем намерении Мазепа сообщил узкому кругу приближенных, которым, впрочем, полностью не доверял. «Смотри, Орлик, — говорил он, обращаясь к войсковому писарю, — додержи мне верность! Ведаешь ты, в какой я у царского величества милости, не променяют там меня за тебя. Я богат, а ты беден, а Москва гроши любит. Мне ничего не будет, а ты погибнешь»¹⁶.

Развязка наступила в октябре 1708 г., причем ускорил ее приближение не кто иной, как Меншиков. Светлейший при-

гласил гетмана для обсуждения плана совместных действий против неприятеля. Гетман заподозрил неладное: князю, подумал он, наверное что-то известно о заговоре. Страх за жизнь вынудил Мазепу сказать тяжело больным. Послал к Меншикову своего племянника Войнаровского с письмом, что готовится к соборованию. Меншиков извещает об этом Петра: «И сия об нем ведомость зело меня опечалила, первое, тем, что не получил его видеть, которой зело мне был здесь нужен, другое, такова доброго человека, ежели от болезни ево бог не облехчит»¹⁷.

Мазепа в нерешительности. Настал ли тот час, когда надо действовать?

— Послать к королю или нет? — спрашивает он сообщников.

— Как же не посылать, давно пора, не надобно откладывать¹⁸.

Мазепа принял роковое для себя решение после того, как прискакавший Войнаровский сообщил о намерении Меншикова прибыть в Борзну, чтобы проститься со смертельно больным. «Больной» гетман садится на коня и в окружении сообщников скачет в Батурин, затем в Короп, наконец, переправляется через Десну и встречается с шведским отрядом.

Опасения Мазепы, что Меншикову что-то известно и он едет в Борзну, чтобы заковать его в цепи, оказались напрасными — не выдержали нервы предателя.

Меншиков приезжает в Борзну, но гетмана там нет. Отправляется по его следам в Батурин, но и оттуда гетман успел отбыть. Подозрения укрепились после захвата гонца прилуцкого полковника Дмитрия Горленка. Сообщник Мазепы извещал адресата: 24 октября «мы с ясновельможным добродетелем нашим паном гетманом» соединились со шведами. Светлейший срочно доносит царю: «И тако об нем инако разсуждать не извольте, только что совершенно изменил».

Новость потрясла царя. Он и не скрывал этого в ответе Меншикову: «Письмо ваше о нечаянном никогда злом случае измены гетманской мы получили с великим удивлением»¹⁹. После того как измена Мазепы стала установленным фактом, главное внимание воевавших сторон в течение нескольких дней было приковано к Батурину. Именно туда, в свою резиденцию, гетман сvez вдосталь то, в чем крайне нуждались шведы. Об этом Мазепа не преминул сообщить шведскому королю, и тот был полон желания овладеть городом, а вкупе с ним и всем добром.

Ключевое значение Батурина понимал и Петр. Если запасы попадут к неприятелю, то он станет намного сильнее, и обстановка на Украине осложнится настолько, что поставит под угрозу успех всей кампании. Кто раньше проникнет в Батурин, тот окажется в выигрыше, стоившем и риска, и перенапряжения сил. Именно поэтому к Батурину одновременно спешили шведы с мазепинцами и русские войска. Время исчислялось не сутками, а часами.

Операцию по овладению Батурином Петр поручил Меншикову. Задание было трудным и опасным, и царь не был уверен, что Меншиков с ним справится. Дело в том, что русским войскам не удалось преградить шведам путь через Десну. 31 октября Петр пишет Меншикову: «Неприятель, пришед, стал у реки на Батуринском тракте и для того изволь не мешкать». Записка царя от 1 ноября: «Объявляем вам, что нерадением генерала маеора Гордона шведы перешли сюды. И того ради извольте быть опасны, понеже мы будем отступать к Глухову. Того ради, ежели сей ночи к утру или поутру совершить возможно, с помощью божию, оканчивайте. Ежели же невозможно, то лутче покинуть, ибо неприятель переберетца в четырех милях от Батурина»²⁰. На следующий день — новое повеление царя, вызванное полученным им известием, что шведы замедлили свое движение к Батурину: «Сей день и будущая ночь вам еще возможно трудитца там, а далее завтрашнего утра (ежели чего не сделано) бавитца (пребывать.— Н. П.) вам там опасно».

Пока гонцы доставляли Меншикову царские письма с предостережениями, нужда светлейшего в них отпала — он к тому времени уже овладел Батурином.

Меншиков пришел к Батурину 31 октября. Ворота крепости оказались запертыми и засыпанными землей, а гарнизон во главе с комендантом Чепелем, преданнейшим сторонником Мазепы, изготовился для отражения нападения. Князь послал парламентаря, но Чепель заявил, что он не верит в измену Мазепы. Затем осажденные заявили, что они убедились в измене гетмана, но попросили три дня на размышление. Меншиков понял, что Чепель тянет время, что Мазепа велел ему во что бы то ни стало продержаться до подхода шведов. Утром 2 ноября русские войска штурмом овладели городом. Все, что можно было вывезти из Батурина, Меншиков захватил с собою, а все остальное сжег или разрушил.

Петр получил известие об успешных действиях Меншикова в тот же день и отправил ему поздравление: «Сего момента

получил я ваше зело радостное писание, за которое вам зело благодарны, паче же бог мздовоздаятель будет вам»²¹. Благодарность и надежду на «бога мздовоздаятеля» царь подкрепил реальной наградой: он пожаловал князю принадлежавшее Мазепе село Ивановское с деревнями.

Известие о разгроме Батурина привело изменника в уныние. «Злые и нещастливые наши початки»,— произнес он, узнав, что от его резиденции остался пепел.

Не оправдались надежды Мазепы и на то, что его призывы к украинскому народу встать под знамена шведского короля будут иметь успех. Обманом удалось привести в стан Карла XII 3—4 тыс. казаков, большинство из которых покинуло Мазепу как только им стали ясны его изменнические планы. Украинский народ оставался верным союзу с братским русским народом и оказывал всемерную помощь армии в борьбе с общим неприятелем.

По обычаю тех времен зимой интенсивность военных действий ослабевала. Петр в феврале 1709 г. отправился в Воронеж, оставив Аниките Ивановичу Репнину, Борису Петровичу Шереметеву и Александру Даниловичу Меншикову указ, «что без меня чинить». Генералы должны были наносить урон неприятелю нападениями небольших отрядов, следовать за ним «как близко возможно» и всячески препятствовать движению Карла XII к Днепру и в Польшу для соединения с находившимися там шведскими войсками и польскими отрядами Станислава Лещинского²².

Меншиков в эти месяцы находился при армии, за исключением кратковременного пребывания в Воронеже. Крупных сражений не было, но Меншиков, выполняя повеление Петра, неотступно следовал за неприятелем. А тот в поисках виинтерквартир и продовольствия в небывало лютые для этих мест морозы петлял по заснеженным степям, отбиваясь от лихих налетов армейских отрядов и украинских партизан. Война приобрела народный характер, и в ставку Меншикова и других генералов поступали сведения то о пленении шведских фуражиров, то о захвате обоза, то о героическом сопротивлении населения попыткам шведов проникнуть в город или местечко.

В нашем распоряжении нет прямых свидетельств о личном участии Меншикова в многочисленных переделках, то и дело происходивших на театре войны, но беспокойство, постоянно проявляемое супругой Данилыча о его судьбе, указывает на опасности, которым он подвергался. Заметим, кстати, что семейные дела князя сложились на редкость удачно — Дарья

Михайловна оказалась заботливой и нежной женой. Меншиков тоже проявлял к ней предупредительность и внимание. Огорчала лишь необходимость находиться, как тогда говорили, в разлучении — супругу в походах, будничных стычках с неприятелем, а впечатлительной Дарье Михайловне хотя и в безопасном расстоянии от театра военных действий, но в постоянных переживаниях за своего Данилыча, жизнь которого в любой момент могла прервать шальная пуля. Переписка супругов первой половины 1709 г. дает немало примеров стремления сохранить спокойствие друг друга, ради которого оба прибегали к обману, к «святой» лжи.

В январе 1709 г. Меншикову стало известно, что супруга, будучи на сносях, нервничает и близко воспринимает слухи о его неосторожности. Светлейший обращается к ее сестре Варваре Михайловне: «Уведомился я от Антона (Девьера.— Н. П.), что вы печалуетесь, что вам не надлежало бы делать, а надобно скакать да плясать и княгиню забавлять, дабы не печалилась. И печалиться вам не о чем, понеже за помощью божиею и за вашими молитвами в добром обретаемся мы здравии и чаю, к вам вскоре буду». Из письма князя от 12 марта 1709 г.: «Ежели услышу, что ты будешь печалиться, то какая и мне в то время будет радость? А буде ты не будешь печалиться, то и мне будет веселее».

В начале июня Дарья Михайловна заболела, но факт этот скрыла от супруга. Меншиков пишет ей: «Прежде сего сами вы говорили, что я к вам о своем состоянии подлинно не пишу и не даю о том знать; а ныне, как я вижу, что и вы подлинно нас не уведомляете, и в письмах пишете, что слава богу здоровы»²³.

В феврале 1709 г. Дарья Михайловна родила сына, которого Петр как крестный отец назвал двойным именем — Луккой-Петром. Царь «яко крестнику своему» отвалил Лукке-Петру щедрый подарок — 100 дворов. «А где, то даю на вашу волю, где вам понадобится», — писал он Меншикову, предоставляя ему право самому выбирать уезд и деревню со 100 дворами.

Данилыч, однако, не удовлетворился даянием. Петру он сообщил, что деревни в 100 двороов не изыскал, а сыскал деревню в 150 дворов и просил удержать с него деньги за лишние 50 дворов. От царя получил ответ, на который и рассчитывал: «О деревне бѹдь по вашему прошению, а вычту в те поры, когда бог даст вам другого сына»²⁴.

Номинальным главнокомандующим русскими войсками в предполтавский период числился фельдмаршал Шереметев.

Фактически распоряжался армией Петр, а в его отсутствие — Меншиков. О талантах Меншикова-стратега трудно что-либо сказать, ибо стратегию войны в конечном счете определял сам царь единолично или на так называемых «консилиях» — военных советах. На них обсуждались общие и частные планы военных операций. Последнее слово, однако, принадлежало царю.

Что касается тактических дарований Меншикова, то источники зарегистрировали немало следов их проявления. Светлейший либо подсказывал Петру решение, либо предвосхищал его распоряжения. Царь, находясь в Воронеже, велит Меншикову «левую руку у неприятеля брать», т. е. расположить войско так, чтобы лишить шведов контактов с крымскими татарами и турками. Меншиков отвечал: «У нас полки разставлены еще до того вашего письма левою стороною до самого Перекопу»²⁵.

Получив известие об осаде Полтавы, Петр отправил указ Меншикову, чтобы тот совершил нападение на Опошню. Цель диверсии — привлечь внимание неприятеля к Опошне, с тем чтобы оказать помощь гарнизону осажденной Полтавы. Письмо было написано Петром 9 мая, а Меншиков сделал то, что требовал царь, еще 7 мая.

Меншиков не упустил случая оказать осажденному гарнизону непосредственную помощь — в ночь на 15 мая в город прибыло пополнение. Под покровом темноты отряд в 900 человек пробрался через кустарник, переправился через болота и доставил в город свинец и порох. В составе «сикурса», несомненно укрепившего силы обороняющихся, находился бригадир Головин, женатый на сестре Меншикова Марье. С этим Головиным стряслась беда на следующий же день. Он возглавил отряд, совершивший вылазку из крепости, и попал в плен, так как под ним убили лошадь. В письме супруге по поводу этого несчастья светлейший проявил трогательную заботу о сестре. Он просил обнадежить ее, «что вскоре такой случай получим оного освободить и обменять», а затем рекомендовал исподволь («по малому скажите») подготовить сестру к восприятию огорчительных известий. Через три дня еще одно проявление заботы: «Також извольте, — пишет князь Дарье Михайловне, — сестре моей Марье на расход выдать денег ста два, понеже ведаю, что не без нужды есть»²⁶.

20 июня русские войска переправились через Воркслу и начали подготовку к генеральной баталии. Меншиков изо дня в день утешает супругу: «Опасности никакой нет и в оной не бываем»; в самый канун Полтавской битвы: «Впрочем у нас,

за божиею помощью, благополучно, и опасности никакой нет, понеже все стоим на одном месте, и наша армия вся здесь в совокуплении»²⁷.

Знаменитая Полтавская битва началась на рассвете 27 июня. Немалая заслуга в разгроме шведов принадлежала Меншикову. Это он лишил шведского короля одного из важнейших преимуществ — внезапности атаки и своевременно известил царя о начале движения неприятеля на русский лагерь.

План шведского короля состоял в том, чтобы пехота, предводительствуемая Левенгауптом, овладела русскими редутами. Завершить дело на начальном этапе сражения король поручил коннице: ей надлежало, двигаясь между редутами, разгромить русскую кавалерию и завладеть пушками. В заключительной фазе сражения пехота и конница, соединившись в тылу редутов, должны были нанести удар по основным силам русской армии. Такова была диспозиция Карла XII. Действительность опрокинула планы короля, и сражение протекало не в соответствии с его волей, а по воле Петра. Шведской пехоте удалось овладеть лишь двумя недостроенными редутами поперечной линии. Среди атаковавших уже раздавались радостные возгласы: «Победа! Победа!»

Радость, однако, была преждевременной: как только неприятельская пехота приблизилась к редутам, она оказалась под губительным огнем артиллерии, расстреливавшей ее в упор и с флангов. Часть шведов была отрезана от основных сил и в беспорядке отошла в лес.

Между тем основные силы Карла XII, неся огромные потери, продолжали попытку пробиться сквозь редуты. В сражение вступила кавалерия, предводительствуемая Меншиковым. Он вынудил к сдаче шведские батальоны, отступившие в лес. Вслед затем Меншиков атаковал резервный корпус и почти полностью уничтожил его. Под князем было убито две лошади.

Началось генеральное сражение, шведы ввели в бой все свои силы. Кавалеристы Меншикова вновь одержали верх над шведской конницей, обратив ее в бегство. Князь в гуще битвы — сраженная пулей, под ним пала третья лошадь.

Судьба генеральной баталии была решена за два с половиной часа. Поле под стенами Полтавы было усеяно шведскими трупами — позже их насчитали свыше 8 тыс. Началось бегство неприятеля.

В связи с битвой 27 июня 1709 г. уместно напомнить об одной любопытной детали. Полтавская победа принесла царю

несколько приятных неожиданностей: неожиданным был сокрушительный разгром неприятельских войск; неожиданными были малые потери русских; наконец, неожиданным было участие в сражении лишь трети русской армии, сосредоточенной у стен Полтавы. Все эти неожиданности на несколько часов парализовали энергию Петра, перенесшего накануне огромную нервную нагрузку. В итоге преследование в панике бежавших шведов началось не спустя несколько часов, требовавшихся для того, чтобы привести конницу в боевой порядок, нарушенный сражением, а лишь к вечеру, когда в погоню были отправлены драгуны и пехота князя Михаила Михайловича Голицына и генерала Боура. Позже во главе преследователей встал Меншиков.

Деталей того, как протекало преследование, мы не знаем. В распоряжении историков на этот счет имеется лишь два документа, исходивших от Меншикова. Оба они близки по содержанию и крайне скупо отразили происшедшее.

29 июня Александр Данилович извещал супругу: «О себе доношу, что сего часу прибыли мы с кавалериею в Кобыляк в добром здоровье и речку Кобылячку переправливаемся, где от неприятеля с нашими была и стрельба небольшая — не хотели наших перепустить. Однако же мы за божией помощью чуд не все перебрались и как перебрались, то з божиею помощию следовать будем, чтоб не перепустить их за Днепр».

Донесение царю, отправленное одновременно в 8 час. утра, дословно повторяет письмо к Дарье Михайловне, но содержит одну дополнительную фразу: «Король ныне ночевал в Кобыляке и ис Кобыляка пошел и спрашивал разных дорог за Днепр»²⁸.

Из текстов явствует, что шведы бежали без оглядки, показывая преследователям спины. Лишь единственный раз они отважились повернуться к ним лицом, пытаясь воспрепятствовать их переправе через речку Кобылячку, но робкое сопротивление тут же было сломлено.

30 июня шведы достигли Днепра у Переволочны. Спасение — на противоположном берегу реки, но лихорадочные поиски средств переправы не увенчались успехом: с трудом удалось обнаружить лишь несколько лодок. На них погрузили Карла XII и его охрану. Король, оставив командование генералу Левенгаупту, отправился искать убежище в турецких владениях. Чуть раньше переправился через Днепр и Мазепа.

Три часа спустя после бегства короля к Переволочне подоспела конница Меншикова. В общей сложности в его распоряжении находилось 9 тыс. человек, в то время как Левен-

гаупт располагал 16 тыс. Превосходство в численности неприятельских войск не смутило князя. Он знал, что перед ним стояла армия, деморализованная поражением под Полтавой и утомленная трехдневным бегством. Знал он также, что шведы не располагали ни артиллерией, ни порохом, ни запасами продовольствия и фуража. Все это вместе взятое и дало ему основание потребовать от Левенгаупта немедленной капитуляции. После продолжительных совещаний с офицерами Левенгаупт решил сдаться.

Перед нами письмо, отправленное Меншиковым супруге сразу же после капитуляции. Дарье Михайловне он сообщал, что «бегучаго от нас неприятеля здесь мы сего числа настигли и только что сам король и с изменником Мазепою в малых людех уходом спаслись, а достальных шведов всех живьем на окорд в полон побрали, которых будет числом около десяти тысяч, между которыми генерал Левенгаупт и генерал-майор Крейц. Пушки, всю амуницию тоже взяли»²⁹.

В приведенном отрывке все соответствует истине, за исключением одной детали: пленено было не «около десяти тысяч», как сообщал Меншиков, а 16 275 человек. Напомним, что в распоряжении князя находилось 9 тыс. солдат и офицеров, т. е. почти в два раза меньше.

Это письмо прежде всего подтверждает удачный выбор царя. Петр правильно учел свойства характера Меншикова, которому в известной мере были свойственны и невероятная напористость и способность действовать очертя голову. Именно так и надо было поступить с деморализованным противником. Расчетливость Шереметева и осторожность Боура вряд ли могли быть полезными в той ситуации.

В связи с приведенной цифрой приходит на ум и другое: неизвестно, проявил бы светлейший столько напористости в требовании капитулировать, если бы знал подлинную численность шведов. Трофеями русских войск оказалось все оружие, снаряжение, артиллерия, 400 тыс. руб. в шведской казне и 4300 руб. — в мазепинской. Все, что шведы награбили за девять лет непрерывных побед в Польше, Курляндии и Саксонии, попало к русским. Среди пленных — рижский генерал-губернатор Левенгаупт, генералы Крейц, Круз, графы Дугласы и другие высшие офицеры. Среди освобожденных — сотни русских пленных и в их числе бригадир Головин. Армия, силами которой Карл намеревался покорить Россию и разделить ее на княжества, перестала существовать.

Переволочна добавила к полтавской славе Меншикова новые лавры.

После Полтавы Петр раздает награды: графа Гавриила Ивановича Головкина он возвел в канцлеры, Петра Павловича Шафировова — в вице-канцлеры, Репнину, Брюсу и другим генералам пожаловал орден Андрея Первозванного, генерал-лейтенантам Голицыну и Боуру — деревни. Многие генералы и офицеры получили повышение в чинах. Но все эти награды не шли ни в какое сравнение с тем, как были отмечены заслуги Меншикова. Светлейшего царь пожаловал чином второго фельдмаршала (первым был Шереметев), а также городами Почеп и Ямполь. И без того уже огромные владения князя увеличились на 43 362 души мужского пола. По числу крепостных он стал вторым после царя душевладельцем России.

Этим наградам Меншиков обязан был прежде всего своей близостью к царю. Справедливости ради должно отметить, что все самые яркие страницы истории Северной войны в предполтавский и полтавский периоды написаны при активнейшем участии Меншикова: Калиш, Батурин, Полтава, Переволочна. Никого из соратников Петра нельзя поставить на одну доску со светлейшим по вкладу, лично внесенному в разгром шведов.

«Преславная виктория» под Полтавой коренным образом изменила внешнеполитическое положение России, и Петр отправляется в Европу, чтобы пожать дипломатические плоды победы русского оружия. Меншикова он отправляет в Польшу против войск Станислава Лещинского и шведского генерала Крассау. Однако шведы сами поспешно удалились в Померанию, а Станислав Лещинский, лишившийся их вооруженной поддержки, бежал из Польши. Петру князь доносил 29 сентября: «Понеже пишет к нам господин отъютант Ушаков, что неприятель ушел к Померании, настичь его невозможно, того ради мы поход свой оставили»³⁰.

Распорядившись о расквартировании войск в Польше, Меншиков отправляется в Москву для участия в грандиозном параде победителей. Но накануне отъезда у него произошло крупное столкновение с подчиненным ему генералом Гольцем. Оно заслуживает внимания главным образом потому, что отражает некоторые черты характера князя, развивавшиеся по мере получения им новых чинов и укрепления дружбы с царем.

Еще в 1705 г. английский посол Витворт доносил своему правительству о Меншикове, что в России «ничто не делается без его согласия, хотя он, напротив, часто распоряжается без ведома царя в полной уверенности, что его распоряжения будут утверждены»³¹. Пять лет спустя датский посол Юст

Юль записал в дневнике слова, будто бы произнесенные Петром: «Без меня князь может делать, что ему угодно; я же без князя ничего не сделаю и не решу»³².

В этом свидетельстве Юста Юля столько же истины, сколько и преувеличения. Сомнительно, чтобы Петр без совета Меншикова не принимал решений. Но бесспорно, что князь если и не делал все, «что ему угодно», то позволял себе очень многое, в частности распоряжался именем царя, ставя его лишь в известность о своих повелениях, а иногда не считал это необходимым. Властный и самолюбивый, он не терпел возражений и был неразборчивым в средствах, чтобы стереть всякого, кто пытался ему перечить.

Не меньше, чем самолюбием, светлейший был наделен высокомерием. Быть может, высокомерие на первых порах являлось своего рода защитной маской, часто используемой князем в общении с «породными» людьми, в глубине презиравшими выскочку, которым он платил той же монетой. Но с таким же основанием истоки высокомерия следует искать в ненасытном честолюбии князя, безотказно удовлетворяемом царем.

Неприятные отношения светлейшего с Гольцем, видимо, имели давнюю историю, но в 1709 г. они достигли кульминации. Гнев Меншикова вызвала то ли нерасторопность Гольца, то ли преднамеренное нежелание выполнять распоряжение князя, выходявшее, как ему представлялось, за пределы служебных обязанностей, — он не выделил охраны для сопровождения княгини Дарьи Михайловны и царевича Алексея из Кракова в Ярославль. В результате путешественник и путешественница едва не попали в неприятельские руки. Гольц еще раз ослушался Меншикова и, сказавшись больным, не приехал по его вызову. Во время судебного разбирательства Гольц проиграл процесс. Ему пришлось признать себя виновным в том, что царевич Алексей и княгиня Меншикова едва не попали в плен, винился и в презрении указов «командующего фельдмаршала» Меншикова.

В истории с Гольцем Меншиков выглядел человеком, который не прощает неповиновения и пренебрежения к себе. Совершенно очевидно, что он добивался применения к Гольцу самой суровой меры наказания. Царь не пошел на поводу у своего фаворита прежде всего потому, чтобы за границей не сложилось мнения о неуважительном отношении в России к иноземным специалистам.

Менее суровым Меншиков выглядел в отношениях с подчиненными и вельможами, которые, в отличие от Винуса,

не соперничали с ним в фаворе или не выказывали к нему, подобно Гольцу, пренебрежения. К подчиненным, безропотно выполнявшим его волю, князь проявлял снисходительность, даже если те ошибались, и готов был взять их под защиту, если кто-либо притеснял их в такой степени, что наносил ущерб его престижу.

У Меншикова была огромная армия подчиненных, подвизавшихся как на гражданской, так и на военной службе: чиновники губернской канцелярии и Военной коллегии, многочисленные коменданты воинских гарнизонов, многочисленный штат адъютантов, положенных ему как фельдмаршалу. В 1717 г., например, в его свите значилось 47 человек, в том числе 6 генералов-адъютантов, 3 адъютанта, 5 поручиков, 12 прапорщиков и 19 денщиков. Источники проливают свет на отношения, сложившиеся между ним и его адъютантами.

В конце 1717 или в начале 1718 г. адъютант Степан Нестеров был отправлен в Москву, судя по всему, с весьма важными поручениями. Но, прибыв в Москву, он хранил гробовое молчание. Можно было ожидать, что у Меншикова иссякнет терпение и он отправит адъютанту гневное письмо. Но князь, когда это было необходимо, умел сдерживать эмоции и в письме от 16 января 1718 г. ограничился «отеческим» внушением: «Зело удивляюся, что так вы чините, ибо уже чрез сколько почт писем от вас не имеем, чего никогда не сподевали. Того для через сие предлагаю, дабы вы впредь по вся почты к нам писали, через которые о всех тамошних обращениях уведомляйте»³³.

Нестеров, видимо, исправил оплошность, во всяком случае, в последующих письмах нет никаких следов недовольства.

Нечто схожее с поступком Нестерова совершил прапорщик Полочанов, отправленный в неизвестный нам пункт с каким-то поручением. Он получил следующее послание Меншикова от 30 января 1718 г.: «Вашей самой неосмотрительной простоте зело я удивляюся, что за чем вы посланы, отвезли ль, не токмо обстоятельно, но ни малого и по се время уведомления нам, о чем хотя от нас вам и подтверждением предложено, не получили и пребываете так безгласны, якобы подлые и весьма несмысленны».

Сколь важные новости ждали от прапорщика в канцелярии Меншикова, свидетельствует тот факт, что спустя три дня в его адрес было отправлено новое письмо. Оно в основном повторяло содержание первого, в нем тоже отсутствовали угрозы применить репрессии.

Бывали, однако, случаи, когда Меншиков распекал провинившихся без всякого снисхождения. В качестве примера приведем случай с комиссаром Руниным, заведовавшим почтой в Нарве и по каким-то соображениям осмелившимся задерживать ревелские и нарвские письма, адресованные Меншикову. Вызывающее поведение Рунина возбудило нескрываемое раздражение, и каждая строка письма незадачливому комиссару дышала гневом: «Зело удивляюсь вашему безумию, что вы для своих безделиц посланным с нужными от нарвского коменданта господина Сухотина к нам письмами на почтовых станах ведения своего подвод не даете и пакетов принимать не велите, и прочие противности и непослушания чините, в чем на вас, как от него, коменданта, так и от иных многих персон многие приходят жалобы». Это письмо Меншикова было отправлено 12 апреля 1718 г. и, как следует из дальнейшего, не оказало на Рунина должного воздействия. Под влиянием новой жалобы Сухотина Меншиков две недели спустя отправил еще одно послание с более сильными выражениями: «Мы надеялись, что вы по тому нашему предложению свою злополучную гордость и бездушные поступки уже весьма отложите», но оказалось, что вы «прежние свои злогордостные паче ж бездельные еще поступки продолжаете». Разгневанный губернатор и фельдмаршал мог бы отстранить зарвавшегося комиссара от должности, но ограничился лишь требованием прислать объяснительную записку³⁴.

Рунин для Меншикова был чужим человеком. К «своим людям» князь относился куда благосклоннее, причем, проявляя заботу о них, он руководствовался отнюдь не альтруистическими побуждениями. «Своих» он опекал, протектировал им при назначениях на должности в правительственные учреждения всех уровней, следил за продвижением по службе. Те, обязанные ему карьерой готовы были всегда, как тогда говорили, «отслужить» своему патрону.

19 декабря 1709 г. москвичи стали свидетелями грандиозного парада победителей. В нем участвовал и Меншиков, ехавший чуть сзади Петра. На следующий день была разыграна сцена доклада князю-кесарю Ромодановскому главных участников победоносного сражения — Петра, Меншикова, Шереметева. Меншиков доложил: «Божией милостию и вашею кесарского величества счастием взял я в плен ушедших с Полтавского сражения под Переволочну генерала и рижского губернатора графа Левенгаупта... и 16 275 человек»³⁵.

В начале апреля 1710 г. Меншиков вновь на театре войны, Операции развернулись в Прибалтике, там русские в те-

чение года овладели важнейшими крепостями Эстляндии и Лифляндии. Меншиков участвовал в осаде Риги. Царь был недоволен действиями Шереметева, не обеспечившего полной блокады Риги, и отправил туда князя в полной уверенности, что тот сделает все, чтобы изолировать крепость от внешнего мира и принудить гарнизон к сдаче. Меншиков распорядился перекинуть через реку бревна и цепи, поставить в надлежащих местах пушки, чем лишил шведские корабли возможности доставить гарнизону продовольствие и подкрепления. Все было готово к штурму, но началось «моровое поветрие» (чума), сильно опустошившее ряды осаждавших, и активные действия пришлось отложить.

УДАЧИ И ПРОМАХИ В ПОМЕРАНИИ

Светлейший возвращается в Петербург, где в качестве губернатора продолжает руководить застройкой города. Петр признавал заслуги Меншикова в благоустройстве будущей столицы. В одном из писем этого года, отправленном из Петербурга, царь писал: «...Желаю, дабы господь бог ваше дело как наискоря управил, и вас бы нам здесь видеть дабы и вы красоту сего Парадиза (в котором добрым участником трудов был и есть) в заплату трудов своих, с нами купно причастником был, чего от сердца желаю. Ибо сие место истинно, как изрядный младенец, что день, преимуществует»¹.

К своему детищу — Петербургу — Петр был неравнодушен, и оценку его внешнего облика он явно преувеличивал. Судя по описанию города, составленному в 1710—1711 гг., он еще не приобрел облика, позже вызывавшего хвалебные отзывы современников. Будущая столица в это время не имела ни одного монументального здания, город застраивался стихийно, на скорую руку возводились невзрачные деревянные дома, в которых ютились мастеровые люди. Даже дворцы вельмож, в том числе и губернатора Меншикова, были деревянными. Все, что приводило в восторг людей, обзоревавших столицу империи в конце жизни Петра, — прямые улицы, вымощенные камнем, аллеи вдоль улиц, освещаемых фонарями, кирпичные дворцы Меншикова, Апраксина, Головкина, Летний дворец Петра и изумительный по красоте Летний сад, собор Петра и

Павла, здания Кунсткамеры и Двенадцати коллегий — возникло много позже. Но и тогда, в 1710—1711 гг., вызывала удивление быстрота возведения на пустынном и заболоченном месте города с 750—800 дворами, грандиозным Адмиралтейством, со стапелей которого спускали полностью оснащенные и вооруженные корабли.

Десятки тысяч людей в невероятно тяжелых условиях изо дня в день вколачивали сваи, обжигали кирпич, валили деревья, возводили правительственные здания, спрямляли притоки Невы, засыпали землей низины. Застройка Парадиза велась под постоянным надзором царя. Но Петр бывал в Петербурге наездами, неотложные дела требовали его присутствия в военных походах, на переговорах с союзниками, в Москве, где пока еще находились правительственные учреждения. В его отсутствие главным распорядителем строительных работ в Петербурге становился губернатор Меншиков.

В середине января 1711 г. Петр отправляется в Москву для подготовки похода против Турции. Остававшемуся в Петербурге Меншикову царь составил инструкцию «Что надлежит делать по отъезде нашем». Поручения касались завершения строительства Летнего дворца, заложенного в августе 1710 г., и сооружения других дворцов — Зимнего и дворцов в окрестностях Петербурга. Позже эту инструкцию Петр дополнил новыми заданиями — построить амбары в Адмиралтействе, следить за сооружением кораблей и благоустройством города, организовать заготовку провианта. Губернатору предоставлялась широкая инициатива, «понеже, — как писал Петр, — нам ныне за нынешнюю настоящую войною всех дел правильно определить было невозможно»².

Забот в зимние месяцы у Петра действительно было много: надлежало укомплектовать армию, отправлявшуюся к турецким границам; пополнить рекрутами гарнизоны прибалтийских крепостей, ослабленных выводом из них войск, предназначенных для похода; организовать снабжение снаряжением и вооружением. Все эти хлопоты настолько занимали царя, что он не находил времени, чтобы черкнуть несколько строк Данилычу. Тот регулярно отправлял Петру письма и донесения, а Петр отвечал одним на пять полученных. «Впрочем, прошу, чтоб не оскорблялися вы, что не часто пишу: истинно несказанная суета и для неисправностей здешних печаль».

В «неисправностях», приводивших Петра в «печаль», видимо, недостатка не было. Одной из них он поделился с Меншиковым: «А ныне бог ведает, в какой печали пребываю, ибо

губернаторы зело раку последуют в происхождении своих дел, которым последний срок в четверг по первой неделе, а потом буду не словом, но руками со оными поступать» — так царь выразил свое отношение к нерасторопности губернаторов, задерживавших поставку рекрутов. Характерно, что ни к кому из своих сотрудников царь не обращался с письмами, в которых он доверял бы тайну своих переживаний и душевного состояния.

Ничто не предвещало размолвки. Меншиков и царь обменивались подарками. Петр благодарит князя за какой-то презент и, в свою очередь, сам поздравляет с рождением второго сына и одаривает новорожденного: «Посылаю сыну вашему материю на шлапрок, а понеже он еще мал, то вы вместо его изнесите»³.

6 марта 1711 г. царь выехал из Преображенского в Москву, чтобы оттуда отправиться к армии. В этот день он написал Меншикову два письма. Одно из них столь же доброжелательное, проникнутое вниманием и заботой о князе, как и предшествующие письма. Другое выражало недовольство: как только Петр оказался в Москве, к нему обратился прибывший незадолго до этого польский посол Волович. От имени вдовы великого гетмана литовского Григория Огинского, преданнейшего сторонника сближения Польши с Россией, он подал жалобу на Меншикова, который в бытность свою в Польше в 1709 г., воспользовавшись финансовыми затруднениями гетмана, купил у него за бесценок староство Езерское.

Сора со сторонниками России в Польше противоречила внешнеполитическим интересам русского правительства, и царь велел Меншикову немедленно возвратить староство вдове. Письмо царя к князю содержит внушение: «И николи б я того от вас не чаял, хотя б какой и долг на них был».

В пути Петру довелось выслушать новые жалобы жертв княжеского стяжания и произвола. Если в первом письме царь лишь слегка пожурил своего фаворита, то в письме, отправленном 11 марта, звучат нотки раздражения, недовольства и даже угрозы: «В чем зело прошу, чтоб вы такими малыми прибитки не потеряли своей славы и кредиту. Прошу вас не оскорбита о том, ибо первая брань лутче последней, а мне, будучи в таких печалех, уже пришло до себя и не буду желеть никого».

Меншиков не отпирался, но считал инцидент не заслуживающим внимания, сущей безделицей. Петр, однако, придерживался диаметрально противоположного мнения: «А что, ваша милость, пишешь о сих грабежах, что безделица, и то

не есть безделица, ибо интерес тем теряется во озлоблении жителей; бог знает, каково здесь от того, а нам жадного прибытку нет»⁴.

У Меншикова перед царем была заступница — Екатерина Алексеевна, сопровождавшая царя в Прутском походе. «И доношу вашей светлости,— писала Екатерина князю в первой половине мая,— дабы вы не изволили печалиться и верить бездельным словам, ежели с стороны здешней будут происходить, ибо господин шаутбейнахт по-прежнему в своей милости и любви вас содержит»⁵. Екатерина не лукавила. По-надобилось меньше месяца, чтобы прежние отношения между Петром и его фаворитом восстановились. В письме от 9 апреля Петр уведомил корреспондента в Петербурге, что он тяжело болел «скорбью такую, какой болезни от роду мне не бывало», что «весьма жить отчаялся», но дело пошло на поправку и он учится ходить. Меншиков отвечал: «Об оной вашей болезни весьма мню, что не от иного чего, но токмо от бывших трудов вам приключилось, и того ради прилежно прошу, дабы изволили себя в том хранить». Захворал и светлейший, хотя и обладал завидным здоровьем. В июле он сообщил царю, что «в полторы сутки з десять фунтов крови ртом вышло»⁶. Это был, видимо, первый серьезный приступ хронической болезни легких, с которой на этот раз могучему организму светлейшего удалось справиться.

Заступничество Екатерины сыграло свою роль. Но и сам Меншиков принимал меры, чтобы потрафить царю. Он известил Петра, что ко дню его именин, отмечаемому 29 июня, заготовил подарок — фрегат «Самсон», купленный им за границей. Подарок, как говорится, пришелся ко двору — Петр после Полтавы считал пополнение Балтийского флота крупными кораблями важнейшей задачей и главным средством принудить Швецию к миру. «Самсон» был первым кораблем, купленным за границей, и открывал серию приобретений военно-морских судов в Англии и Голландии.

Оценить качество подарка Петр тогда, разумеется, не мог, он находился в походе, но в апреле следующего года, будучи на борту «Самсона», писал светлейшему: «При сем пилю за здоровье, ктo сей корабль подарил, понеже zelo хорош на ходу»⁷.

Прутский поход, как известно, закончился неудачно. Россия должна была вернуть Азов и оставить Таганрог. Тем самым Азовский флот лишился гаваней.

С берегов реки Прут Петр отправляется за границу, где принимает воды в Карлсбаде, участвует в свадебных торжест-

вах своего сына, встречается с иностранными государями. Поздней осенью 1711 г. он возвращается в Россию. Сведения о взаимоотношениях Петра и Меншикова этого времени дают основание оценить происшедшую размолвку как всего лишь досадный эпизод, следы которого тут же исчезли. Во всяком случае, Петр не скупился на похвалы князю за его усердие в строительстве Петербурга.

Меншиков в эти годы являлся не только петербургским губернатором, но и руководителем канцелярии городских дел, в ведении которой находилась застройка Петербурга, Шлиссельбурга, Кронштадта и Петергофа. Знакомство Петра с результатами деятельности Александра Даниловича в качестве градостроителя вызвало у него чувство удовлетворения. «Благодарствую вашей милости за все труды ваши, как для охранения тамошних краев, так и за строение», — писал царь 28 сентября 1711 г.⁸ Спустя полтора месяца, 3 ноября, Петр проявил заботу о светлейшем. Из Эльбинга он писал ему: «О протчем не имею что ответствовать, только дай боже вас здоровых видеть, для чего прошу тебя богом: не ездй встречу ко мне, не испорть себя после такой жестокой болезни, но дождись в Питербурхе»⁹. Меншиков получил это письмо, находясь в пути. Супругу он извещал: «Но понеже оное письмо встретило нас на половине дороги к Риге и того ради принуждены доезжать до Риги не спеша»¹⁰.

Урегулирование отношений с Турцией хотя и стоило России утраты приобретений на Азовском море, но развязывало ей руки для продолжения борьбы с главным противником. Петр рассудил по этому поводу так: «Сие дело есть, хотя и не бес печали, что лишитца тех мест, где столько труда и убытков положено, аднако ж, чаю, сим лишением другой стороне великое укрепление, которая несравнительно прибылью нам есть»¹¹. Под «другой стороной» подразумевалась Швеция.

Шведы были изгнаны из Лифляндии и Эстляндии еще в 1710 г. Неприятельские войска откатились в Померанию, где укрылись в хорошо укрепленных городах.

Россия не претендовала на территориальные приобретения в этом районе и если двинула туда свои войска, то для того, чтобы изгнать шведов из континентальной Европы и тем самым вынудить упрямого Карла XII заключить мир. Участием в Померанской кампании Россия, кроме того, выполняла союзнические обязательства перед Саксонией и Данией.

Напомним, что Северный союз, распавшийся в 1706 г. после заключения Альтранштадтского мира с Саксонией и формального отречения Августа II от польской короны, был воскрешен под стенами Полтавы. Полтавская победа аннулировала Альтранштадтский мир и вынудила шведского ставленника Станислава Лещинского бежать из Польши. Эта же победа позволила занять свое место в Северном союзе и Дании, вышедшей из него еще в 1700 г. В итоге Северный союз был восстановлен в прежнем составе, причем Петр особые надежды в этом союзе возлагал на Данию как единственную страну, обладавшую сильным военно-морским флотом. Что касается Балтийского флота России, то, хотя он и был многочисленным, в его составе пока отсутствовали мощные линейные корабли, способные дать бой шведской эскадре в открытом море. Именно поэтому царь решил сосредоточить свои усилия на изгнании Швеции из ее последних владений на континенте — Померании.

Союзные армии действовали в Померании на редкость пассивно, осадные работы протекали вяло и не приносили ожидаемого успеха. Главная причина — серьезные разногласия в стане союзников. Петр решил послать в Померию такого главнокомандующего русскими войсками, у которого полководческие дарования сочетались бы с дипломатическими способностями. Главнокомандующий, кроме того, должен был пользоваться беспредельным доверием царя. Выбор пал на Меншикова.

Это назначение соответствовало и пожеланиям светлейшего. Еще в 1711 г. он настоятельно просился на театр военных действий. Петр тогда ответил князю: «А что охота ваша служить, и тому еще время будет, понеже наш чудин (Карл XII.— Н. П.) пока жив, чаю покоя едва будет»¹².

В феврале 1712 г. Петр писал датскому королю: «Я намерен своего генерала фельдмаршала князя Меншикова для лучшего управления в Померию послать и оному команду над моими там уже стоящими и еще туда определенными войсками вручить». В черновом варианте грамоты имеются слова, правда опущенные в окончательном тексте, объясняющие, почему выбор пал именно на Меншикова: «Понеже я о его искусстве и верности довольно обнадежен, и что он со всякою ревностью и прилежностью общаго интереса искать и всякия старания в том прилагать будет». Августу II по поводу этого назначения Петр писал: «Мы на его персону и ревность к общему благу совершенное доверие полагаем»¹³.

Вооруженный точными указаниями Петра, что ему надлежало делать в Померании, Меншиков выехал из Петербурга 2 марта 1712 г. и развил кипучую деятельность, будучи еще в пути. Правда, князь передвигался к месту своего назначения не с такой скоростью, как того хотелось Петру, но тому были веские причины. Царь торопил Меншикова: «Для бота пожайте как наискоряе, чтоб там вы скоряя были для сего нужного случая и с королем увиделись прежде неприятельского действия». Но у светлейшего — сильный приступ болезни: «Мог бы и верхом на почте, оставя экипаж свой, поспешать, только не допускает до того чечуйная болезнь (геморрой.— *Н. П.*), которая по бешастию моему паки вщалась и зело меня изнуряет, так что с великим трудом и в каляске сижу»¹⁴.

Главная, однако, причина задержек состояла в том, что князю по пути к войскам надлежало организовать снабжение их продовольствием.

Меншиков держит Петра в курсе встречавшихся трудностей и своих действий. 29 апреля он извещает царя из Торуня, что отправится в Померанию только после создания «магазинов»: «А чтоб не учиня определения здесь в правьянте, ехать мне в Померанию, то сами можете разсудить, одною своею особою, что там могу делать». Из Гарца 12 июня: «В правьянте у нас всеконечная нужда, так что ни здесь, ни в Познани ни единого четверика не обретаецца». Десять дней спустя: «В правьянте какая здесь нужда, о том надеюсь, что вашей милости уже известно. А ныне оная от часу умножаецца, а наипаче под Стральзунтом, где уже кореньем питатца начинают».

Петр согласился с доводами Меншикова и одобрил его действия: «Что же пишете, чтоб мы не возмнили, что вы долго не едете в Померанию, и того не думайте, ибо знаем вас, что гулять не станете, и то зело изрядно, что прежде отъезду в провьянте порядок учините»¹⁵.

Частично преодолев трудности снабжения войск провьянтом, Меншиков все же не мог преодолеть нежелания союзников вести активные боевые действия против неприятеля. Еще в мае князя удивляло поведение датчан и саксонцев: «ни единого образа к начинанию действ не являетца», — писал он Петру и высказал опасение, «чтоб нам напрасно время не потерять и войска от недостатка правьянта не раззорить»¹⁶.

Опасения Меншикова относительно поведения союзников оказались обоснованными: русские войска вместе с дат-

чанами и саксонцами обложили Штеттин и Штральзунд, но из-за отсутствия осадной артиллерии, которую упорно не хотели доставить датчане, успеха не достигли. Летом 1712 г. в лагерь русских войск прибыл Петр, но и его присутствие не изменило положения — рекогносцировка убедила его, что без артиллерии овладеть крепостями невозможно. В письме к Меншикову царь сокрушался: «И что делать, когда таких союзников имеем». О своем состоянии, вызванном противоречиями в стане союзников, Петр писал: «Я не могу ночи спать от сего трактованья»¹⁷.

Обнаружив безрезультатность своих хлопот, Петр оставляет командование русскими войсками Меншикову, а сам отправляется на лечение в Карлсбад. Активные действия было решено перенести на следующий год.

В связи с отъездом супруга в Померанию для Дарьи Михайловны вновь наступили тревожные месяцы. Впрочем, княгиня волновалась во все времена, когда Меншиков находился не рядом с нею. В ближайшие два года после Полтавы князь с неприятелем не соприкасался. Тем не менее княгиня и в этих условиях не оставляла без попечения своего Данилыча. На этот раз Дарью Михайловну беспокоили контакты с польским королем Августом II, любившим, как известно, выпить. В несохранившихся ее письмах, она, видимо, не уставала напоминать о воздержании, о чем можно судить по ответам супруга. Из Торуня он писал 5 октября 1709 г.: «Чаю, что вы будете сумлеватца о нас, что довольно вином забавлялись, только я вправду объявляю, что истинно по разлучении с вами ни единого случая не было, чтоб довольно забавитца, а и с королевским величеством зело умерно забавлялись, и о том не извольте сумлеватца». В другом письме из Петербурга от 21 мая 1710 г. Меншиков, находившийся в обществе царя, вновь возвращается к этой теме и успокаивает супругу: «А шумны никогда не бываем, понеже царское величество изволит употреблять лекарства»¹⁸.

Беспокойство Дарьи Михайловны станет понятным, если учесть, что пьяный разгул прочно вошел в быт двора и пример в этом отношении подавал сам царь. Речь идет не столько о выходках пресловутого всепьянейшего собора во главе с бывшим воспитателем Петра князем-папой Аникитой Зотовым, сколько о повседневных возлияниях сподвижников царя, чьи головы едва ли не постоянно были затуманены винными парами. Вспомним ядовитые характеристики соратников царя, принадлежащие известному дипломату петровского времени Борису Ивановичу Куракину: Франц Лефорт — «де-

бошан французской»; Борис Алексеевич Голицын — «человек ума великого», но «склонен был к питию»; князь-кесарь Ромодановский — «пьян по вся дни»¹⁹.

Меншиков не составлял исключения. Редкое его письмо к царю за 1705—1706 гг. не содержало сведений о выпивке. Александр Данилович приобщался к зеленому змию по всякому поводу: «довольно пили» по случаю овладения Митавой; находясь в гостях у Огинского, «были веселы и сильны». Если других оснований для выпивки не было, то использовался в качестве повода сам факт отправки письма царю: «При отпуске сея почты пью ваше здравие... паки пьем и остаемся zelo сильны и шумны»; «перед отпуском сего за ваше здравие пили»²⁰ и т. д.

Когда Меншиков в феврале 1711 г. находился в Риге, он получил от Дарьи Михайловны множество предостережений, чтобы берегся от недавно прошедшего здесь морового поветрия. Светлейший опять успокаивал: «Опасности здесь никакой нет, ибо как пред нашим сюда приездом задолго, так и при бытности нашей здесь ни единой человек никакою болезнью, благодарить бога, не занемогал и не умирявал»²¹.

Успокаивал он княгиню и в те месяцы, когда находился в Померании. Хотя опасностей прибавилось, но князь, верный привычке утешать супругу, отправлял ей письма с заверением, что ничто ему не угрожает, что он «обретается в добром здравии», что неприятель не тревожит вверенные ему войска. В письмах той поры, отправляемых почти ежедневно (достаточно сказать, что только в ноябре 1712 г. Дарья Михайловна получила их пятнадцать), светлейший выглядит заботливым супругом, стремившимся сохранить спокойствие Дарьи Михайловны перед родами. На поверку оказалось, что небо было не столь безоблачным, как его изображал Меншиков. Во всяком случае, 4 ноября 1712 г. в ответ на просьбу княгини прибыть к ней на свидание (она ехала к нему в Померанию) князь писал, что «то по се время учинить было невозможно, понеже все были в маршу», а две недели спустя Меншиков, как ни жаждавший встречи, тоже отказал супруге в очередной просьбе: «От здешней команды отлучитца невозможно, а особливо при нынешнем времени, что полки в кантонир-квартиры становятца». Готовился к зиме и светлейший. Он решил, что ему пристало щеголять в роскошной шубе, и поэтому отправил следующее распоряжение Дарье Михайловне: «Изволь прислать к нам шубу соболью, которая полутче... однако не самую лутчую»²².

Меншиков, как видим, отвечал на нежность супруги взаимностью, но чувство долга брало верх, и он не рисковал покинуть армию ради семейной радости.

Между тем шведский генерал Стенбок в декабре 1712 г. вышел из Померании в Мекленбург, чтобы там напасть на датско-саксонские войска. Получив известие об этом, Петр отправил к датскому королю несколько курьеров, настойчиво советуя тому уклоняться от сражения до подхода русских подкреплений. Одновременно он писал Меншикову: «Для бога, ежели случай доброй есть, хотя я и не успею к вам прибыть, не теряйте времени, но во имя господне атакуйте неприятеля»²³.

Союзники, однако, не вняли советам Петра. Располагая численным превосходством, они были настолько уверены в успехе, что решили оставить славу победителей только за собой и вступили в сражение со шведами при Гадебуше. Как ни торопился Меншиков, но к сражению не успел — в пути он получил известие о сокрушительном разгроме союзников: шведам досталась вся датская артиллерия и 4 тыс. пленных.

В январе 1713 г. шведы, преследуемые русскими войсками, сосредоточились в Фридрихштадте. Неприятель разрушил шлюзы, затопил окружающую местность и укрепил артиллерией две дамбы, ведущие к крепости. Петр предложил союзникам атаковать Фридрихштадт, но те сочли попытку овладеть крепостью столь безнадежной, что отказались от участия в операции.

31 января русские двинулись по дамбам двумя колоннами: пехотой командовал Петр, а кавалерией, следовавшей по другой дамбе, — Меншиков. Шведы, считавшие себя в безопасности, как только обнаружили наступление русских войск, побежали, побросав в воду пушки. Преследование неприятеля было затруднено такой вязкой грязью, что «не только со всех солдат обувь стащило, но у многих лошадей подковы выдрало»²⁴.

Оставив Фридрихштадт, неприятель укрылся в Тоннингене. Петр отбыл в Россию, поручив осаду крепости Меншикову. Светлейший так плотно блокировал город с суши, а датский флот — с моря, что сосредоточенный там корпус Стенбока стал испытывать затруднения с продовольствием. «В пропитании у них превеликая нужда», «нужда немалая», — доносил князь царю. Норма хлеба была доведена до фунта в день. Попытки шведов доставить продовольствие гарнизону морем были пресечены датским флотом — 15 судов с хлебом и обмундированием стали его легкой добычей. Еще более

гарнизон крепости был изнурен недостатком пресной воды. Разразившаяся эпидемия унесла из числа осажденных более 4 тыс. человек.

Осадные работы Меншиков начал еще в феврале. «Ныне готовим туры и фашины», «приготовление к бомбардированию непрестанно чиним», — сообщал князь царю²⁵. Однако отсутствие артиллерии лишало русские войска возможности перейти от осады к активным действиям.

Распри в лагере союзников давали о себе знать на каждом шагу. Источником их являлась убежденность датского короля в том, что его войска уже оправались от поражения при Гадебуше и теперь уже могли самостоятельно, без помощи извне, овладеть Тоннингеном. Раз так, то трофеи и пленные достались бы одной Дании и их не надо было бы делить между тремя участниками осады. Поэтому датчане не спешили с доставкой артиллерии.

В конце марта артиллерия наконец прибыла, но вновь учинилось «умедление» — на этот раз датчане не обеспечили свою кавалерию фуражом²⁶. Неувязка произошла и 16 апреля, когда в соответствии с диспозицией датские и саксонские войска должны были атаковать стоявшую на подступах к Тоннингену крепость Гардинк, а русским войскам надлежало перекрыть пути отступления шведов к главным силам. Операция провалилась, ибо шведы, обнаружив продвижение русских войск к себе в тыл, поспешили отступить в Тоннинген по запасной дамбе. Датчане и саксонцы вместо преследования бежавшего неприятеля проводили его лишь взглядом. В итоге вместо уничтожения или пленения гарнизона Гардинка русским войскам удалось захватить всего 32 человека, «за что, — читаем в донесении Меншикова царю, — королевское величество zelo на своих генералов был гневен, что они не ускорили таким образом неприятеля догнать. А за наших людей мужество и отвагу, приехав ко мне сюда, изволил меня благодарить»²⁷. Кстати, сам Меншиков за неделю перед этим заболел и «жестоко одержим был лихораткою», что не помешало ему прибыть на место сражения.

Гарнизон Тоннингена тем не менее оказался в весьма стесненном положении, и Стенбок вынужден был прибыть в ставку Меншикова для переговоров. Шведского генерала волновали условия сдачи, чтобы капитуляция «ему не во всеконечное безслаvie была», и он просил разрешения оставить знамена, литавры и прочие «победоносные знаки». Меншиков вместе с союзными генералами эту просьбу отклонил, и шведские войска оставили крепость, сложив оружие и знамена

к ногам победителей. В итоге шведская армия уменьшилась еще на 11 485 солдат и офицеров — такое число их сдалось в плен. Это были последние остатки былой военной мощи Швеции на Европейском континенте.

После успеха в Тоннингене Меншиков, совершенно неудовлетворенный поведением «алиртов», т. е. союзников, решил двинуть корпус в Россию. Однако Петр в указе, отправленном светлейшему в середине июня 1713 г., велел ему задержаться в Померании до сентября. Царь был осведомлен о слабых гарнизонах неприятеля в Висмаре и Стральзунде и поэтому рекомендовал их атаковать. Но главная причина, обусловившая повеление царя остаться в Померании, состояла в том, что из Турции были получены известия о намерении султана выдворить из пределов страны Карла XII и заключить мир с Россией. Петр опасался, что возвращавшиеся из Померании войска вступлением в Польшу нарушат условия Прутского мирного договора и вызовут такое раздражение в Царьграде, что создадут угрозу намечавшемуся улучшению русско-турецких отношений. Напомним, что Прутский мирный договор 1711 г. исключал пребывание в Речи Посполитой как русских, так и турецких войск.

Выполняя царский указ, князь попытался активизировать военные усилия союзников. «Ныне мы договариваемся с Флемингом (саксонским министром. — *Н. П.*) и Девикем (датским министром. — *Н. П.*), каким образом Штеттин получить, чтоб не даром нам в Померании ныне постоять», — доносил Меншиков царю 16 июля 1713 г. Остановка была за малым — за артиллерией. По поводу ее доставки под стены крепости в который раз начались споры, кто должен обеспечить ею русские войска: саксонские пушки находились далеко, в Мекленбурге, а датчане заявили, что «без воли королевской ничего учинить не могут». Не помогла и личная встреча князя с датским королем. Тот в артиллерии отказал, пообещав ссудить русские войска деньгами и провиантом, если Штеттин после овладения им будет уступлен Дании. Меншиков разглядел в позиции датского короля проволочку: «То не есть дело, но токмо напрасное продолжение времени»²⁸.

Трудности ведения дел с союзниками приводили князя в отчаяние; и он не скрывал своего настроения в донесении царю от 14 августа: «Надеюсь, что изволите мне поверить, что как родился, то еще никогда таких многотрудных дел не видел, понеже сами изволите знать Флеминкову и прочих головы и души. К тому ж они непрестанно больши в политических, нежели в военных делах обретаются, и по сему

легко можно разсудить, каково мне с ними, не имеющему в тех делах никакого помощника»²⁹.

Меншикову было от чего прийти в отчаяние: в Померании возникла сложная и запутанная обстановка, там сталкивались интересы Дании, Саксонии, Пруссии, Голштинии, которые претендовали на получение в секвестр, т. е. во владение, до окончания Северной войны шведских земель в Померании. Яблоком раздора оказался Штеттин. Правда, в конечном счете на него осталось два претендента: Дания и Пруссия. Саксония отказалась от претензий, ибо не располагала силами, способными противодействовать попыткам шведского вторжения в крепость; отказалась от претензий на Штеттин и Польша, уступив свои права Пруссии за 250 тыс. талеров. Пруссии уступила свою долю и Голштиния. Кстати, голштинцы тайно предлагали Меншикову далеко идущий план заключения брачного союза между малолетним герцогом голштинским и старшей дочерью Петра I. Этот проект назван далеко идущим потому, что его реализация могла оказать огромное влияние на судьбы Северной Европы. Голштинский герцог являлся наследником шведской короны, и установление родственных связей между будущим королем Швеции и дочерью русского царя могло положить конец Северной войне.

В дни, когда велся закулисный торг о Штеттине, т. е. де-леж шкуры еще не убитого медведя, к крепости подошла саксонская артиллерия. В распоряжение 24-тысячной армии Меншикова поступило около сотни пушек и мортир. Бомбардировка началась 17 сентября, в городе вспыхнули пожары, и на следующий день гарнизон крепости, охваченный огнем, капитулировал.

Дальнейшая судьба Штеттина в значительной мере зависела от Меншикова. Кому его передать: Дании или Пруссии? От него же зависело распределение и других земель шведской Померании.

В интересах укрепления Северного союза и в соответствии с интересами России Штеттин должен был оказаться у датчан. Именно в сближении с Данией, единственной из союзников обладавшей военно-морским флотом, более всего была заинтересована Россия, ибо поверженная на Европейском континенте Швеция могла еще уклоняться от заключения мира, поскольку ее коренные земли в Скандинавии оставались для России недоступными — наша страна тогда еще не обладала мощным флотом. Именно поэтому Петр в инструкции Меншикову, подписанной 14 февраля 1713 г., повелевал: «З датским двором как возможно ласкою и низостью посту-

пать, ибо хотя и правду станешь говорить без уклонности, за зло примут, как сам их знаешь, что более чинов, нежели дела смотрят». Вместе с тем царь предоставил Меншикову право действовать сообразно с обстановкой, за изменением которой ему, царю, издалека было трудно уследить. Свободу действий князя Петр оговорил одним условием: «Того накрепко смотри-те, чтоб чего во вред нам не произошло»³⁰.

Меншиков распорядился территорией шведской Померании так: Штеттин он передал в секвестр Пруссии, а часть других земель, на которые тоже претендовала Дания,— Голштинии.

На это решение оказало несомненное влияние раздражавшее князя систематическое невыполнение датчанами своих союзнических обязательств. Соблюдать их, по словам Меншикова, «они весьма не хотят, но на одном нашем хрепте все военное иго думают носить»³¹. В свою очередь, светлейший тоже давал повод датскому королю Фридрику IV для недовольства — достаточно сказать, что князь требовал от истощенной войной Дании только для нужд собственной кухни 300 риксдалеров ежедневно³².

Напряженными отношениями между датским королем и русским фельдмаршалом ловко воспользовался король Пруссии, влиянию которого светлейший легко поддался. Вот как описывал Меншиков в донесении царю поведение новоявленного друга России в дни, когда он находился с визитом в Берлине: «Королевское величество прусской, как я во всю свою при том бытность мог присмотреть, zelo к вам любовен и показывает себя вашею к нему любовью весьма довольным и как при тайных со мною бывших конференциях, так и при самой публике именем Божиим клялся во всю свою жизнь ничего противного вам не чинить и ни явным, ни тайным образом вашим неприятелям не помогать». В то же время Фридрих-Вильгельм I, писал Меншиков, «про короля датского мне тайно сказывал, что его весьма ненавидит»³³.

Западногерманский историк Виттрам и вслед за ним датский историк Баггер³⁴ считали, что прусский король заслужил расположение Меншикова не только обаятельными улыбками, доверительными разговорами и многократными тостами за здоровье русского царя, но и подношением голштинского министра Герца, раскошелившегося на 5 тыс. дукатов. Перед такой мздой алчный Меншиков не устоял, и именно она якобы и решила судьбу Штеттина и прочих земель.

Конечно, напрочь отрицать влияние подношения вряд ли правильно — в те времена деньги ценились больше, чем крас-

норечие, — но и нет оснований объяснять действия Меншикова в Померании полученной им мздой, к тому же весьма скромных размеров. Дело в том, что подкупы государственных деятелей иностранными дипломатами были столь распространены, что считались обычным явлением. Русские посольства, например, в обозе везли множество соборей и прочей «мяхкой рухляди» для того, чтобы одаривать «нужных» людей при дворе той страны, в которую они держали путь. Сам Петр пытался, правда неудачно, купить благосклонное посредничество герцога Мальборо в заключении мира между Россией и Швецией.

Должно учитывать и другое: выдача мзды отнюдь не означала, что лицо, ее получившее, гарантировало благоприятное решение вопроса. Если в столь деликатном деле бравший мзду преступал грань, за которой благосклонное отношение перерастало в измену, то это ничего хорошего получателю подношения не сулило. Ниже мы увидим, что, судя по тому, как развивались события в дальнейшем, действия Меншикова в Померании лишь отчасти были осуждены царем, в главном же ему удалось оправдаться.

Не успел князь приехать в Петербург, как там уже стало известно о недовольстве его деятельностью в Померании Фридрика IV и Августа II. О вспышке негодования в стане союзников царь узнал из донесения русского посла в Копенгагене князя Василия Лукича Долгорукого, а также из писем датского короля и саксонского курфюрста. Если Август II, менее ущемленный действиями Меншикова, и оценивал их негативно, но в сдержанных выражениях, то негодование Фридрика IV сквозило в каждой строке его письма к Петру.

Датский король, отличавшийся вспыльчивым характером, отправил письмо, содержание которого, не будь русский царь более уравновешенным, когда того требовала обстановка, могло вызвать ссору. Фридрик IV выразил «особливое неудовольство» прежде всего тем, что Меншиков вел переговоры с Пруссией секретно, не информировал о них датский двор, и поэтому «принуждены мы, — писал король, — хотя с конфузиєю и необстоятельно от иных и от чужих уведать». «Весь свет, — нагнетая обвинения, продолжал Фридрик, — не иначе из сего разсуждать имеет, как что о нас малое разсуждение имеют». Но дело не только в королевском престиже, игнорированном Меншиковым. Главная вина светлейшего состояла в том, что он действовал в угоду врагам Дании, под котсырими король подразумевал Пруссию и Голштинию. Резко осуждал датский король и уход русских войск из Померании,

что, по его мнению, «всю тягость войны на нас одних положит»³⁵.

Демарш датского короля поставил Петра в затруднительное положение, ибо единственный человек, способный внести ясность в сложившуюся ситуацию, — сам светлейший — находился еще в пути в русскую столицу. Следы недоумения Петра видны в его ответе Долгорукому от 3 ноября 1713 г.: «Письмо твое о секвестрации писанное, нас зело смутило, что так при дворе датском оное толкуют. Правда, хотя она не хорошо зделана, только, однако, не так как толкуют». Через день царь отправил курьера навстречу ехавшему в Россию Меншикову: «Я в великом удивлении есть, что ты не пишешь, оставили ль вы 400 человек королю датскому по обязательным пунктам. Ибо, ежели и не оставили, то уже мы сами его потеряли, и бог знает, что будет». Царь поначалу все же склонен был считать, что Меншиков по неопытности в дипломатии допустил в Померании немало оплошностей: «Сам знаешь, — писал царь своему послу в Копенгагене, — что в сих делах князь Меншиков, почитай, никогда не бывал, которого лехко было другим обмануть мочно».

Но вот прибывшего в Петербург Меншикова Петр заставил написать своего рода объяснительную записку по поводу обвинений датского короля. Составление этого документа для светлейшего, не привыкшего таким образом отчитываться перед царем, было унижительным, но необходимым и полезным, поскольку он проливает свет на события, связанные с секвестрацией Померании. Оказалось, что датский король в пылу гнева допустил множество передержек в освещении происходившего в Померании. Меншиков прежде всего отклонил версию датского короля о том, что переговоры о секвестрации велись втайне от датчан. В действительности в переговорах участвовал, помимо саксонского министра Флеминга, представитель датского короля генерал-лейтенант Девид. Датский король располагал тремя месяцами, чтобы заявить свое несогласие с принятыми решениями, «в чем бы тогда по тому его королевского величества изволению и поступлено было». Убедительно Меншиков объясняет, почему он вынужден был игнорировать интересы Дании: король, как мы видели выше, отказался поставить под Штеттин артиллерию, а саксонцы обусловили обеспечение своей артиллерией допуском к участию в секвестрации Померании Голштиниею. Неосновательна и жалоба короля на вывод русских войск из Померании, ибо датчане отказались снабжать эти войска продовольствием. Впрочем, в одном вопросе Меншиков, по собст-

венному признанию, допустил промах: прусский король заключил с Голштинией договор, направленный против Дании; если бы князь знал о существовании этого договора, то должен был бы принять соответствующие меры, но в том-то и дело, что «я,— писал о себе Меншиков,— прежде известен не был, пока не получил в Кенехсберхе при моем возвращении сюда от нашего посла, князя Куракина, с тех трактаков копию».

Разобравшись в сути дела, Петр в конечном счете признал, что некоторые пункты заключенного Меншиковым трактата с Пруссией «суть отчасти противни нашему общему интересу». Секвестрацию Штеттина Пруссией он ратифицировал. Пункты шведского договора с Пруссией, противоречившие интересам Дании, царь дезавуировал, ссылаясь на то, что «князь Меншиков учинил то, будучи от нас во отдалении, не ведал воли нашей». Царь поручил своему послу Долгорукову заверить датского короля: «Я ничего не буду делать, что к его предосуждению есть». Это обязательство было выполнено царем, когда он в ультимативной форме умерил воинственный пыл Пруссии и Голштинии, готовившихся к нападению на Данию из-за Померании.

Датский король, видимо, исходя из посылки, что королям не пристало ошибаться и менять свои оценки, придерживался своего первоначального мнения и после того, как получил от царя соответствующие разъяснения и объяснительную записку Меншикова. Он по-прежнему утверждал, что князь вел переговоры о секвестрации за спиной Дании и что секвестрация была осуществлена «к моему превеликому вреду партикулярно, так и к невозвратному убытку всего нашего общего дела». Фредерик IV настаивал перед царем на том, чтобы светлейшего впредь «ни к какому общей северной альянции касающимся делам больше не употреблять, но его весьма впредь от такого отлучать».

Осада Штеттина была последней военной акцией Меншикова. В последующие годы князь непосредственно не участвовал ни в сражениях Северной войны, ни в Каспийском походе. Это обстоятельство было связано не с ультиматумом датского короля, а с состоянием здоровья князя. После возвращения в Россию у него начался такой жестокий приступ болезни легких, что врачи предрекали ему неминуемую смерть, и он уже заготовил завещание. Крепкий организм Меншикова обманул предсказания врачей и на этот раз он пересилил болезнь.

В дальнейшем, кажется, не было ни одного года, когда бы болезнь не приковывала светлейшего к постели. Письма его Петру пестрят упоминаниями на этот счет. Судя по всему, продолжительным было недомогание в 1714 г. Началось оно, видимо, еще в апреле, ибо в середине мая он извещал царя, что от болезни «час от часу лутчая прибавляетца». Но и две недели спустя князь, как он сам писал, «от болезни в совершенство еще не пришел»³⁶. В следующем году он тоже долго болел, причем сокрушался по поводу того, что «оная болезнь и прошлогодней компании меня лишила», т. е. не дала возможности участвовать в Гангутском сражении³⁷.

Казалось бы, Меншиков должен был проявлять осторожность и, помня о своей хронической болезни, умерить рвение к работе и особенно к употреблению горячительных напитков. Князь, однако, пренебрегал разумными советами. Мемуары современников содержат множество упоминаний о пирушках, хмельных застольях, разгульных попойках всепьянейшего собора с непременною участвием Меншикова. День своего рождения в 1715 г.— 6 ноября — князь отмечал в «австории» — единственном ресторане столицы. Сначала был фейерверк, а затем пир с участием царя и министров. Здесь упившийся светлейший потерял «кавалерию» (орден) с бриллиантами и обнаружил их отсутствие только на следующий день. В столице было объявлено: нашедшему потерю будет выдано 200 руб. вознаграждения. Меншиков надул на самую малость — выдал 190 руб.³⁸

Князь не уклонялся от искушения выпить и в последующие годы. Скупно, но выразительно факты возлияний, далеко не всех, а лишь выходявших за рамки обычных, отражены в «Повседневных записках» Меншикова такими словами, как «веселились от напитков» или «были все сильны и шумны». Однажды пребывание в состоянии «шумности» едва не закончилось трагическим исходом. В июле 1721 г. состоялся пир по случаю спуска корабля «Пантелеймон». Вот как его описал камер-юнкер Берхольц: «Почти все были пьяны, но все еще продолжали пить до последней возможности. Великий адмирал (Ф. М. Апраксин.— Н. П.) до того напился, что плакал как ребенок, что обыкновенно с ним бывает в подобных случаях. Князь Меншиков так опьянел, что упал замертво, и его люди принуждены были послать за княгинею и ее сестрою, которые с помощью разных спиртов привели его немного в чувство и испросили у царя позволения ехать с ним домой»³⁹.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУБЕРНАТОР,

Пребывание Меншикова в Померании свидетельствует о том, что князь чувствовал себя куда увереннее на поле брани, чем за столом переговоров, где ему было трудновато ориентироваться в хитросплетениях и интригах союзников, с легкостью необычайной отказывавшихся от только что достигнутых соглашений и проявлявших завидную изобретательность в изыскании поводов для проволок. Опыт показал, что активность союзников при дележе трофеев и пленных во много крат превосходила их активность на театре военных действий. Донесения князя царю полны жалоб на коварство и неблагодарность саксонцев и особенно датчан. То он сообщал Петру, что не находит «никакого способу, чем бы наших алиртов... склонить» к выполнению обязательств, то извещал царя, что «с дадкой стороны против учиненного о тамошних действиях договору во всем солгали».

Известно, что жалобами, даже самыми справедливыми, войны не выиграть, равно как и не добиться большей сплоченности в стане союзников. Совершенно очевидно, что князю недоставало изворотливости и дипломатической ловкости — здесь он уступал своим западноевропейским коллегам, с которыми ему доводилось иметь дело.

При изложении биографии Меншикова после его возвращения в Россию принято обращать преимущественное внимание на негативные стороны его жизни. Историографическую традицию объяснить нетрудно: в деятельности Меншикова началась малоэффективная, будничная работа в качестве губернатора столичной губернии, сенатора, президента Военной коллегии. Разумеется, Калишская победа, штурм Батурина, как и прочие военные успехи, т. е. события скоротечные, в которые вложена энергия многих лет тяжкого труда, не идут в сравнение с повседневными, едва заметными по результатам действиями, особенно, если их рассматривать два с половиной века спустя.

Биографы обычно оперируют более выигрышными сведениями о казнокрадстве светлейшего. Это тоже объяснимо, ибо следственные дела Меншикова находятся на поверхности, они общеизвестны, в то время как его административная деятельность еще ждет своего изучения и в распоряжении авторов находятся лишь отрывочные и в значительной мере случайные данные. О том, что эта повседневная деятельность Мен-

шикова была полезной и Петр нуждался в услугах князя, свидетельствует хотя бы их переписка.

После изгнания шведов из Померании наступает новый этап Северной войны. Теперь театр военных действий переместился с суши на море. Правда, русские войска продолжали действовать и на суше, вытесняя шведов из Финляндии, но было очевидно, что без установления господства на море коренная территория Швеции сохраняла неуязвимость. Именно поэтому Петр принимает решительные меры к созданию собственного флота, укомплектованного крупными кораблями.

Срочная надобность в таких кораблях вынудила царя покупать их за границей. Но это был мало надежный источник пополнения флота: покупные корабли обходились дорого, к тому же они, по образному выражению Петра, «достойны звания приемышей, ибо подлинно отстоят от наших кораблей, как отцу приемыш от роднова, ибо гораздо малы пред нашими и тупы на парусах», т. е. имели медленный ход. Отсюда вытекали заботы о расширении отечественного кораблестроения.

Другая, не менее важная задача состояла в комплектовании флота личным составом, обеспечении его продовольствием и иными запасами. В продовольствии нуждалась и армия, действовавшая в Финляндии. При доставке дубового леса из Среднего Поволжья, как и при доставке в новую столицу огромного количества хлеба, круп и мяса из Орловщины и Поволжья, приходилось преодолевать немалые трудности — единственный водный путь того времени, связывавший Петербург с центром страны, имел ограниченную пропускную способность. Частые штормы на Ладожском озере тоже лимитировали прибытие грузов в новую столицу. Требовалось немало изобретательности и энергии, чтобы максимально использовать короткий период навигации для заготовки впрок как продовольствия, так и строительных материалов.

Обе задачи относились, выражаясь современным языком, к разряду тыловых, но обе являлись ключевыми, поскольку от их решения зависели будущие успехи или неудачи.

В то время как Петр в мае 1714 г. отправился с флотом в море, Меншиков, тяжело болевший, остался в Петербурге. Ему царь оставляет инструкцию с перечнем первоочередных дел. Меншикова он наделил полномочиями главного смотрителя при постройке кораблей. А так как на Адмиралтейской верфи работа приостановилась из-за отсутствия корабельного леса, то Меншикову была поручена заготовка и доставка бревен в Петербург и на остров Котлин. На него же возлагались

заботы по добыче камня для сооружения гавани на этом острове и по благоустройству парка в Петербурге.

Петр распрощался с князем 9 мая, а на следующий день отправил ему письмо, единственное назначение которого состояло, кажется, лишь в том, чтобы своим вниманием поднять настроение больного Данилыча. Царь напоминал, что одиннадцать лет назад оба они в этот день были награждены орденами Андрея Первозванного.

В ответе Меншиков сообщил, что кризис миновал: «От болезни имею немалую свободу и в прошедшую ночь спал изрядно, токмо еще зело безсилен»¹.

Доставке леса Петр придавал огромное значение и постоянно напоминал князю, чтобы тот не упустил время: «Для бога имейте старание, хотя ведаю, что и сам сего не забудешь, однако не писать не могу о сем». Но в июньских ответах Меншикова утешительные известия перемежались с огорчительными. То он сообщал о прибытии «сюды только шести суден» с дубовым и прочим лесом, то три дня спустя радовался, что «прилучившимся способным ветром» пригнало 1,5 тыс. бревен, то через пару дней докладывал о более значительных поступлениях: «Корабельный лес сюда, слава богу, почасту приходит».

Петра настораживали донесения светлейшего, и он, не скрывая своих опасений относительно возможности иметь в Петербурге 100 тыс. бревен, торопил князя: «Которое дело меня зело печалит, прошу вас для бога, чтоб как-нибудь о том промыслить... ибо ежели не успеют — много пользы пропадет в будущий год». Меншиков и сам старался изо всех сил, принимал срочные меры. В Ладогу он отправил вице-губернатора Корсакова, «которому велено во всякой мере во отправлении того лесу трудиться». Ему стало известно, что река Тверда обмелела и там без движения стоят суда с лесом. Туда он тоже посылает нарочных с повелением «во всякой мере стараться те суды спроваживать»².

В августе Меншиков уже окреп и трудился в полную силу, развивает присущую ему энергию, проявляет инициативу. Петру он доносил: «В строении кораблей во всякой возможности поспешаем», «корабельное строение отправляется со всяким усердным прилежанием»³.

Обеспечение провиантом корпуса, действовавшего в Финляндии, Петр поручил Сенату, но, видимо, не полагаясь на его расторопность, дублировал это поручение и Меншикову: «Однакож и вы в том вспомогайте». Но Меншиков уже знал о затруднениях финляндского корпуса и проявил инициативу

еще до получения письма царя. Петру он ответил 14 августа: «Провианту, о котором я еще до письма вашего ведая во оном там нужду, за три недели начал стараться оною к вам отправлять»⁴. Меншиков тут же вошел в конфликт с сенаторами, обвинил их в «жосности» и действовал через их голову, но дело сделал и уже в августе отправил 23 тыс. четвертей муки.

Кроме перечисленных поручений, он выполнял множество других и как губернатор, и как фельдмаршал, и как доверенное лицо царя: организовал обучение «молодых ребят» изготовлению кожи новым способом, снарядил полк для осады Нейшлота, занимался расквартированием и снабжением армии, вернувшейся из Померании, и т. д. Находил он и время, чтобы навестить царскую семью и сообщить Петру, что там все благополучно: «Имел я щастие быть в дому вашем и вкупе с домашними вашими веселиться» или «Дети ваши обретаются в добром здравии, у которых я почасту бываю»⁵.

Одно из поручений князь выполнял с особенным удовольствием. 27 июля 1714 г. русский флот под командованием Петра одержал знаменитую победу у мыса Гангут. Петр поручает князю изготовить на Троицкой площади «хотя малые какие триумфальные ворота из дерев и протчаго»⁶. Меншиков знает, что чем пышнее будет организована встреча победителей, тем больше будет доволен царь. Однако возможности у князя ограничены, и он предупреждает царя, что встречу, подобно той, что была в Москве по случаю Полтавской виктории, организовать нельзя «за оскудением мастеровых, однако ж по возможности управляемся». Он велел, чтобы на Адмиралтейской стороне к прибытию победителей «все улицы были вычищены, и кто какие имеет картины или шпалеры, выставляли б на улицу перед своими домами и прочие всякие украшения чинили»⁷. Более всех старался украсить свой дворец сам светлейший. Нидерландский резидент де-Би, подробно описавший торжества по поводу Гангутской победы, сообщает, что после официальной части Меншиков пригласил «иностранных министров сесть в свою шлюпку и отвез их в свой дворец, где над водой устроена была великолепная триумфальная арка, драпированная дорогими коврами»⁸. Полчаса спустя туда прибыл и царь. Началось пиршество с участием плененных во время сражения морских офицеров во главе с контр-адмиралом Эреншильдом.

Отправляясь в 1716 г. за границу, Петр в январе оставил Меншикову инструкцию, в которой поручал князю благо-

устройство столицы, чистку каналов вокруг Адмиралтейства, строительство дорог к Петербургу и Волхову, укрепление и выравнивание берега Невы, чтобы по нему удобно было тянуть суда, сооружение жилья для мастеровых, устройство фонтанов в Летнем саду. Но главная обязанность князя состояла в том, чтобы стеречь Кронштадт от возможного нападения шведского флота: «Паче всего надлежит доброе око иметь на Котлин остров, и как гавань, так и новую работу к Кроншлоту, тож и прочее укрепление учинить»⁹.

Круг обязанностей Меншикова не ограничивался выполнением пунктов инструкции. Три месяца начавшегося 1716 г. он провел в Ревеле, где руководил сооружением гавани для стоянки военных кораблей. Сначала дело не клеилось. Предполагалось, что море от гавани будет отделено сваями. Но вот незадача: в январе наступила небывалая оттепель, по улицам Ревеля текли ручьи, а недостаточно толстый лед стал настолько рыхлым, что работать на нем было опасно. Вскоре и его унесло в море. «И ежели б я сам тут не был, — доносил светлейший царю 23 января, — никому б в том не поверил для того, что оной лед был толщиною в три четверти аршина, а пронесло в 5 или 6 часов»¹⁰. Наконец, стали бить сваи, но и здесь строителей постигла неудача: бревна, вбитые в дно на три сажени, «выскакивали вон» подобно пробкам. Пришлось избрать новое место для гавани и перейти к новому способу ее устройства: вместо свай на дно опускали огромные ящики, наполненные камнями.

Неспокойно жилось Меншикову в Ревеле и по другой причине: в январе из столицы пришло известие о серьезной болезни Дарьи Михайловны. Как помочь супруге? Медицинские познания князя позволяли ему от всех болезней рекомендовать единственное лекарство, нам уже известное, — «всегда веселость иметь». Не полагаясь на всеисцеление «веселости, светлейший прибегает к более действенному средству лечения супруги — он обратился за советом к какому-то медицинскому светилу в Вене, отправил больной полученное «дохтурское мнение» и просьбу неукоснительно соблюдать предписания. Заочная консультация, однако, не понадобилась — ко времени ее получения супруга пришла «в прежнее здравие»¹¹.

Между тем строительство гавани по новому способу спорилось, и Меншиков то и дело сообщал царю приятные новости о ходе работ. Наконец 21 марта 1716 г. он отправил царю донесение: «Положенная на меня здесь гаванная работа

и цитадели, хотя с превеликими неусыпными трудами, как при сем приложенной априс (чертеж.— Н. П.) пространно под нумерами оказывает, отправляется, благодарить бога, изрядно»¹². Осталось опустить несколько ящиков, с чем, как полагал Меншиков, успешно справятся и без него. Сам он отправился в Петербург, чтобы не упустить летнего времени для строительства в новой столице, летней резиденции царя в Петергофе и на Котлине острове. Гаванью в Ревеле Меншиков остался настолько доволен, что не без хвастовства писал Петру, что она и ему, царю, покажется «угодной», если он ее увидит.

Петру, однако, не довелось осмотреть гавань в том виде, в каком она находилась к концу апреля. Сооружение не выдержало испытания на прочность во время необычайной силы шторма, разразившегося у Ревеля 9 и 10 ноября 1716 г. Семи из 30 кораблей, стоявших на приколе у ящиков, были нанесены повреждения, а два бури разбила в щепы. Разбитыми оказались и часть ящиков с камнями. Извещая об этом Петра, Меншиков утешал его историческим примером: испанский король, получив известие о гибели во время бури 300 кораблей, снаряженных против голландцев, будто бы изрек: «Я отправил оный флот против неприятеля, а не против бога и элементу (случая.— Н. П.)». Царя исторический пример не утешил. Кабинет-секретарь Алексей Васильевич Макаров даже не рискнул показать ему письмо Меншикова ни в день его получения, ни на следующий день, ибо полагал, что «его царскому величеству не без печали будет»¹³. В ответе Петр не скрыл огорчения случившимся и считал виновником потери кораблей не бога и случай, а небрежение: «Что при Ревеле учинилось, зело сожалею, а паче о том, для чего так нужное дело, а не крепко сделано и ящики полны не насыпаны (как сам пишешь), ибо крайнее б бедство было, ежели б флот пропал». Петр закончил письмо словами, свидетельствующими о его лучшей, чем Меншикова, осведомленности об изречении испанского короля: «А что пишете пример слово короля испанского, то правда, только вы позабыли написать конец его речи, что «имею еще другой флот в сундуках» *¹⁴. Меншиков понял, что ссылаться на бога и «эле-

* Речь здесь, видимо, идет о снаряжении испанским королем Филиппом II «непобедимой армады» против Англии в составе не 300, а 130 судов. От бури в Ла-Манше в августе 1588 г. армада действительно потерпела урон, но главные потери она понесла от английского флота. Под «сундуками» подразумевается наличие денег на восстановление флота.

мент» уже не было резона, и вину возложил на адмирала Сиверса; он ограничился прикреплением кораблей к ящикам, а их надлежало, кроме того, поставить и на якоря. Ящики, даже если бы они были наполнены доверху камнями, не могли «от такой силы устоять», — писал князь царю. Но и после этого князь не обрел покоя и опасался, что Петр при первой же возможности пожелает сам выяснить причины катастрофы. Один из дэброхотов светлейшего, узнав, что царь при возвращении из-за границы, возможно, заглянет в Ревель, дал практический совет князю: «Не изволите ль господину генерал-майору Фандельдину отписать, чтоб он не иначе доносил, как к вашей светлости писал», т. е. чтобы Фандельдин твердо придерживался версии, ранее изложенной Петру¹⁵. Успокоение к Александру Даниловичу пришло лишь после получения письма Петра Павловича Шафировова, отправленного из Амстердама 21 декабря 1716 г. о бедствии в Ревеле: «Сего дня его величеству исподволь донесено, в чем не без печали, однакож умеренно и изволит о строении вновь попорченного писать сам к вашей светлости»¹⁶.

Кто бы ни был виновником катастрофы, ее последствия надлежало устранять, и мы вновь во второй половине января 1717 г. встречаем Меншикова в Ревеле. Перед отъездом туда из Петербурга он известил царя о цели поездки: «Только при себе осную все, что потребно, и, управя там все, что надлежит, паки сюда поеду». Действительно, в Ревеле князь провел только неделю, оставил надзирателям инструкции и вернулся в столицу. Учитывая опыт, было решено наполнять ящики камнями доверху, а сами ящики укрепить «быками»¹⁷.

Другая, еще более важная забота Меншикова состояла в подготовке флота для совместных действий с датской и английской эскадрами против Швеции. Именно он в отсутствие Петра и адмирала Апраксина стал главным распорядителем при отправке кораблей в море, а также при постройке галер и транспортных судов. Его донесения царю в летние месяцы 1716 г. содержат множество разнообразных сведений о сделанном: «В нынешнюю кампанию будет у нас здесь готовых 20 галер», «ныне заложил вновь 20 галер», «приготовлением в отпуск кораблей всеми мерами стараемся», «положено сделать 300 соймов (мелких судов. — Н. П.)». Несомненную радость Петру доставляли сообщения князя о закладке им линейных кораблей.

В поле зрения светлейшего находились строительные работы в столице, Петергофе и на Котлине острове. В июле

1716 г. Меншиков доносил царю о завершении строительства канала в Петергофе, о посадке в его парке свыше 25 тыс. деревьев, о сооружении «большой залы» в Монплезире, исправлении гавани. В самом Петербурге полным ходом шло сооружение канала вокруг Адмиралтейства, подходило к концу строительство первой очереди госпиталя, возводилась колокольня Петропавловского собора. В Кронштадте было сдано в эксплуатацию 48 складских помещений — «магазинов».

Петр был доволен распорядительностью князя: «За те (работы.— Н. П.) вам благодарствуем»,— отвечал царь из Копенгагена в сентябре 1716 г. на донесение о сооружении амбаров, магазинов, пороховых погребов и прочих зданий.

Подходило к завершению строительство дворцов и шлюзов в Петергофе. В столице начали возводить постоянные дворы и пороховые погреба.

Наступил 1722 год. Царь отправился сначала в Москву, а затем в Астрахань, чтобы оттуда вместе с армией двинуться в Каспийский поход. Надзор за всем, что происходило в столичном городе и его окрестностях, царь в свое отсутствие, как и всегда, поручил Меншикову. Перед нами его отчет о том, что делалось в Петербурге, Кронштадте, Петергофе, какие меры он принимал, чтобы в срок выполнить строительные работы: на Котлине острове «канал строитца», там же сооружались «магазинны», жилые палаты и дом для царя. Заканчивалось изготовление огромных ящиков. Когда они, наполненные камнями, будут опущены в воду, то «как гавани, так и Кроншлоту великая будет оборона».

Столица и ее окрестности, как видим, продолжали находиться в строительных лесах. То там, то здесь не доставало работников, леса, кирпича, железа. Все нити управления грандиозным делом сходились в канцелярии губернатора, где Меншиков распоряжался, проверял, советовал, надзирал: к строительству шлюзов на невских порогах он велел привлечь Черниговский полк, на строительство постоянных дворов — батальон Лефортовского полка, Адмиралтейства — Невский полк и т. д.¹⁸

Помимо забот государственных, требовавших присутствия князя в столице, у него была еще одна обязанность, в те времена считавшаяся едва ли не самой важной,— попечение о царевиче Петре Петровиче и царских дочерях Анне и Елизавете. Когда царская чета покидала столицу, ответственность за здоровье ее детей перекладывалась на плечи Меншикова. В 1716 г. во время пребывания князя в Ревеле в столичном дворце возник переполох — заболела кормилица двухлетнего

царевича. Это обстоятельство ускорило возвращение Александра Даниловича в столицу.

В каждом письме, отправленном царю и особенно царице, находившимся в 1716—1717 гг. в заграничном путешествии, Александр Данилович посвящал несколько строк описанию здоровья царских отпрысков. Иногда он неуклюже шутил, иногда переходил на сентиментальный тон: царевич «изволит употреблять экзерцицию салдацкую, чего ради караульные бомбардирской роты салдаты непрестанно в большой палате пред его высочеством оную экзерцицию отправляют. Речи же его: папа, мама, салдат». А вот другой намек, что сын пошел в отца: царевич «изволит более забавлятьца прежнего охотою отеческою, а именно барабанным боем»¹⁹.

Весной 1717 г. обе царевны, Анна и Елизавета, заболели оспой. Болезнь протекала в легкой форме и не оставила следов на лице, но вызвала у супругов волнение. Меншиков их утешал, заявляя, что у Елизаветы осталось «на личике пятнышек с пять», которые должны сойти, а у Анны болезнь внезапно прекратилась²⁰.

Петр, как и в предшествующие годы, передает некоторые свои распоряжения Сенату через Меншикова. То он велит ему объявить сенаторам, чтобы те прислали «солдатский нижний мундир, ибо он здесь гораздо дорог», то поручает передать сенаторам, чтобы они занимались достройкой тех кораблей, которые находятся в наибольшей готовности.

Даже судя по письменным представлениям Сенату, Меншиков не очень щадил самолюбие высших чиновников и разговаривал с ними в повелительном тоне. Он упрекал сенаторов в небрежении к выполнению его предложения об укомплектовании штатов Адмиралтейства корабельными плотниками. «Того ради,— писал князь,— принужден о том паки чрез сие напомянуть, чтоб о том, не упуская времени, изволили надлежащее учинить решение». Сенат своевременно не выдал деньги Адмиралтейству, Меншиков не просит, а требует: «Того ради принужден я чрез сие о том паки подтверждать»²¹.

Отношения между царем и Меншиковым и между Меншиковым и Сенатом, видимо, дали повод голландскому резиденту де-Би донести своему правительству 28 сентября 1716 г.: «Здесь ходят слухи, что... прислано князю Меншикову полномочие на управление всеми государственными делами в отсутствие его царского величества. Если только все это правда, то вероятно все будет скоро обнародовано и послужит доказательством, что царь совершенно одобряет действия

князя Меншикова и вместе с тем недоволен распоряжениями своего Сената»²².

Слухи, попавшие в текст донесения де-Би, не подтвердились — указа, о котором он писал, обнародовано не было, но само появление слухов отражало еще не утраченное доверие царя к фавориту. Особенная близость между ними наступила в месяцы, когда велось следствие по делу царевича Алексея.

Царевич Алексей, сын Петра от первого брака, по складу характера и по убеждениям был полной противоположностью отцу. Безвольный и пассивный, он стоял в стороне от забот, полностью поглощавших неумемную энергию царя, не жалевшего ни сил, ни «живота своего» для претворения грандиозных преобразовательных планов. Более того, к обновлению страны Алексей относился враждебно, намереваясь после вступления на престол повернуть Россию вспять: отказаться от приобретений в Прибалтике, забросить флот, отменить все новшества, приблизить к себе поборников старины.

Современник оставил нам характеристику 24-летнего царевича: «Он был хорошего роста, лицо имел смуглое, черные волосы и глаза, серьезный вид и грубый голос... Он постоянно окружен был гурьбою разнузданных, невежественных священников и тех ничтожных персон дурных свойств, в обществе которых он постоянно ратовал против упразднения отцом своих старых привычек и говаривал, что он тотчас по вступлению во власть правительственную Россию вернет к прежнему. Он грозил одновременно и открыто всех любимцев отца искоренить. Это делал он так часто и так неосторожно, что это не могло быть не донесено царю...

Удивительно, что царевич никогда не появлялся в официальных собраниях, когда все знатные присутствовали на празднествах по случаю рождения, побед, спуска кораблей и ждали царя. Чтобы избежать таких собраний, царевич либо принимал лекарства, или отворял себе кровь и постоянно извинялся, что по нездоровью не мог присутствовать, причем повсеместно знали, что он напивался в самом дурном обществе и предприятия отца своего постоянно осуждал»²³.

В 1715 г. царь предложил сыну либо отречься от престола и удалиться в монашескую келью, либо активно участвовать во всех своих начинаниях. Царевич притворно согласился уйти в монастырь, но когда в следующем году отец, будучи в Дании, вызвал его к себе для участия в десантных операциях против Швеции, он воспользовался этим вызовом, чтобы бежать в Австрию и добиваться трона с иностранной помощью.

Усилиями дипломата Петра Толстого и гвардейского капитана Александра Румянцева царевич-беглец был возвращен в Россию. Зимой 1717 г. Петр, царица Екатерина и двор прибыли в Москву, чтобы оформить отречение царевича от престола, а Меншиков остался в Петербурге. Во время первого же свидания отца с сыном 3 февраля 1718 г. царевич назвал своих сообщников, советовавших ему бежать за границу.

Расследование дела Петр взял в свои руки. Курьеры царя мчались в Петербург один за другим. «Майн фринт,— как и в прежние времена обращался царь к Меншикову.— При приезде сын мой объявил, что ведали и советовали ему в том побеге Александр Кикин и человек его Иван Афанасьев, чего ради возьми их тотчас за крепкий караул и вели оковать». Несколько часов спустя курьер отправился с новым предписанием: сковать надо было старшего Ивана Афанасьева, «а не хуже, чтоб и всех людей (Кикина.— Н. П.) подержать, хотя и не ковать»²⁴.

6 февраля Петру стало известно, что его слуга Баклановский, узнав о том, что царевич назвал своих сообщников еще во время первого свидания, т. е. 3 февраля, отправил в Петербург гонца, чтобы тот предупредил Кикина об опасности. Правда, шансов спастись у Кикина было мало, так как Петр заподозрил его в причастности к бегству сына и, уезжая в Москву, велел Меншикову, «чтоб на него око имели и стерегли».

Царский курьер преодолел расстояние между двумя столицами за трое суток и вручил Меншикову указ об аресте Кикина и Афанасьева в 11 час. вечера. Гонцу Баклановского все же удалось его предупредить. Кикин, извещенный о событиях в Москве, растерялся. Что делать? Бежать, но куда? В полночь, в спальном халате отправился за советом к брату Ивану. Здесь он и был схвачен Меншиковым. В гарнизонной книге 6 февраля записано: «И того ж числа наложены на них цепи с стульями и на ноги железом».

Случай с Баклановским дал повод Петру повелеть Меншикову, чтобы тот «ни для каких дел партикулярных ни за какие деньги» не давал почтовых лошадей. Только две подписи в подорожных имели силу: самого царя и Меншикова. Получив указ, Меншиков тут же отправил распоряжение комендантам Выборга, Шлиссельбурга, Корелы и Нарвы, чтобы пропускать курьеров только с подорожными «за моею рукою и печатью», а на почтовые станы, обслуживавшие путь из Петербурга в Москву, послал гонца с предписанием никому не выдавать лошадей.

И еще одно предписание, полученное Меншиковым: Кикина и Афанасьева велено пытаться «вискою одною», а кнутом не бить. Тут же объяснение причин «милосердия» — «чтоб дорогою не занемогли».

«Дело сие зело множитца», — писал Петр Меншикову. Число лиц, причастных к «воровской компании», как называл царь сообщников царевича, увеличивалось с каждым днем. Светлейший получает указы заключить под стражу сибирского царевича Василия, сенатора Михаила Самарина, брата первой супруги Петра Авраамия Лопухина, брата адмирала Апраксина Петра Матвеевича, генерал-лейтенанта князя Василия Владимировича Долгорукова и множество менее знатных персон: канцелярских чиновников, слуг царевича Алексея, родственников первой жены царя²⁵.

Усердие Меншикова в следствии — выше всяких похвал. Скванных заключенных он партиями отправляет в Москву. Некоторых из них он допрашивает сам. С особенным рвением светлейший брал под стражу князя Долгорукова, того самого генерал-лейтенанта, который возглавлял комиссию по расследованию его собственных обвинений в казнокрадстве.

Взаимную вражду Меншикова и рода Долгоруковых отметил саксонский посланник Лосс еще в 1715 г. Князя он назвал «злейшим врагом» этой аристократической фамилии. Посол далее писал о возраставшем влиянии Василия Владимировича Долгорукова на Петра: «Царь берет его с собою на все маленькие увеселения и не может быть без него ни одного дня»²⁶. Теперь Долгорукову предстояло совершить путешествие в Москву «в ножных железях».

Напряжение в Москве, где следствием руководил сам царь, и в Петербурге, оставленном на попечение Меншикова, достигло высшего накала: никто из вельмож не знал, кто еще будет оговорен царевичем в дополнение к 50 человекам, взятым под стражу, у кого оборвется карьера, кому придется расплачиваться не только пожитками, но и «животом». Состояние неуверенности и страха, царившее в кругу вельмож, легко улавливается в их письмах тех дней.

В феврале — марте 1718 г. Меншиков вел оживленную переписку с Екатериной, Толстым, Ягужинским, адмиралом Апраксиным, кабинет-секретарем Макаровым. Регулярно он получал и ответы от них. Читая письма, можно подумать, что корреспонденты либо стояли в стороне от драматических событий, либо ни в Москве, ни в Петербурге не происходило ничего заслуживающего внимания. Меншиков отправлял стандартные послания с извещением, что в Петербурге «при по-

мощи божии все благополучно», и просьбой «содержать нас в любительной своей корреспонденции»²⁷. Корреспонденты в «любительных» ответах, вторя Меншикову, тоже умалчивали о самом важном и волнующем. Видимо, единственная цель посланий состояла в том, чтобы извещать друг друга, что каждый из них находится пока еще вне подозрений.

Впрочем, изредка в письмах все же проскальзывала кое-какая информация, если не прямо, то косвенно отражавшая происходившее. Так, Екатерина в письме от 4 февраля извещала Меншикова, что царевич Алексей «прибыл сюда (т. е. в Москву. — Н. П.) вчерашнего числа». Но зато в следующем послании, отправленном в разгар розыска — 11 марта — о следствии ни слова. Царица сочла возможным лишь предупредить князя о намерении Петра вскоре вернуться в Петербург, «ежели еще что не задержит».

В письмах к Екатерине Меншиков тоже уклонялся затрагивать существо дела. Лишь однажды он, полагая, что измена царского сына и кровавое следствие вызовут у Петра нежелательные эмоции, «слезно» умолял Екатерину отворачивать супруга «от приключившейся печали», которая может вызвать тяжелые последствия «его величеству здравью». Но крайняя необходимость вынуждала пренебрегать осторожностью. В одном из писем к Толстому Меншиков не ограничился сакраментальной фразой, что «здесь при помощи божии все благополучно», и решил выяснить у корреспондента волновавший его вопрос: «Послал я к царскому величеству Ивана Кикина допрос. А что по оному его величество изволил учинить — известия не имею. Того для прошу ваше превосходительство о том меня уведомить». Толстой предпочел отмолчаться.

Исключение составляют письма братьев Апраксиных. Петру Матвеевичу удалось отвести предъявленные обвинения, и он, оказавшись на свободе, с разрешения царя отправил к Меншикову курьера с посланием, описывавшим свои злоключения: он был доставлен в Москву и «во узах» в 6 час. утра оказался в застенках Тайной канцелярии в Преображенском. Там, продолжал Апраксин, и была установлена «моя правда и невинность». История, однако, имела продолжение, о котором Петр Матвеевич рассказывает в дидуле, приложенной к письму: «Брата моего Федора Матвеевича от такой великой о мне печали застал еле жива»²⁸. Сам Федор Матвеевич тоже известил Меншикова о своей болезни, причем сделал это весьма эмоционально. Кстати, письмо адмирала дает ключ к объяснению причин, вынуждавших корреспондентов избегать ост-

рой темы: «О здешних обстоятельствах вашей светлости верно донести оставляю, ибо в том перу верить не могу и себя нахожу в немалых печалях, о чем вашей светлости уже известно»²⁹.

Розыск в Москве был завершен к середине марта. Главного подстрекателя бегства царевича, Александра Кикина, некогда любимца царя, а затем попавшего в немилость из-за казнокрадства, министры приговорили к смерти. После колесования его отрубленную голову воздели на кол. Ивана Афанасьевича Большого тоже казнили. Самой мучительной казни был подвергнут Степан Глебов, признавшийся в блудном сожителстве с первой супругой царя, — его посадили на кол. Закончили жизнь на эшафоте еще несколько человек. Часть обвиняемых была оправдана, среди них сенатор Самарин. Основная же масса привлеченных к розыску подверглась суровым наказаниям: ссылке на каторгу и на галеры, отрезанию языка, пострижению в монахины, отправлению в отдаленные деревни.

Сравнительно легкое наказание понес и князь Василий Владимирович Долгорукий. Поначалу он отклонил все обвинения, и в частности самое главное. Во время розыска у него спросили, советовал ли он царевичу давать «хоть тысячу» письменных обещаний об отречении от престола. «Улита едет, коли то (когда-то, — *Н. П.*) будет», — будто бы утешал он царевича. Долгорукий ответил отрицательно. Позже он принес повинную: «Как взят я из С-Петербурга нечаянно и повезен в Москву окован, от чего был в великой десперации (т. е. страхе. — *Н. П.*) и безпамятстве, и привезен в Преображенское, и отдан под крепкий арест и потом приведен на Генеральный двор пред царское величество, и был в том же страхе; и в то время, как спрашиван я против письма царевича пред царским величеством, отвечивал в страхе; видя слова, написанные на меня царевичем, приняты за великую противность, и в то время, боясь розыску, о тех словах не сказал»³⁰.

Князь Василий Владимирович был лишен чинов и отправлен в ссылку в Соль Камскую. Быть может на эту меру наказания повлияла челобитная царю Якова Федоровича Долгорукова. Старейшего представителя рода вынудила обратиться к царю забота о репутации всей фамилии, ибо по его представлениям, восходившим к стародавним традициям, «порок одного злодея винного привязывается и к невинным сродникам». Яков Долгорукий напомнил Петру о жертвах, понесенных представителями фамилии во время стрелецкого мя-

тежа 1682 г., писал о безоговорочной поддержке царя в его борьбе с Софьей в 1689 г. «Вижу ныне сродников моих, впадших в некоторое погрешение: аще дела их подлинно не ведаю, однако то ведаю, что никогда они ни в каких злохитрых умыслах не были...». Единственная вина «сродников» могла состоять в «дерзновенных словах», произнесенных, впрочем, без «умысла злого»³¹.

Причастность Долгоруких к делу царевича Алексея, как и само дело, может быть и не заслуживала бы столь подробного изложения, если бы нам не было известно влияние этих событий на последующую жизнь Меншикова. Мы видели, что еще задолго до начала следствия отношения между аристократическим родом Долгоруких и Меншиковым не отличались миролюбием. Теперь враждебность усугубилась еще более. Это надобно запомнить, ибо судьбе было угодно, чтобы Меншиков столкнулся с Долгорукими еще раз девять лет спустя.

18 марта 1718 г. царь выехал в Петербург. Туда же были отправлены царевич Алексей и некоторые из подследственных. Розыск вступил в завершающую стадию. Ценные, компрометирующие царевича показания дала его любовница Евфросинья, неотлучно находившаяся при нем во время полугодового пребывания за границей. Роды задержали ее за рубежом, и она вернулась в Петербург только в апреле. Ее свидетельства изобличили царевича в намерении добиваться трона, опираясь на иноземные штыки. Став изменником, он сделался и лжецом, скрыв от следствия свои предательские планы.

В июне царевич был заключен в Петропавловскую крепость. Его стали пытать как заурядного колодника, в иные дни даже по дважды. В застенке присутствовали царь, Меншиков, Апраксин, Головкин, Шафиров, Яков Долгорукий и др. Последняя из семи пыток, которым подвергся царевич, начиная с 14 июня, была произведена 26 июня, когда пытаемый, видимо, не выдержав истязаний, умер. В записной книге Петербургской гарнизонной канцелярии в этот день была сделана следующая лаконичная запись: «Того же числа по полудни в 6 часу, будучи под караулом в Трубецком роскате в гварнизоне, царевич Алексей Петрович преставился»³².

Возможно, что царевич погиб насильственной смертью, ибо царь, естественно, не мог желать, чтобы казнь совершалась публично, при стечении народа. Ведь на эшафоте должен был находиться собственный сын, к тому же не обычный преступник, а отпрыск помазанника божьего на земле.

Версия об удушении царевича со всеми подробностями была изложена в письме Александра Румянцева к своему приятелю, ходившем в многочисленных списках во второй четверти XIX в. Подлинника письма никто никогда не видел, а наличие в списках множества несуразностей дало основание историкам считать их подделкой, вышедшей из славянофильских кругов, не скрывавших своей враждебности к Петру и его преобразованиям. Таким образом, категорически отвергая версию о насильственной смерти царевича, надобно отрицать подлинность ее описания, якобы принадлежавшего перу Румянцева, вместе с Толстым уговорившего царевича вернуться в Россию.

Драматическая развязка в жизни царевича была неминуема. Министры, сенаторы, военные и гражданские чины в количестве 127 человек 24 июня 1718 г. «единогласно и без всякого прекословия согласились и приговорили, что он, царевич Алексей, за вышеобъявленные все вины свои и преступления, главные против государя и отца своего, яко сын и подданный его величества, достоин смерти». Список лиц, подписавших царевичу смертный приговор, возглавил Меншиков. За ним следуют подписи адмирала Апраксина, канцлера Головкина, тайного советника Толстого, подканцлера Шафировва и др. Среди подписавших приговор четвертым значился Яков Федорович Долгорукий. Выводя свою фамилию непослушным пером, вряд ли он это делал без «прекословия» и руководствовался убеждением, а не страхом.

Вслед за окончанием дела царевича Алексея у Меншикова начались обычные будни. Проследить, как они текли, помогает нам любопытный источник под названием «Повседневная записка делам князя Меншикова»³³ — своего рода дневник, в котором секретари ежедневно регистрировали не столько сами «дела», сколько перемещения князя, его встречи с царем, вельможами, посещения учреждений, переезды и т. д. И все же по дневнику можно судить о том, как Меншиков распоряжался своим временем.

На первый взгляд может показаться, что служебная деятельность Меншикова отнимала у него крайне мало времени. Не совсем так. Чтобы убедиться в этом, сравним распорядок дня Меншикова с распорядком дня вельможи XIX в. Если бы, например, Алексей Александрович Каренин, каждая минута жизни которого, по словам Л. Н. Толстого, «была занята и распределена», не являлся, подобно Меншикову, в присутствие неделями, то его бы уволили со службы. Не мог себе позволить вольготно распределять часы отдыха и занятий Петр

Александрович Валуев — не литературный герой, а реальный министр внутренних дел России 60—70-х годов прошлого столетия. Между тем Меншиков в течение 1719 г. присутствовал в Военной коллегии, первым президентом (единственная коллегия с двумя президентами) которой он являлся, всего 62 раза, в Сенате — 16 раз, по одному разу он заглянул в Адмиралтейскую, Иностранную и Юстиц-коллегию, причем перечисленные учреждения он навещал на два, максимум четыре часа, а иногда и на 30 минут.

Читатель вправе заподозрить причину столь редких приездов на службу в злоупотреблении Меншикова положением фаворита, но в данном случае он впадет в ошибку. Достаточно беглого обзора законодательства тех времен, чтобы убедиться в том, что светлейший не слишком отступал от принятых норм. В указе президентам коллегий от 2 октября 1718 г. Петр, отметив, что они «зело лениво съезжаютца для врученного им дела», потребовал от них присутствия в учреждениях два раза в неделю: во вторник и четверг³⁴. Правда, два года спустя Генеральный регламент предписывал членам коллегии являться на работу ежедневно, за исключением воскресных и праздничных дней, но рабочее время ограничивалось лишь пятью часами. К тому же Генеральный регламент имел в виду сложившуюся коллегиальную систему, в то время как в 1719 г. она переживала период становления.

Сенаторы в те годы тоже не сидели в Сенате ежедневно. Указы предписывали им присутствовать в учреждении от двух до трех дней в неделю, а если не было надобности, то даже один день. Ежедневная явка на службу была обязательной только для дежурного сенатора, сменявшегося ежесменно.

Надобно также учесть, что три месяца 1719 г. Меншиков находился за пределами столицы. Самая продолжительная отлучка была связана с поездкой на месяц на Марциальные воды — курорт, расположенный в 50 километрах от Петрозаводска. Остальные вояжи были кратковременными: в течение года он шесть раз побывал в Кронштадте, несколько раз навещал свою летнюю резиденцию в Ораниенбауме, ездил в Петергоф и Екатерингоф, а в октябре отправился в Шлиссельбург на традиционные празднества по случаю овладения этой крепостью в 1702 г. Наконец, в 1719 г. Меншиков свыше месяца болел и, естественно, не покидал своего дворца. Этими обстоятельствами и объясняется, что время, когда он зачастил в Военную коллегию, падает на два зимних месяца — январь и декабрь, в течение которых он был там 27 раз.

Возникают тогда вопросы: где, как и когда вельможа решал уйму возникавших вопросов по управлению губернией, столичным городом и Военной коллегией? Как он успевал выподнять еще и сугубо частные поручения Петра? Попытаемся извлечь ответы на эти вопросы, правда далеко не исчерпывающие, из «Повседневных записок».

Вставал Меншиков, как правило, в пятом либо в шестом часу, реже — в четвертом или в седьмом. На часы от пробуждения до полудня падала самая интенсивная часть рабочего дня. Светлейший сразу же, как лаконично повествуют «Повседневные записки», занимался «слушанием дел». Под «делами» подразумевались доклады служителей Домовой или Походной канцелярии, которым он давал распоряжения по управлению своим дворцом и многочисленными вотчинами, или доклады подчиненных по службе. Последующие часы он проводил в обществе Петра, нередко приезжавшего к нему домой, либо в царской резиденции, а также в Военной коллегии и Сенате, и за осмотром работ. Этого рода занятия завершались к полудню, реже — к часу дня. Меншиков садился за стол, чаще всего у себя дома около 11—12 час., но иногда трапеза происходила у царя, у генерал-адмирала Апраксина, обер-серваера (главного кораблестроителя) Головина, генерал-полицеймейстера Девиера и других лиц. В одиночестве Меншиков садился за стол редко. Обычно с ним сидела мужская компания из сановников и подчиненных. Характерная деталь, свидетельствующая о том, что эмансипация женщины, настойчиво внедряемая царем через ассамблеи, еще не проникла в семью князя, в принципе не чуравшегося новшеств: за обеденным столом не сидели ни супруга, ни дети даже в том случае, если «его светлость изволили кушать» без гостей.

После трапезы — визиты к вельможам, прием вельмож, участие в различных церемониях вместе с царем и «господами министрами», деловые и праздные разговоры, перемежавшиеся с игрой в шахматы и карты. Между 10 и 11 час. вечера, после ужина, сразу же отправлялся спать. В распорядке дня немало времени отводилось присутствию на богослужениях — заутрене, литургии, всенощной.

Среди царских поручений Меншикову был и присмотр за четырехлетним царевичем Петром Петровичем*, когда царь с супругой в январе — марте 1719 г. находились на Марциальных водах. Меншиков ежедневно проводил в его обществе один-два часа.

* Сын Петра I, Петр, умер в 1719 г.

Меншиков участвовал и в публичных развлечениях. К ним прежде всего относились ассамблеи. Они устраивались, судя по записям, без определенной периодичности. Первая ассамблея в 1719 г. была проведена у генерала Вейде в воскресенье 18 января, следующая — в четверг 22 января у князя Дмитрия Михайловича Голицына, затем — в воскресенье 25 января у князя Долгорукого, через день — у князя Черкасского, а еще через день, в среду 29 января — у Ивана Стрешнева. В феврале было лишь две ассамблеи, а в марте — одна, затем наступил длительный перерыв, и проведение четырех ассамблей с участием Меншикова зарегистрировано только в декабре.

Другой вид развлечений был связан с вылазками всепьянейшего собора. На рождественских праздниках 1719 г. славили у князя-папы Бутурлина и архиигуменья Ржевской (25 декабря), у канцлера Головкина (26 декабря), у князя Алексея Черкасского (28 декабря). Празднества завершились 30 декабря — соборян в этот день принимал Меншиков. «Повседневные записки» отметили и необычное развлечение, правда единственное в году: 22 марта царская чета, министры и Меншиков смотрели «комедию». В действительности это была не комедия, а цирковое представление с участием силача и какой-то дамы, танцевавшей на натянутом канате³⁵.

Распорядок в рабочие дни недели существенно не отличался от воскресных и праздничных. В четверг 1 января 1719 г. Меншиков встал в пятом часу и после всенощной отправился поздравить с новым годом Петра, с которым вел «о разных делах разговоры». От царя поехал в Военную коллегию, куда вскоре прибыл и Петр. Затем — литургия и вновь Военная коллегия. В восьмом часу начался фейерверк и еще одна встреча с царем. В десятом часу Меншиков прибыл домой и лег спать. В воскресенье 1 ноября Меншиков тоже встал в пятом часу и, отслужив всенощную, отправился в Военную коллегию, оттуда на литургию в Троицкий собор, где присутствовала царская чета. Позавтракав у царя, он поехал на свадьбу своего служителя. Возвратился домой в десятом часу и после ужина — сон.

Встречались, однако, дни, когда Меншиков почти полностью отключался от служебных забот. Время с 8 по 16 мая он провел в Ораниенбауме. Здесь он посвятил себя хлопотам по благоустройству загородной резиденции — прогуливался в «огороде», т. е. в парке, наблюдал за сооружением фонтана, ездил по близлежащим угольям, осматривал работы. Впрочем, и сюда по служебным делам к нему приезжали должностные лица: шаутбейнахт Сиверс, бригадир Порошин и др.

Дважды в 1719 г. Меншиков оказался в необычной для него обстановке: первый раз — во время продолжительной болезни, второй — во время пребывания его на Марциальных водах.

Симптомы недомогания появились в начале февраля, но князь крепился и не прекращал привычных занятий. 3 февраля он встал, как и всегда, в шестом часу и отправился в Сенат, оттуда в Военную коллегию. На следующий день мы вновь видим его за пределами покоев — в Иностранной коллегии. Но уже 5 февраля не Меншиков отправляется в присутствие, а к нему во дворец прибывают Толстой, Вейде, иностранные послы, министры и президенты. Они вели какие-то «довольные разговоры». В последующие дни светлейшему не сиделось дома. Затем следует короткая запись от 11 февраля: «Ради обдержимой болезни из покоев выходить не изволили». В дальнейшем Меншиков не берегся: он то сидел дома, то выезжал для осмотра работ в Адмиралтейство, в Военную коллегию и Сенат.

20 февраля болезнь наконец одолела светлейшего и приковала его к постели на месяц. Но и во время болезни он не прекращал работы. Дневниковые записи пестрят фразой: «довольно дел отправлял». Его часто навещали — одни как больного, другие, чтобы получить распоряжения. Не подлежит сомнению, что генералы Вейде, Брюс и Гинтер 26 февраля приезжали к нему по делам Военной коллегии. Деловой визит нанесли также генерал-майор Голицын и генерал-полковник Девиер. Их приезд «Повседневная записка» отметила так: «и по разговорах кушали, а его светлость ради болезни лежал подле кушанья; по разговорех разъехались»³⁶.

3 марта из Марциальных вод возвратился Петр и в тот же день навестил больного. В «Повседневной записке» читаем: царь «по обычной церемонии, рассуждая о болезни его светлости, изволил объявить о неслыханном действии Марциальных вод»³⁷. Петр, любивший врачевать, предписал фавориту отправиться на Марциальные воды. В представлении медиков того времени эти воды способны были поставить на ноги любого больного, в том числе и князя с больными легкими.

Меншиков поднялся с постели к 21 марта, а в июле приспело время выполнять царское повеление. Это принудительное лечение, надо полагать, вызвало в семье князя тревогу. Следы сомнений в целительных свойствах воды видны в том, что «курортник» в течение недели ехал в сопровождении всей семьи, и она оставила его одного в Александровском монастыре только 18 июля.

Князь прибыл на курорт 26 июля. Здесь он встретил подобных себе больных, маявшихся на водах по повелению царя: царицу Прасковью Федоровну, генерал-адмирала Апраксина, Григория Скорнякова-Писарева, архимандрита Феодосия, князя Трубецкого. Вынужденное безделье тяготило светлейшего, и он не знал, как распорядиться уймой свободного времени: по привычке вставал он в пятом часу, бродил по окрестностям, заглядывал в кузницу, почти ежедневно навещал пристань, где ему мастерили лодку, ходил в гости к царице и Апраксину.

Курс лечения продолжался 10 дней. В первый день князь одним приемом выпил семь стаканов воды. В дальнейшем количество выпитых стаканов увеличилось и 30 июля достигло 14. Прием воды в последующие пять дней происходил по убывающей и к концу лечения, к 4 августу, норма достигла исходной величины — семи стаканов. С Марциальными водами он расстался без сожаления и, кажется, не оценил их целебных свойств. Во всяком случае, у нас нет данных о повторном посещении им первого в России курорта.

Сопоставляя рабочий день Меншикова с рабочим днем министра Валуева, нетрудно заметить, что, несмотря на то, что деятельность одного от деятельности другого была отделена полутора веками, в структуре этого дня было много общего. Меншиков находился у истоков формирования бюрократического аппарата абсолютизма, Валуев — в годы его расцвета. За это время усложнилась бюрократическая машина, изменились вкусы, формы общения и отдыха. Валуев, разумеется, не поднимался с постели в пятом часу, его несомненно бы шокировало участие в выходках всепьянейшего собора, он не довольствовался бы единственным в году посещением театра. Значительно больше времени он отдавал заседаниям в Сенате, Комитете министров, Совете министров и в прочих комитетах и департаментах, число которых превышало двузначную цифру. Прозаседав в одном из них, он спешил сесть в карету, чтобы мчаться в другой. Впрочем, случалось, что он много дней подряд не выходил из дома, сочиняя очередной доклад «на высочайшее имя». И тем не менее Валуева и Меншикова объединяло то, что оба они вершили дела не столько в стенах учреждений, сколько за их пределами — во время докладов царю и разговоров с ним, во время завтраков и обедов у членов царской фамилии, частных бесед с другими вельможами, во время придворных церемоний и т. д. Закулисная, незримая деятельность вель-

можи, как бы органически влетающая в круг его служебных обязанностей, — едва ли не самая существенная особенность абсолютистского режима.

НА ГРАНИ КАТАСТРОФЫ

После возвращения светлейшего из Померании его ожидали две неприятности. С одной из них мы уже знакомы. Она была связана с дипломатическими просчетами князя в Померании. Истоки второй возникли на родной почве. Если бы князь находился в России, а не в Померании, вряд ли кто осмелился на него донести. Даже если бы смельчак и обнаружился, светлейший располагал такой властью, что без труда спустил бы дело на тормозах. Но Меншиков полтора года отсутствовал, и неизвестно, от кого и как царь узнал о его подрядных махинациях. К ним оказались причастными и другие вельможи: адмирал Ф. М. Апраксин, канцлер Г. И. Головкин, А. В. Кийкин, Ульян Синявин.

Следствие вскрыло неприглядную картину: сановники, находившиеся в доверии царя, использовали это доверие для личного обогащения за счет казны. Вельможи заключали подряды на поставку провианта по завышенным ценам. А чтобы замаскировать свою причастность к контрактам, дельцы из знати заключали их не на собственное имя, а на подставных лиц. Операции, как выявило следствие, принесли подрядчикам баснословные барыши. Петр, ознакомившись с результатами следствия, по поводу Меншикова в декабре 1714 г. вынес следующую резолюцию: «За первый подряд ничего не брать, понеже своим именем, а не подставою учинен и прибыль зело умеренна. С подрядов, кои своим же именем подряджал, но зело с лишком, взять всю прибыль. А кои под чужими именами — с тех взять всю прибыль, да штрафу по полтине с рубля. Также и те деньги взять, которые взяты за хлеб, а хлеб не поставлен»⁴.

Содержание царской резолюции станет понятным, если мы обратимся к классификации подрядов Меншикова, произведенной следственной канцелярией. Эта канцелярия, руководимая генералом Василием Владимировичем Долгоруковым, разбила подряды князя на три категории.

Первый подряд на поставку в Петербург 20 тыс. четвертей хлеба Меншиков взял в 1710 г. Сумма подряда составила

40 тыс. руб. при себестоимости в 34 600 руб. Таким образом, прибыль равнялась 5400 руб., или 15,6%. Скромный ее размер объяснялся тем, что часть хлеба во время перевозки подмокла, пришла в негодность и повысила себестоимость остального. Комиссия, а вслед за нею и царь тоже нашел прибыль умеренной и претензий к Меншикову предъявлено не было.

Практического склада уму светлейшего не стоило большого труда оценить вполне все выгоды нового поприща хозяйственной деятельности — он понял, что открыл жилу, разработка которой сулила огромные доходы, и поэтому решил придать делу свойственный своему характеру размах: на 1712 г. он заключил уже два контракта. По первому из них Меншиков обязался за Казанскую губернию поставить 30 834 четверти хлеба. Второй контракт он заключил через двух подставных лиц и обязался за Московскую губернию поставить 30 тыс. четвертей. В обоих случаях князь выторговал более дорогую, чем в 1710 г., подрядную цену — по 2 руб. 10 коп. за четверть. В итоге чистая прибыль в первом случае равнялась 60,3%, а во втором — 63,7%. В денежном выражении прибыль составила 48 343 руб. Вся прибыль подлежала возврату. Кроме того, царь наказал князя уплатой штрафа за подряд вместо Московской губернии, заключенный на чужие имена, по полтине с рубля полученной прибыли. Сухари и муку Меншиков поставлял и в 1714 г. Общая сумма начета на князя составила 144 788 руб., которые он должен был вернуть казне.

А чем кончилась подрядная эпопея для остальных ее участников?

Апраксин и Головкин отделались легким испугом — конфискацией полученной прибыли. По мнению царя, она была умеренной: у Головкина 16,3%, а у Апраксина, хотя и достигала без малого 30%, но он ее не успел получить. Наказанию они подверглись за то, что оформляли сделки на подставных лиц.

Самую суровую кару понесли Кикин и Синявин. Оба они должны были внести в казну не только прибыль, но и деньги, израсходованные на приобретение муки и сухарей. Кикину следствие князя Долгорукова оборвало карьеру².

Подрядная афера вельмож вызвала два царских указа. Одним из них под страхом смерти запрещалось должностным лицам заключать контракты на поставку в казну различных изделий и продовольствия. Другой указ регламентировал размер прибыли подрядчика — он не должен был превышать 10%³.

Еще не закончилось следствие о подрядных махинациях светлейшего, как началось новое расследование. Князя обвиняли в расходовании государственных денег на собственные нужды. Такого рода преступления именуются казнокрадством, и законодательство петровского времени устанавливало казнокрадам самые суровые меры наказания.

Канцелярия В. В. Долгорукова потребовала от Меншикова отчета в расходовании 1 018 237 руб. Вместе со штрафными деньгами за подряд общая сумма начета на князя составила грандиозную сумму в 1 163 026 руб. По другим, более поздним сведениям, начет вместе со штрафом равнялся 1 581 519 руб. Распутать до конца сложную систему взаимоотношений светлейшего и казны канцелярии Долгорукова, кажется, не удалось. Тем более сложно разобраться в финансовых хитросплетениях Меншикова 250 лет спустя, ибо документы следствия полностью не сохранились.

Меншиков сознательно затягивал следствие, опротестовывал выводы канцелярии и предъявлял контрпретензии. (В конечном счете ему удалось добиться своего, работа канцелярии продолжалась свыше 10 лет, ее прервала смерть Петра, за которой последовало снятие с князя всех начетов.)

Трудность для следствия состояла в том, что некоторые статьи как расходов князя, так и его доходов нигде не оформлялись соответствующими документами и поэтому не поддавались проверке. В данном случае канцелярия вынуждена была положиться на показания самого обвиняемого. Так, Меншиков заявил в одной из своих челобитных, что он после Полтавской баталии взял из шведского обоза под Переволочной 20 939 ефимков. Удовлетворила ли эта сумма алчность светлейшего, в руках которого оказались богатые трофеи, сказать трудно.

Сложно было также проверить достоверность названных Меншиковым сумм, поднесенных ему в почесть, т. е. взятки. Например, сумму в 5 тыс. руб., на которую раскошелились московские купцы в честь признания заслуг светлейшего в разгроме шведов, можно признать достоверной. Но в карман Меншикова текли суммы, проверка которых находилась вне досягаемости канцелярии. Светлейший, например, показал, что в Померании ему было поднесено «за то, что будучи в маршу, не разорили земли и чтоб отпустить (не взыскивать, — Н. П.) подводы; в Голштинии пять тысяч червонных, в Мекленбургах и Шверине 12 тысяч курант талеров». За обещание не допускать мародерства и прочих бесчинств («за добрый порядок») Меншиков получил с Гданска 20 тыс.

курант талеров, с Гамбурга и Любека соответственно 10 и 5 тыс. червонных⁴.

Столь же трудно проверить показания светлейшего относительно таких деликатных расходов, как издержки на подкупы должностных лиц при иностранных дворах, выдачи «шпигам», выполнявшим разведывательные задания князя на театрах военных действий и т. д. Так, царский портрет, обрамленный драгоценными камнями, был послан «из Жолквы к дуку Мальбруку ценою в 10 тысяч рублей». На такую ли сумму пополнилась сокровищница герцога Мальборо, от которого царь добивался благосклонного посредничества в мирных переговорах с Швецией, наверняка сказать трудно. В одном случае Меншиков даже не назвал имени лица, которому сделано подношение: «В Фридрихштате министру некоторому за откровенно важного дела дано 1000 червонных». А быть может, «министр некоторый» довольствовался 500 червонных, а два «шпига» получили не 1 тыс. червонных, как показал Меншиков, а в 3—4 раза меньше. Невозможно также точно установить, сколько было издержано на алмазный перстень, подаренный датскому генералу провиантмейстеру Платтору, или на шпагу и трость с алмазами другому датскому генералу (Шультену). С уверенностью можно сказать одно — не выше суммы, показанной Меншиковым, а именно соответственно 2112 руб. и 2572 руб. 26 алтын и 4 деньги⁵.

Не поддаются точному учету и суммы, издержанные Меншиковым на казенные нужды. В одной из челобитных он писал, что часто казенные деньги тратил на личные надобности, а личные деньги — на приобретение предметов, необходимых казне. Это утверждение светлейшего соответствовало действительности. Находясь в Померании, он, например, издержал на приобретение палаток собственных 27 338 руб., а на покупку провианта 20 979 руб.⁶ Следует при этом учесть, что Меншиков никогда, как он сам признавал, в накладе не оставался — из казны он брал неизмеримо больше, чем ей давал. Общая сумма издержанных на казну собственных денег составила 147 155 руб., в то время как на приобретение земель только в одной Польше и только в 1709 г. он израсходовал, как показал сам, 163 тыс. руб.

В процессе деятельности канцелярии между ее руководителем В. В. Долгоруковым и светлейшим возник спор, с какого времени следует ревизовать князя. Было время, когда отношения между двумя князьями — Долгоруковым и Меншиковым — не вызывали ни у того, ни у другого подозрений. Более того, аристократ Долгорукий, тогда еще гвардии майор,

заискивал перед князем-выскочкой и считал его своим благодетелем. Отправляясь на подавление восстания на Дону в мае 1708 г., он писал Меншикову: «Прошу у тебя, государя, милости, не оставь меня в милости своей в нуждах моих. А я на милость твою, государя своего, надежен как на батка своего. Тебе, государь, самому известно, кроме тебя, государя мово, других у меня никово нет»⁷.

С тех пор прошло много лет, и В. В. Долгорукий вполне соперничал с Меншиковым на поприще фавора и уже не считал светлейшего своим «баткой». Напротив, между ними установились открыто враждебные отношения, и Долгорукий стремился воспользоваться любой возможностью свалить Меншикова. Долгорукий понимал, что шансы разоблачить Меншикова-казнокрада тем выше, чем с более раннего срока начнется обревизование его финансовых злоупотреблений. Исходной датой проверки он считал необходимым назначить 1703 г. Меншиков, естественно, был заинтересован в том, чтобы исходная дата была передвинута на более позднее время. Ссылаясь на то, что первое десятилетие нового века он проводил на театрах войны, и, следовательно, в полевых условиях не имел возможности должным образом оформлять как получение казенных денег, так и их расходование, Меншиков настаивал на 1710 г. как дате, с которой канцелярия могла бы вести расследование.

Верх одержал Меншиков. Документы архива князя проливают свет на его закулисные действия при достижении этой цели. Так, в письме Макарову 6 февраля 1718 г. он благодарил кабинет-секретаря «за ходатайство у его царского величества указу о щете». Макаров, хорошо осведомленный о подлинном отношении царя и царицы к Меншикову, всегда выражал полную готовность услужить светлейшему.

Но Меншиков готов был воспользоваться и услугами людей куда меньшего масштаба, чем кабинет-секретарь. Княжеская спесь не помешала ему с подобострастием просить капитан-поручика Юрьева явить «всякое нам благодарение». «Взаимно отслужить не оставлю», — обещал он Юрьеву. Майора Ушакова Меншиков благодарил «за показанную вашу к людям моим милость, которые были у щоту Сергеева»⁸.

Как ни старался князь освободиться от назойливых требований канцелярии, ему все же пришлось напрягать собственную память и принуждать своих подручных проявлять изворотливость, чтобы уменьшить сумму начета. Не упущены были даже сравнительно мелкие затраты, как, например, покупка гобоев в пехотный полк за 40 руб., оплата услуг лицам,

изловившим беглых солдат, и за ремонт ружей (167 руб.) и т. д. Часть начета он погасил наличными и товарами. По собственному признанию, надо полагать, достоверному, ибо оно было изложено в челобитной царю, он писал в 1719 г.: «С меня взято деньгами, пенькою и протчими матерналы 615 608 рублей»⁹.

Какова судьба остальных начетных денег? На этот вопрос известные нам источники не позволяют дать исчерпывающего ответа. Часть долга царь ему простил. Светлейший умел выбирать подходящее время для подачи челобитных.

В 1715 г. у царя родился сын Петр. В честь «преславной радости» князь обратился к царю с просьбами освободить от уплаты оставшихся долгов и прекратить следствие: «от всех дел, которые по се время в той Канцелярии были и есть, меня освободить». Просьба Меншикова была удовлетворена лишь частично. Царь не поверил заверению князя, что «того долгу заплатить мне нечем», и положил на челобитной следующую резолюцию: «По прошению вашему от половины всех денег свобождаем. Что же принадлежит до Канцелярии, и вы к ней кроме сего платежа ничем не привязаны, когда в сем разделяетесь»¹⁰.

К 1715 г., когда была подана эта челобитная, на Меншикове значилось 324 354 руб. долга. Согласно царской резолюции половину этой суммы, т. е. 162 177 руб., князь должен был внести в казну.

Четыре года спустя Меншиков повторил свою просьбу. Князь жаловался, чего его «зело снедает» пребывание под следствием, и просил, «чтоб я от всех Канцелярий, где следуютца по моим делам, был свободен».

Ко времени подачи этой челобитной произошла смена руководителей канцелярии: место В. В. Долгорукова занял Петр Михайлович Голицын. Это назначение обернулось для Меншикова тем, что с него в дополнение к 162 177 руб. стали взыскиваться еще 285 107 руб. Впрочем, по княжеским выкладкам не он, Меншиков, был должен казне, а наоборот, казна была его должником. Меншиков уверял царя, что «никакого моего вашей казне похищения не явилось», и просил положить конец затянувшемуся следствию, «чтоб я и мои домашние были спокойны»¹¹.

Никакой резолюции не последовало — царь не поддался на уговоры (знал он цену княжеским заверениям) и в то же время не потребовал от него уплаты долга. Похоже на то, что царь решил держать своего фаворита в подвешенном состоянии и тем самым умерить его стяжательский аппетит,

А что основания для подобных опасений у царя были, свидетельствует новый донос на князя 8 мая 1718 г. с обвинением в хищении более 100 тыс. руб. Вслед за этим Меншикову пришлось оправдываться в присвоении 21 тыс. руб. За это Меншиков был предан военному суду. Он признал себя виновным лишь в том, что взял деньги самовольно, «не бив челом его величеству», но казнокрадством это не считал, объяснив, что он всего-навсего удержал сумму, которую ему должна была Московская губернская канцелярия. В столице поползли слухи о том, что светлейший попал в немилость.

В августе 1718 г. князь вместе с царем и Ф. М. Апраксиным находился на мысе Гангут, а Дарья Михайловна — в столице. Сохранились письма Меншикова, свидетельствующие о том, что слух вызвал в семье переполох. Первой забила тревогу Дарья Михайловна, надо полагать отправившая супругу паническое письмо. В ответном послании от 4 августа Меншиков заклинал супругу не верить слухам, распространяемым злопыхателями, и убеждал ее, что «не точию от его величества какого имел гнева, но ниже немилостивого слова». Заканчивал он письмо так: «Паки вас прошу для бога о сем нималого мнения не имейте, а особливо ж о том неправом разглашении не печальтесь»¹². Такое же письмо он отправил и брату адмирала: «Некоторые бездельники самую наглую ложь разгласили, ибо не точию гнева (от чего боже сохрани) от царского величества, ниже истинно немилостивого взгляду не видал»¹³.

Но, успокаивая супругу, сам светлейший проявлял невозможность. Иначе зачем было князю возвращаться к этому сюжету еще в шести письмах, отправленных в промежутке между 6 и 11 августа? Какая надобность была прибегать к услугам генерал-адмирала Апраксина, который по просьбе князя должен был тоже засвидетельствовать в письме к своим домашним, что князь по-прежнему пользуется уважением царя?

Меры Меншикова являлись попыткой парализовать слухи, наносившие ущерб его престижу. Светлейший был прав — поколебать его фавор не удалось.

В начале 1719 г. Меншикову довелось еще раз пережить критическую ситуацию: Голицын неукоснительно требовал от князя погашения начета и даже грозил держать его под караулом. Но его и на этот раз вызволила из беды Екатерина. 6 февраля 1719 г. она писала из Марциальных вод, где вместе с супругом находилась на лечении: «О деньгах, которых спрашивают с вас в Канцелярии к господину генералу майору князю Голицыну, у его царского величества предстательство-

вать буду после употребления вод, сколько бог мне поможет...»¹⁴.

Кстати, и сам Меншиков не сидел сложа руки. Он ловко использовал все средства влияния на Петра. Зная о том, что царь с Марциальных вод заглянет на Петровские заводы, Меншиков обратился к управляющему этими заводами В. И. Генину с просьбой показать царю товар лицом и всячески подчеркивать заслуги князя в строительстве предприятий и организации производства: «И когда его царское величество изволит быть на заводах, и тогда его величеству донести, что чьим тщанием и трудами какие заведены заводы»¹⁵. Генин в точности выполнил просьбу князя. Осмотренные заводы оставили у царя самое благоприятное впечатление, которым он не преминул поделиться с князем.

Закулисные хлопоты светлейшего тоже оказали свое влияние на его судьбу. Сделав вид, что похвальные слова царя для него явились полной неожиданностью, Меншиков писал ему в конце января 1719 г.: «Радуюсь, что мой труд в деле заводов, которые я по указу вашему строил, вашему величеству явился угоден». Тут же напоминание о том, что его, Меншикова, для платежа денег «хотели держать в Канцелярии»¹⁶.

Екатерина тоже получила письмо от князя: «И правда, сжали бы не вашу матернею пожалован был милостью, то б всеконечно за платеж денег держан бы в Канцелярии». Тут же жалоба: начет «платить безсилен» — и сетование на необходимость продать «некоторые вещи, також и несколько деревень»¹⁷.

Самую крупную неприятность князю доставили не рассмотренные выше расследования, а почепское дело — обвинение в захвате чужих земель и закреплении украинских казаков.

Ко времени, когда почепское дело в 1717 г. стало предметом разбирательства Сената и специальных комиссий, Меншиков уже считался богатейшим вельможей страны. Его владения увеличивались из года в год, причем в послеполтавский период едва ли не главным источником расширения вотчинного хозяйства стала скупка имений. По неполным данным Меншиков только в 1710—1717 гг. издержал на приобретение вотчин свыше 200 тыс. руб.

Какие источники доходов позволяли Меншикову совершать столь крупные сделки? Главным из них являлась казна. В одной из челобитных князь признался, что он распоряжался

казенным сундуком с такой же непринужденностью, как и собственным карманом.

Появились и два сравнительно новых канала накопления богатств: военные трофеи и доходы с вотчин. Владения князя приносили огромные доходы. Меншиков не довольствовался извлечением из них традиционного денежного оброка и доставкой во дворцы всякой снеди. Жажда наживы толкала его на путь предпринимательства. Одним из первых среди помещиков он создает промысловые заведения по переработке сельскохозяйственного сырья и полезных ископаемых. Было выгоднее продавать не хлеб, а изготовленное из него вино, и Меншиков спешит создать винокуренные промыслы, чтобы поставлять вино в царские кабаки. Застройка Петербурга требовала огромного количества разнообразных строительных материалов. Меншиков использует и эту конъюнктуру, организовав в окрестностях столицы кирпичное производство и распиловку леса. В Ямбургском уезде он владел хрустальным заводом. Оконное стекло, посуда, зеркала, хрусталь шли на нужды дворца и загородной резиденции, но часть продукции поступала на рынок. Откровенно предпринимательский характер имели соляные промыслы, купленные князем в Тотемском уезде за 40 тыс. руб., а также рыбные промыслы на Волге и в Поморье.

Впрочем, однажды предпринимательские начинания Меншикова не были обусловлены желанием извлечь из них барыши. Он выступил инициатором организации шелковой мануфактуры, вовлек в дело еще двоих вельмож — Апраксина и Шафирова, причем, как явствует из письма Меншикова к Макарову, светлейший в данном случае руководствовался стремлением не столько извлечь прибыль, сколько угодить царю: ему, Меншикову, известно, что Петр, «будучи в Париже изволил смотреть всяких мануфактур, между которыми изволил видеть и шпалеры, и при том изволил говорить, дабы и у нас такая работа как наискорее завелась, и у нас еще ничего в зачине не бывало, понеже ни инструментов, ни шерсти, ни красильщиков нет». Меншиков просил Макарова, находившегося вместе с царем в Париже, закупить необходимые инструменты¹⁸.

Все, что в те времена могло принести барыши, не ускользало от жадного взора светлейшего. Он неустанно печется о преумножении своего богатства. Ему мало 100 тыс. крепостных, золота, бриллиантов, роскошных дворцов. Он весь в поисках новых источников дохода и безоговорочно принимает любой совет, если его реализация сулила получение

хотя бы мелочных барышей. В Москве он скупал лавки, харчевни, погреба, торговые места, с тем чтобы все это на выгодных условиях сдавать в оброк мелким торговцам и промысловикам. За границу Меншиков продавал традиционные товары русского экспорта. Его агенты действовали в районах производства пеньки, воска, сала, кож и отправляли их в Петербург и Архангельск для продажи английским и голландским купцам¹⁹.

Князь, однако, никогда не ощущал избытка в почестях и богатстве.

Город Почеп с округой принадлежал Мазепе и еще в 1709 г. был пожалован Меншикову за участие в Полтавской баталии. Князь не довольствовался даянием и из года в год округлял это владение захватом близлежащих земель, укреплением казаков и взиманием с них повинностей. С 1717 г. казаки начали подавать многочисленные жалобы на незаконные захваты, но все они оставались без последствий — никто не посмел предать гласности очевидный факт произвола. Наконец, жалобам был дан ход, но все шло для Меншикова лучшим образом. Сенат отправил на Украину межевщика Лосева. Тот действовал в угоду князю и при межевании спрямил его владения так, что они стали еще более обширными.

Весной 1720 г. князь сам отправился на Украину. Официальная цель поездки, как мы видели выше, состояла в выполнении повеления царя. Но светлейший спешил на Украину, терпя дорожные лишения, не только ради комплектования кавалерийских и драгунских полков. Заодно он намеревался уговорить г-мана Скоропадского закрыть почепское дело. Светлейший, кроме того, рассчитывал на месте получить исчерпывающую информацию о намерениях противной стороны, чтобы своевременно парировать ее выпады.

Компромисс, однако, не был достигнут. Более того, светлейшему стало известно о поездке в Петербург новых челобитчиков. Вслед за ними Меншиков отправляет письмо своему приятелю адмиралу Апраксину с просьбой «напрасным клеветам» челобитчиков не верить. В то же время он хлопотал перед Апраксиным, чтобы дьяку Лосеву, прибытие которого вскоре ожидалось в Петербурге, была оказана всякая милость и признание²⁰.

Не надеясь на эффективность заклинаний, чтобы жалобам челобитчиков не придавали веры, Меншиков сам решил прибыть в Петербург. У царя он на этот счет испрашивает разрешение, причем необходимость поездки в столицу он мотивировал необходимостью «о расположении на квартиры полков

вашему величеству донести изустно, ибо чрез письмо так обстоятельно невозможно объявить»²¹.

Сомневаясь в том, что этот аргумент будет принят Петром, Меншиков обратился к услугам Макарова, чтобы тот изволил «его величеству почаще докучать» о своем вызове в Петербург²². Меншиков был настолько уверен в удовлетворении царем своей просьбы, что распорядился о расстановке подвод на пути следования в столицу. Но ни личные просьбы, ни «докуки» кабинет-секретаря не помогли — царь не счел целесообразным приезд Меншикова в Петербург.

Быть может, почепское дело продолжалось бы бесконечно долго, если бы в него не вмешался украинский гетман Скоропадский, решительно вставший на защиту обиженных Меншиковым казаков. В челобитной царю, поданной в декабре 1720 г., гетман писал о «фальшивом» межевании, которым был нанесен «всему Стародубскому полку убыток», так как более тысячи казаков, а вместе с ними поля и сенокосные угодья, мельницы и бортовые леса были приписаны к владениям князя.

Кстати, Меншиков не считал, что челобитная была подана по инициативе гетмана и им подписана. По его мнению, старый и больной Скоропадский являлся всего лишь марионеткой в руках украинской старшины. Еще до подачи гетманом этой челобитной Меншиков писал Макарову, что «господин гетман по приводении на злобу от других будет на меня писать з жалобою». Впрочем, светлейший допускал, что у его недругов надобности в том, чтобы настраивать «на злобу» Скоропадского, не было, ибо среди них был человек, умевший ловко подделывать подпись гетмана: «Я не надеюсь, — рассуждал Меншиков, — чтоб он сам мог подписатца, но другие, кои власно так, как он сам подписывает и познать невозможно»²³.

Как бы там ни было, но Меншиков, почувяв опасность, занервничал. Об этом свидетельствует тот факт, что за три недели, с 14 апреля по 4 мая 1721 г., князь отправил четыре личных письма Екатерине, чтобы она «предстательствовала» перед царем о решении почепского дела в его пользу. «Прошу о милостивом за меня его царскому величеству предстательстве», — писал он 17 апреля. В письме от 4 мая Меншиков приносит царице «благодарение за милостивое за меня его величеству о почепском моем деле предстательство и о исходатайствовании милостивого указу»²⁴.

Использовал князь и второй канал воздействия на царя — посредничество Макарова. Одновременно князь осаждал челобитными и царя. В одной из них, от 17 апреля 1721 г., он

писал, что межевание было произведено в присутствии четырех представителей гетмана и 300 человек «тамошних обывателей», и просил «указать той меже быть так, как помянутые заручные книги учинены»²⁵. В другой челобитной он просил жалобщиков задержать в столице и подворное межевание произвести в их отсутствие «для того, что оные несправедливо, как выше писано, бьют челом и многих к тому челобитью сильно принуждали подписыватца. А иных, которые не хотели подписыватца, держали в тюрьме»²⁶.

Предотвратить проведение повторного межевания Меншикову все же не удалось. Царь ему ответил: «о почепском деле лучше обождать, пока назначенная персона из Сената по указу подлинно там свидетельствует, и ежели по свидетельству неправы явятся челобитчики, тогда вяншему наказанию за несправедливое челобитье подлежать будут, а вам послужит то к лучшему оправданию».

На Украину был отправлен новый межевщик — полковник Скорняков-Писарев, брат обер-секретаря Сената, клеврета Меншикова. Скорняков-Писарев оказал Меншикову такую же услугу, как и Лосев, подтвердив итоги первого межевания.

Меншиков готов был торжествовать победу. В новой челобитной царю он напустился на гетмана Скоропадского, который якобы устно соглашался уступить ему, князю, спорные земли, а теперь их не отдает. Если верить челобитчику, то захваченные им земли и закрепощенные казаки с давних времен находились в ведомстве почепской ратуши.

Между тем начался третий этап почепского дела. На Украину отправили нового межевщика, а два предыдущих были схвачены для дознания. Лосев тут же признался, что он с ведома Меншикова межевал несправедливо и покрыл его захваты. Припертый к стене Меншиков должен был признать свою вину. Царю он писал: «Ни в чем по тому делу оправдаться не могу, но во всем у вашего величества всенижайше слезно прошу милостивейшего прощения»²⁷. Терпение Петра находилось на грани истощения. Вероятно, к этому времени относятся вещи его слова, сказанные Екатерине: «Ей, Меншиков в беззаконии зачат, и во гресех родила его мати его, а в плутовстве скончает живот свой. И если, Катенька, он не исправится, то быть ему без головы»²⁸.

В столице носились упорные слухи о близком падении князя. Прусский посланник Мардефельд несколько не грешил против истины, когда писал о нервном потрясении Меншикова, вызванном страхом за свою судьбу. В нашем распоряжении имеется относящееся к этому же времени заключение

консилиума медицинских светил: дарского лейб-медика Блюментроста и врачей Бидлоо, Шоберта и Ремуса. Медики не обнаружили туберкулеза, ибо отсутствовали его явные симптомы: «в одышке тяжести никогда не бывает и около груди утеснения никакого нет, такожде после кушания или к ночи признаки к лихоратке не являются». Меншикову были предписаны какие-то лекарства, прогулки верхом в летнее время, физические упражнения зимой, строгая диета и режим. Но все рекомендации мало помогут, если князь не возьмет себя в руки по части душевного спокойствия. Заключительная часть документа необычайно интересна и с точки зрения истории медицины и для характеристики самого пациента (приводим ее полностью): «...Того ради такожде надлежит себя остерегать от многого мышления и думания, ибо всем известно, что сие здравию вредительно и больши, а особливо сия его светлости болезнь оттого вырастает, от таких мыслей происходит печаль и сердитование. Печаль кровь густит и в своем движении останавливает и легкое запирает, а сердитование кровь в своем движении горячит. И ежели кровь есть густа и жилы суть заперты, то весьма надлежит опасатца какой великой болезни.

Того ради мы меж себя разсуждаем, что от наших лекарств пользы никакой не будет, ежели его светлость от своей стороны себя сам пользоваться и вспомогать не изволит, а особливо воздержатъ себя от сердитования и печали и, елико возможно, от таких дел, которые мысли утруждают и безпокойство приводят»²⁹.

От него уже все отвернулись. В гостеприимном доме светлейшего на именинах супруги демонстративно отсутствовали все вельможи. Он лихорадочно искал заступников, вновь обращался к Екатерине сам, посылал хлопотать за себя своих клеветов. Один из них, Девиер, доносил Меншикову: «Ваша светлость изволили упомянуть о почепском деле, и о сем ее величеству я доносил и стараться в том будем»³⁰.

Меншиков устоял и на этот раз. Мардефельд доносил прусскому королю в феврале 1723 г.: «Князь Меншиков, который от страха и в ожидании исхода дела совсем осунулся и даже заболел, сумел опять скинуть петлю со своей шеи. Говорят, что он получил полное помилование впредь, пока сатана его снова не искусит»³¹.

Почепское дело все же стоило Меншикову потерь. Петр обязал его расстаться с тем, что ему не принадлежало: вернуть казакам захваченные земли, а также оброчные деньги. Кредит светлейшего пошатнулся, и ему пришлось оставить

пост президента Военной коллегии, который был вручен князю Аниките Ивановичу Репнину. В почепском деле, как и в деле с подрядами, суровым наказаниям подверглись исполнители воли князя — межевщики Лосев и Скорняков-Писарев.

Чем объяснить снисходительность Петра к хищениям своего фаворита? Почему он терпел злоупотребления светлейшего, в то время как других казнокрадов подвергал самым суровым наказаниям? Напомним, что вице-губернатор Корсаков, всего лишь орудие в руках князя, был подвергнут пытке, ему публично ягли язык, а затем отправили в ссылку. На долю сенатора князя Григория Волконского выпала вдобавок к таким же наказаниям еще и конфискация имущества. Между тем Волконский совершил одинаковое с Меншиковым преступление — поставлял провиант под чужим именем и по дорогой цене. Наконец, несомненно очень близкий к царю человек, которого он любовно называл дедушкой, а именно Александр Васильевич Кикин, за подрядные махинации был лишен чинов и отстранен от должности советника Адмиралтейства.

На поставленные вопросы искали ответов не только историки, но и современники. И. И. Голиков, известный историк-любитель XVIII в., автор грандиозного сочинения о Петре I и собиратель анекдотов о нем, записал два анекдота, объясняющих терпимость царя к казнокрадству своего любимца.

Согласно одному анекдоту, в токарню, где Долгорукий докладывал царю о Меншикове, вошел князь, пал перед Петром на колени «и со слезами просил помиловать, изъясняясь, что злодеи его все силы прилагают погубить его». Долгорукий сказал светлейшему: следствие вели не злодеи, а члены канцелярии, обличившие «тебя в похищении казенного интереса, и по сему жалоба твоя крайне несправедлива».

Некоторое время спустя Петр вернулся к обсуждению доклада Долгорукого и вынес решение: «Не тебе, князь, судить меня с Данилычем, а судить нас с ним будет бог». В ответ Долгорукий рассказал случай, якобы происшедший с его родственником Лобановым, который вместо любимого управителя, бессовестно обкрадывавшего его, велел высечь ключника, сообщника и подчиненного управителя. Жертве истязания и присутствовавшему при экзекуции управителю было сказано, что ключник расплачивается «за общую их кражу».

Долгорукий из этой притчи рекомендовал царю практический вывод: «Так и ты, государь, сделай: помогал в плутов-

стве Меншикову Корсаков, и ты накажи его при нем за их общее плутовство, да тем и дело кончи».

Второй анекдот излагает иную версию обсуждения дела. На заседание следственной комиссии, происходившее в присутствии царя, явился с повинной Меншиков. «Э, брат, — сказал царь, ознакомившись с ее содержанием, — и того ты написать не умел, и стал оную чернить» (правильно — *Н. П.*). Один из младших по чину членов комиссии сказал своим товарищам: «Пойдемте, братцы, нам делать здесь нечего».

— Куда? — спросил Петр.

— Домой, ибо что нам остается здесь делать, когда ты сам научаешь вора, как ему ответствовать. Так ты один и суди его, как изволишь, а мы лишние.

Другой член комиссии поддержал своего коллегу, заявившего царю, что первый вельможа в государстве должен показывать образцы «в верном хранении законов и в безпорочной к тебе и отечеству службе». Нарушитель их недостойн милостей. Царь, выслушав мнение членов комиссии, обратил их внимание на крупные заслуги князя. Приговор Петра был таким: «Он мне и впредь нужен, и может еще сугубо заслужить оное»³².

Достоверность анекдотов проверить невозможно. Скорее всего оба они были придуманы после совершившихся событий: фабула подверглась литературной обработке, драматизации и обросла деталями, вряд ли имевшими место в действительности.

Не стоило бы пересказывать содержание басен, выдаваемых за были, если бы не две существенные детали: при всех различиях оба анекдота схожи в освещении роли царя в деле Меншикова: судьбу светлейшего решал Петр, причем решал ее вопреки мнению канцелярии, расследовавшей его преступления; схоже и объяснение причин милосердия царя: Меншиков еще ему понадобится, он, царь, не настолько богат дельными помощниками, чтобы с легкостью расстаться с главным из них.

Ставя под сомнение достоверность отражения событий анекдотами, мы должны принять за истину интерпретацию этих событий. Действительно, снисходительность Петра только и можно объяснить многими годами дружбы с фаворитом, преданностью этого фаворита, его военными заслугами, наконец, заступничеством Екатерины. Нет никаких сомнений, что Екатерина роль доброй феи выполняла достаточно прилежно. Не страдал короткой памятью и Петр, несомненно

помнивший и годы привязанности к Данилычу, и деловые качества своего друга.

Перечисленные заслуги относились к прошлому. Воспоминания о них если и не стерлись в памяти, то могли поблекнуть, если бы Меншиков утратил способность быть не только полезным, но и крайне необходимым как в настоящем, так и в будущем.

Царь назначает Меншикова сенатором и руководителем одного из важнейших учреждений обновленного государственного механизма — президентом Военной коллегии. Правда, Военная коллегия была единственной, которой ведали два президента, при неграмотном Меншикове состоял второй президент, иностранец, видимо, в качестве военного специалиста. Заметим, что это назначение светлейшего состоялось в 1718 г., т. е. в то время, когда расследование его хищений подходило к концу и масштабы этих хищений в общих чертах были выяснены.

В следующем году нависла угроза вмешательства в Северную войну Англии — воды Балтийского моря бороздила эскадра английского адмирала Норриса, готовившаяся к нападению на русский флот. Царь посылает Меншикова в Кронштадт, где тот почти месяц руководил возведением дополнительных укреплений, способных преградить подход к Петербургу неприятельской эскадре. В этом же году мы наблюдаем Меншикова за выполнением одного деликатного поручения, к которому царь мог привлечь человека, пользовавшегося его полным доверием, — он руководил описанием ранее опечатанного имущества и бумаг покойного царевича Алексея.

В 1720 г. возникла надобность в увеличении числа кавалерийских и драгунских полков — Петр намеревался развернуть обширные военные действия на территории самой Швеции. Кроме того, носились слухи о возможной высадке шведского десанта на побережье Эстляндии и Лифляндии. «Мейн фронт, — обращался царь к светлейшему, — хотя мы мало верим о транспорте шведском, однако же то подлинно есть, что в Готенбурге множество судов транспортных берут и пятнают гербом для транспорту»³³. Чтобы опрокинуть неприятеля в море в любом пункте вторжения, необходимы были подвижные отряды, способные быстро преодолевать расстояние.

Комплектование новых кавалерийских и драгунских полков Петр возложил на Меншикова. Тот отправляется на Украину.

Выехал князь из Москвы в начале марта. В пути его застигла запоздавшая зима: сильные морозы и метели. «Смело

могу донести,— писал Петру князь,— что как я стал при вашем величестве служить, ни в котором пути такой дороги не имел»³⁴.

Князю как фельдмаршалу и президенту Военной коллегии украинский гетман организовал пышную встречу и оказывал положенные его рангу почести: въезжал Меншиков в город в сопровождении казачьих эскадронов, под гром артиллерийских салютов и звуки оркестров.

На Украине Меншиков еще раз блеснул талантом организатора. Он закупил необходимое количество лошадей, мобилизовал множество рекрутов из однодворцев, пересмотрел состав гарнизонных полков, изъяв из них солдат, годных в полевую службу, привлек более тысячи дворянских недорослей для службы в конных полках. В общей сложности Меншиков укомплектовал 26 полков, из которых 4 — отправил в Ригу, 10 — в Смоленск, а 12 — оставил на границе с Польшей. Прибыв в Смоленск, он и там обнаружил резервы, из которых сформировал два полка, отосланных в Ригу.

Путь из Украины до Смоленска и от Смоленска до Риги Меншиков преодолевал не туристом, а человеком, властно вторгавшимся в то, что нуждалось в улучшении и более совершенной организации. Он исправлял дороги и мосты, оставлял инструкции, организовывал обучение рекрутов, инспектировал полки.

В Петербург Меншиков прибыл 12 сентября и сразу же был принят царем, которому с 5 час. утра до 12 час. дня докладывал об итогах своей полугодовой работы.

Итак, князь на любом поприще, куда бы его ни бросал Петр, проявлял незаурядные способности организатора и безупречного исполнителя царских повелений. Такая распорядительность давала Петру основание выделять светлейшего среди своих сподвижников, даже в те времена, когда отношения между ними стали иными, чем в первые полтора десятка лет их дружбы.

Но у царя была еще одна причина смотреть сквозь пальцы на казнокрадство светлейшего и ради больших заслуг прощать две «маленькие» слабости: честолюбие и алчность. Дело в том, что сам Петр в известной мере поощрял казнокрадство своего фаворита, точнее, долгие годы мирился с ним, как бы не замечал его.

Резиденция Петра в Преображенском, как и Летний дворец в Петербурге, ни по размерам, ни по внутреннему убранству не были пригодны для устройства приемов и проведения празднеств. Роль гостеприимного хозяина в свое время вы-

полнял царский любимец Лефортов. Его обязанности перешли к Меншикову.

Меншикова с Лефортов роднило лишь положение любимцев царя, избалованных его вниманием. В остальном фавориты представляли два не похожих друг на друга характера. Лефортов — беспечный весельчак и балагур, живший сегодняшним днем, нисколько не заботясь о завтрашнем. Будущее у него ограничивалось ближайшим вечером, сулившим пирушку и развлечения с дамами. Меншиков, напротив, был стяжатель, снедаемым заботами о будущем не только своим, но и своего рода. Лефортов не был тщеславен, Меншиков же — весь в хлопотах о чинах и званиях. «Дебошан французской», как называл Лефортова один современник, хотя и был женат, но до конца дней своих увлекался слабым полом и к супружеской верности относился легкомысленно. Меншиков, наоборот, слыл добропорядочным семьянином и заботливым отцом.

Дворец Меншикова, как в свое время дворец Лефортова в Москве, был одновременно и дворцом Петра. Знаменитая свадьба карликов, торжества по случаю бракосочетания царевны Анны Иоанновны, женитьба князя-папы Никиты Зотова, пиры в викториальные дни и дни текущих побед на театре военных действий, торжества по случаю спуска на воду кораблей и их закладки происходили во дворце губернатора Меншикова. Там же Петр отмечал и семейные праздники. Светлейший держал лучшую в столице кухню, огромное количество иностранных слуг, великолепный оркестр, роскошный выезд и пышно обставленные покои. Все на нем было самым модным — от парика до башмаков. А огромные дворцы в Петербурге, на Котлине острове, в Ораниенбауме, являвшемся его летней резиденцией!

По престижным соображениям Петр требовал, чтобы дворец князя был обставлен с роскошью, подобающей его должности и положению. Рассказывают, что однажды царь, приехав к князю, был неприятно удивлен дешевыми шпалерами на стенах. Меншиков объяснил, что он вынужден был содрать дорогие обои, чтобы расплатиться с начетами. Петр пригрозил: если к следующему его визиту все останется в таком же убогом виде, то светлейший понесет суровое наказание. Пришлось выполнять царскую волю.

Не скупился князь, когда раскошелывался на подарки царю. Преподнесенный ему корабль в день именин в 1711 г. не относился к самым дорогим. Годом раньше на именины он отвалил Петру 100 тыс. руб. Поэтому заявление Меншикова о том, что он тратил деньги «ради вашего интереса и для

чести вашей на содержание дому», не лишено оснований. Игнорировать его Петр не мог. В то же время сказанное не лишает Меншикова репутации казнокрада.

Как бы там ни было, но Петр не прерывает отношений с князем. Царь часто проводит время в обществе фаворита: обсуждает вместе с ним планы застройки Петербурга, осматривает городские сооружения и укрепления Кронштадта, присутствует на заседании Военной коллегии, часто бывает у него в гостях и сам принимает его, часами ведет деловые разговоры. Часы досуга Петр тоже проводит вместе с Меншиковым: присутствует на празднестве, устроенном им по случаю дня своего рождения, участвует в свадебных торжествах его племянницы, выступает крестным отцом рожденной у Меншикова дочери. В канун 1720 г. Петр и Меншиков — неперемненные участники вылазок всепьянейшего собора³⁵.

Следы приятельских отношений между Петром и Меншиковым нетрудно обнаружить и в их переписке. Это не только традиционное обращение к Меншикову «Мейн фронт», но и тон писем, знаки внимания, оказываемые фавориту. В 1720 г. Петр отправляет к Меншикову на Украину пасхальный подарок: «А вместо красного яйца посылаю к вашей милости книгу трудов моих Морской регламент», только что вышедший из печати³⁶. Известно, что завершение работы над этим регламентом доставило Петру особую радость и гордость именно потому, что его автором был он сам.

Петр иногда делился с князем новостями, причем светлейший допускал в ответах известную фамильярность, точнее, переступал грани официальной сдержанности, характерной для ответов царю прочих корреспондентов.

Царь сообщает Меншикову о десанте объединенного англо-шведского флота на безлюдный остров Нарген в 1720 г. Успех англичан и шведов был настолько ничтожным, что дал царю основание иронизировать по этому поводу. Десанту удалось сжечь баню и избу для рабочих людей. Меншиков в тон иронии отвечал: «А в учиненных обидах сих обоих флотов на остров Нарген — в сожжении бани и избы — не извольте печалиться, но уступите добычу сию им на раздел, а именно баню шведскому, а избу английскому флотам»³⁷.

Отмечая наличие близких отношений между царем и Меншиковым, надобно все же отметить бесспорный факт, что степень этой близости не шла в сравнение с той, которую мы наблюдали в предполтавский период и в первые год-два после него. Теперь уже Петр не жаловался, как прежде, на «скуку» от «разлучения», не проявлял он и нетерпения в ожидании

встречи. Более того, Меншиков, как упоминалось выше, находясь в 1720 г. в Смоленске, пожелал прибыть в Петербург для доклада, но царь отклонил это предложение и велел ехать князю сначала в Ригу, а потом уже в столицу, ибо «на час приехать и паки возвращаться не для чего»³⁸.

Не баловал царь Меншикова, как в прежние годы, и письмами. Не каждое письмо-донесение князя удостаивалось ответа. 15 апреля 1721 г. Петр, находясь в Риге, к примеру, ответил единственным письмом на шесть посланий Меншикова³⁹. Такое раньше если и случалось, то всегда сопровождалось извинениями царя.

Бывало, что Петр даже отказывался принимать Меншикова — возможность подобного афронта в годы расцвета дружбы исключалась совершенно. Теперь светлейший, по его собственному выражению, «не сподобился» приема и должен был доносить суть дела письменно.

Не припоминается случаев, чтобы Меншиков прибегал в своих отношениях с Петром к посредничеству третьих лиц. В былые годы он в любое время дня и ночи был вхож в царскую резиденцию для личного разговора, либо отправлял курьеров с письмами, будучи уверен, что они найдут отклик. Но в 1721 г. он просит кабинет-секретаря Макарова доложить царю, «чтоб о том изволил указ в Адмиралтейство прислать, дабы более из солдат в матросы не принимали»⁴⁰.

Едва ли не самым выразительным свидетельством наступления новой фазы в положении фаворита является переписка Меншикова не с царем, а с другими лицами. Раньше сведения о том, чем был озабочен Петр в данный момент, где он находился и куда намеревался отправиться, о его ближайших планах, наконец, о состоянии здоровья светлейший получал из первых рук. Теперь писем царя поубавилось во много крат, а интерес Меншикова-царедворца к тому, что происходило при дворе, во столько же крат увеличился. Мало ли что могло случиться с часто болевшим Петром, а особенно на театре военных действий, когда он участвовал в морском сражении у мыса Гангут, или в Каспийском походе, или, наконец во время продолжительного пребывания за границей в 1716—1717 гг.! Недостающую информацию Меншиков получал теперь из вторых рук, прибегая к услугам самых разнообразных лиц.

Среди людей, более или менее систематически извещавших Меншикова о том, что делал и где находился Петр, встречаем Екатерину, кабинет-секретаря Алексея Макарова, генерал-полицеймейстера Петербурга Антона Девьера, кстати же-

натого на сестре князя, и множество других лиц. Их письма немногословны, богатством содержания не отличаются. Единственное назначение таких писем состояло, видимо, в стремлении оказать Меншикову услугу, в которой тот нуждался. В этом плане особенно показательны письма братьев Олсуфьевых. Оба они были гофмейстерами: Матвей — у Петра, Василий — у Екатерины. Князь весьма дорожил сведениями, исходившими от братьев, и не оставлял ни одного их письма без ответа.

О чем сообщали братья Олсуфьевы Меншикову? Братья сопровождали царскую чету во всех ее поездках. Именно переезды Петра и Екатерины, т. е. то, что было доступно визуальному наблюдению, и составляли главное содержание их писем. В апреле 1717 г. Матвей Олсуфьев сообщил о прибытии царя в Лувр, где он провел полчаса, так как предназначенный для проживания дворец «его величеству за великостью не понравился». 4 января 1718 г. письмо Матвея Олсуфьева из Москвы: царь 2 января «изволил со всем собором славить и зело изрядно веселились, изволил сам подносить по первому стакану вина, потом господин адмирал». Василий Олсуфьев 2 февраля 1719 г. писал из Марциальных вод: царь и царица «обретаются в добром здорвьии и изволят употреблять воду. Их величеству вода действует изрядно».

Услуги братьев-соглядатаев Меншиков оплачивал взаимными услугами. Василий Олсуфьев просил князя «не оставлять во своей милости жены моей и робятишек», а Матвей, находясь в Париже, просил одолжить ему 1 тыс. руб.⁴¹

Отмеченная ранее двойственность и даже противоречивость в отношениях между царем и Меншиковым прослеживается и в последние два-три года жизни Петра. Разве рисковал бы князь, зная о враждебном отношении к себе царя, подать ему в 1722 г. челобитную с просьбой по случаю годовщины заключения Ништадтского мира с Швецией «и на воспоминание Полтавской баталии» пожаловать ему город Батурин⁴²? По-видимому, практичный Меншиков на что-то рассчитывал и, во всяком случае, не ожидал, что челобитная вызовет раздражение и упреки царя. Правда, расчет не оправдался, и челобитная осталась без ответа.

С другой стороны, Петр выражал, как и в былые годы, полное удовлетворение деятельностью князя. Приведем на этот счет свидетельство Екатерины. Меншикову она писала 26 марта 1723 г.: «Что ж пишешь о работах, бывших в твоей диспозиции, и оными работами, а паче построенными постоянными дворами, его императорское величество зело доволен»⁴³.

Но это не помешало царю проявить холодное отношение к домогательствам князя о прощении своих «вин». Так как расследование преступлений Меншикова все еще продолжалось, то он обратился к царю 4 апреля 1724 г. с двумя просьбами: «Вину мою мне отпустить и положенных на меня штрафных и за провиант прибыльных и написанных на меня в городах разных расходов... на мне не спрашивать... и единожды оной шот окончать». Вторая просьба относилась к почепскому делу. Признав и здесь свою вину, светлейший просил, чтобы впредь была запрещена запись его крестьян в казаки, ибо он терял доходы от них. Аналогичную челобитную он подал и Екатерине с неизменной просьбой на отдельной цидуле о «предстательстве и заступлении»⁴⁴. Ответа не последовало и на сей раз. Полтора месяца спустя Меншиков вновь обратился с просьбой выдать ему беспроцентную ссуду в 20 тыс. руб. сроком на два-три года. Резолюция царя от 30 мая 1724 г. хотя и не в полной мере, но все же удовлетворила просьбу: «Дать взаймы из сих десять тысяч, а возвратить в полтора года от сего числа»⁴⁵.

Неизвестно, какой была бы судьба Меншикова, если бы Петр прожил еще несколько лет. Скорее всего, он разделит бы участь всех казнокрадов, тем более что главная его заступница, Екатерина, из-за своей супружеской неверности утратила влияние на царя. Но 28 января 1725 г. Петра не стало. Меншиков вступил в новый этап своей жизни.

ВЕРШИНА МОГУЩЕСТВА И БОГАТСТВА

Умирая, Петр не оставил завещания. Кто должен стать наследником? Круг претендентов был достаточно широк. Это и две дочери Петра — Анна и Елизавета, супруга царя Екатерина, наконец, десятилетний внук царя — Петр II. Последний как единственный представитель династии по мужской линии согласно обычаю имел предпочтительные шансы. Кандидатуры дочерей не котировались прежде всего потому, что обе они были внебрачными — родились ранее оформления брачных уз между царем и Екатериной. К тому же Анна Петровна вышла замуж за герцога Голштинского, чем отрезала себе путь к российскому трону. Что касается Елизаветы, то у этой красавицы-хохотуньи, обладательницы веселого

права еще не проснулось честолюбие и она, целиком поглощенная амурными делами, стояла в стороне от борьбы.

Петр I, надо полагать, рассчитывал передать скипетр своей супруге. Мерой, подготавливавшей умы к восприятию этой идеи, было обнародование в 1723 г. манифеста о присвоении ей титула императрицы. В мае следующего года в Успенском соборе Москвы состоялась пышная церемония коронации, на которой присутствовали двор, сенаторы, генералитет, президенты коллегий и иностранные министры.

Пять месяцев спустя над коронованной головой императрицы нависла смертельная угроза — царю стало известно, что Екатерина нарушила супружескую верность. Ее фаворит Виллим Монс поплатился жизнью, а между супругами происходили бурные сцены объяснений. Состояние разъяренного царя со слов фрейлины описал современник: «Он имел вид такой ужасный, такой угрожающий, такой вне себя, что все, увидев его, были охвачены страхом. Он был бледен как смерть. Блуждающие глаза его сверкали. Его лицо и все тело, казалось, было в конвульсиях. Он раз двадцать вынул и спрятал свой охотничий нож, который носил обычно у пояса... Эта немая сцена длилась около получаса, и все это время он лишь тяжело дышал, стучал ногами и кулаками, бросал на пол свою шляпу и все, что попадалось под руку. Наконец, уходя, он хлопнул дверью с такой силой, что разбил ее»¹.

Разлад в семье, сильно драматизированный автором приведенного текста, видимо, удержал царя от намерения оформить завещанием передачу трона неверной супруге. Вельможам, в ожидании близкой смерти царя собравшимся во дворце в ночь на 28 января, надлежало сделать выбор.

Соратников Петра нельзя представлять безликой толпой единомышленников, лишенных индивидуальности. Если мы присмотримся к ним, то обнаружим в каждом из них своеобразие характера, различную меру талантливости и соперничества в близости к трону. Петр умел подавлять несогласия и вспышки противоборства среди людей своего окружения. Но как только его не стало, четче, чем прежде, обозначились две группировки в правящем классе. Одну из них представляла старая знать во главе с Долгорукими и Голицыными, ущемленная Петром и терпеливо ожидавшая своего часа. В другую входили, по терминологии того времени, беспородные люди, обязанные в своём возвышении талантам и служебному рвению. Распри и неприязненные отношения между «выскачками» были временно забыты. Всех их объединяла

опасность быть поверженными вступлением на престол сына погибшего царевича Алексея.

События развивались стремительно, и в ходе борьбы за власть обнаружилась чисто меншиковская манера действовать напористо и решительно. В то время как Долгорукие и Голицыны робко, в маниловском стиле рассуждали, что недурно бы вручить престол Петру II, а Екатерину и ее дочерей заключить в монастырь, раздалась барабанная дробь выстроившихся на площади гвардейских полков. Одним из них командовал Меншиков, другим — генерал Бутурлин.

— Кто осмелился привести их сюда без моего ведома, разве я не фельдмаршал? — спросил президент Военной коллегии князь Репнин.

— Я велел придти им сюда по воле императрицы, которой всякий подданный должен повиноваться, не исключая и тебя, — отрезал Репнину Бутурлин ^{1а}.

Кто-то из сенаторов предложил было открыть окно, чтобы спросить у толпы людей, собравшихся у дворца, кого они желают видеть преемником, но Меншиков пресек эту затею.

— На дворе не лето, — сказал он хладнокровно. Весомость своим словам он придал приглашением в покои вооруженных офицеров ².

Споры, кто займет престол, не успев разгореться, тут же погасли. На стороне людей, поддерживавших Екатерину, была сила, и противники должны были ей подчиниться. Так гвардейские полки открыли новую страницу своей истории, превратившись в главное орудие дворцовых переворотов. Началась и новая страница в жизни Меншикова.

После возведения на престол Екатерины, когда опасность миновала, несогласия в стане ее сторонников разгорелись с новой силой, причем главным источником их был Меншиков, своим честолюбием и высокомерием восстановивший против себя вельмож, действовавших только что с ним заодно. Он на них кричал и говорил грубости.

31 марта 1725 г. в Петропавловском соборе разразился публичный скандал. Туда на всеобщую зашел генерал-прокурор Сената Ягужинский. Подогретый винными парами, он, обращаясь к гробу с телом Петра, сказал: «Мог бы я пожаловаться, да не услышит, что сегодня Меншиков показал мне обиду, хотел мне сказать арест и снять шпагу, чего я над собою отроду никогда не видал». Генерал-прокурора Сената ждали крупные неприятности и понадобились большие усилия, чтобы уговорить светлейшего довольствоваться извинениями обидчика ³.

Французский посол Кампредон, достаточно осведомленный о борьбе за власть в придворных кругах, доносил о разговоре Апраксина с Екатериной, состоявшемся вскоре после смерти Петра. Апраксин, некогда слышавший приятелем Меншикова, теперь просил Екатерину умерить заносчивость и надменность светлейшего и заставить его «держаться, согласно своему долгу, в границах равенства с прочими сенаторами, а не выделяться, как он это делает».

Императрица ответила: «Прост же ты, если думаешь, будто я позволю Меншикову пользоваться хоть единой капелькой моей власти».

За точность передачи слов Екатерины мы не ручаемся. Можно лишь усомниться в твердости намерения императрицы не поступиться «ни единой капелькой» своей власти. Меншиков далеко не всегда спрашивал ее позволения, действуя ее именем. От наблюдательного Кампредона не ускользнул рост влияния Меншикова. Он писал, что Екатерина питает к Меншикову «самое глубокое чувство доверия», отмечал, что «милости к Меншикову все увеличиваются»⁴.

Но эти «милости» превращали светлейшего в некоронованного правителя страны, «полудержавного властелина», по выражению Пушкина.

Как же распорядился князь своим влиянием в те два года, когда он вознесся на вершину земной власти? Два года — слишком малый срок, чтобы могли раскрыться дарования Меншикова как государственного деятеля. Одно можно сказать с уверенностью — ни Екатерина, ни ее окружение во главе с Меншиковым не помышляли о попятном движении и возвращении допетровских порядков. Правительство продолжало дело, начатое Петром, правда, без прежнего блеска, настойчивости, энергии и масштабности. Сохранили свое значение изданные при Петре указы и регламенты, утверждавшие господствующее положение дворянства: указ о единонаследии, Генеральный регламент, Табель о рангах, указы о поощрении развития торговли и промышленности. Сохранились и коллегиальная система управления, новшества в быту, продолжались заботы о сохранении боеспособной армии и флота, о распространении просвещения, была открыта Академия наук, устав которой утвердил еще Петр.

Отмечая преемственность во внутренней политике, все же следует остановиться на двух новшествах, которые если и не вызвали крутой ломки преобразований первой четверти XVIII в., то вносили в них более или менее существенные коррективы, Инициатором обеих перемен был светлейший,

Одно из них было вызвано тяжелым положением трудового населения, на плечи которого обрушились бремя продолжительной войны и неурожаи, трижды подряд поражавшие значительные территории.

Осенью 1726 г. Меншиков вместе с Макаровым, Волковым и Остерманом изложил мнение о положении в стране. Это был своего рода программный документ, он намечал пути облегчения страданий населения. Однако авторы записки видели причину бедствий не в усилении эксплуатации крестьян помещиками и государством, а в увеличении числа чиновников, заполнивших центральные и местные учреждения, «из которых иные не пастырями, но волками, в стадо ворвавшись, почитаться могут».

По мнению Меншикова, не размер подати, а средства ее взыскания обременяли народ. Это представление прочно укрепилось в голове князя еще шесть лет назад, когда правительство Петра I обсуждало сумму подати, а сам Меншиков, находясь в пути на Украину, «у обывателей, у дворян, у помещиков и крестьян своих и у прочих спрашивал, по сколько з двора сходит денежных поборов». Результаты поверхностного изучения вопроса из окна роскошной кареты позволили князю рекомендовать царю установить подать в 80 коп. с мужской души, которую, как он полагал, крестьяне «бес тягости и заплатят»⁵. На поверку оказалось, что и установленная 70-копеечная подать была крайне обременительной и истощала ресурсы крестьянского хозяйства. Князь же оставался верен убеждению, что достаточно уменьшить число подьячих и рассыльщиков всякого рода, налетавших, подобно саранче, на деревни, ликвидировать в уездах полковые двory, взимавшие подушную подать, и разместить солдат в казармах городов, как среди поселян наступит благоденствие.

Рост недоимок и бегство крестьян тревожили не только Меншикова. 4 ноября 1726 г. в Верховном тайном совете состоялся обмен мнениями, «каковым бы образом учинить поселянам в сборе подушных денег облехчение».

Меншиков, как и прочие члены Верховного тайного совета, разумеется, выступал не радетеlem крестьянских интересов. Он руководствовался совсем иными соображениями: «О крестьянах надо иметь попечение потому, что солдат с крестьянином связан, как душа с телом, и когда крестьянина не будет, тогда не будет и солдата». Аналогичная мысль была сформулирована и в журнале Верховного тайного совета 4 ноября: дело «до того дойдет, что взять будет не с чего» — часть налогоплательщиков разбежится, а для оставшихся на

месте уплата подати будет «великим отягощением». Кое-кто из членов Верховного тайного совета выступал с предложением уменьшить размер подати от 12 до 20 коп. с мужской души. Рекомендации членов Верховного тайного совета, как и авторов записки, касались упрощения системы сбора налогов, уменьшения числа чиновников в учреждениях, создания специальной комиссии для изучения нужд купечества⁶.

Мысль о необходимости удешевить содержание административного аппарата Меншиков высказал еще в апреле. Тогда он предложил отказаться от выплаты жалованья мелким чиновникам Юстиц-коллегии, Вотчинной коллегии и провинциальных учреждений. Крапивное семя должно было довольствоваться «акциденциями» — так деликатно называлась мзда, даваемая чиновнику всяким, кто пожелал воспользоваться его услугами⁷.

Некоторое время спустя приступили к претворению этой программы в жизнь: была создана комиссия о коммерции, упразднена Мануфактур-коллегия, купцам разрешалось вести торговлю через Архангельск, сокращены штаты местных учреждений. Эти паллиативные меры дали ничтожную экономию расходов на содержание административного аппарата и не могли существенно изменить положение крестьян и горожан — подушную подать, т. е. самую обременительную повинность трудового населения, взыскивали с прежней свирепостью. Предложение о ее сокращении не встретило поддержки у большинства членов Верховного тайного совета, и прежде всего у Меншикова.

Не помогла и внедренная система акциденций. Помимо сокращения административных расходов, с ее введением, как рассуждал князь, «дела могут справнее и бес продолжения решиться, понеже всякой за акциденцию будет неленостно трудиться». На деле эффект экономии был невелик. Зато узаконенные взятки развивали волокиту, во много крат усилили произвол мелкой канцелярской сошки, пышно расцвело вымогательство. Канцелярист устремлял хищный взор на руку посетителя, в которой тот вместе с челобитной держал акциденцию. Размер поощрения был прямо пропорционален энергии, затрачиваемой канцеляристом при разбирательстве дела. Как показала практика последующих лет, перевод чиновников с казенного жалованья на содержание челобитчиков увеличил поток неразобранных дел. Жалобщики состязались в определении размера взятки, и порою не хватало жизни одного поколения, чтобы довести какое-либо пустячное дело до благополучного конца.

Зато Верховный тайный совет, созданный согласно учредительному указу «как для внешних, так и для внутренних государственных важных дел», изменил иерархию высших учреждений в государстве⁸.

Парадокс его возникновения состоял в том, что здесь воедино сливались противоречивые чаяния лиц, причастных к его созданию. Меншиков в организации Верховного тайного совета видел средство умаления роли Сената. Его волновала не столько судьба Сената, низведение его до роли Высокого вместо Правительствующего, сколько стремление избавиться от контроля Ягужинского. Эта вражда имела давнюю историю. Датский посол Юст Юль еще в 1710 г. записал в своем дневнике: «Милость к нему (Ягужинскому.— *Н. П.*) царя так велика, что сам князь Меншиков от души ненавидит его за это; но положение Ягужинского в смысле милости к нему царя уже настолько утвердилось, что, по-видимому, со временем последнему быть может удастся лишить Меншикова царской любви и милости, тем более, что у князя и без того немало врагов»⁹.

В проицательности датскому послу не откажешь. Действительно, положение Ягужинского в последующие годы упрочивалось, в то время как у Меншикова оно не раз колебалось. Светлейший даже заискивал перед Ягужинским. Поздравляя его с наступившим 1718 годом, Меншиков сетовал на то, что тот оставлял его без «любительских писаний». Но более всего князя удручало, что Ягужинский «отсюды (т. е. из Петербурга.— *Н. П.*), не простясь с нами, отъехать изволили, о чем я паче чаяния сомневаюсь, что не произнесены ль какие плевелы». Светлейший заклинал не верить им «и содержать мя в своей неотменной любви»¹⁰.

Стремление добиться расположения Ягужинского еще более усилилось после того, как тот стал генерал-прокурором. Не было случая, чтобы князь оказывал кому-либо внимание, требовавшее от него даже ничтожных материальных затрат. Исключение составлял Ягужинский. 8 июня 1722 г. светлейший писал в Москву из Клина сестре супруги Варваре Михайловне: «При сем посылаем к вам присланных из Питербурха новых фруктов апельсинов, которые извольте кушать во здравие и из оных извольте послать десять или побольше к господину генералу-прокурору Ягужинскому»¹¹. Съеденные апельсины не помешали Ягужинскому не раз резко выступить против князя. Теперь появилась возможность свалить Ягужинского, а вместе с ним и умалить значение Сената, подчинив его Верховному тайному совету.

Организация нового учреждения соответствовала также интересам Толстого, Апраксина, Головкина и других вельмож. В нем они видели средство обуздания своеволия Меншикова, ибо предполагалось, что Верховный тайный совет будет заседать под председательством императрицы, а его члены будут наделены равными правами. Каждый из них соглашался признать Меншикова равным, но все они противились его превосходству.

Склонность к созданию такого Совета проявляла и Екатерина, рассчитывавшая руководствоваться советами не одного Данилыча, а целого учреждения. Это давало ей возможность упрочить свое положение, внести успокоение в ряды родовитой и неродовитой знати, роптавшей против роста влияния князя.

Из создания Верховного тайного совета наибольшие выгоды извлек Меншиков. Надежды на то, что императрица будет участвовать в работе учреждения, председательствуя дважды в неделю на его заседаниях, не оправдались — такое ей оказалось не под силу и потому, что она не обнаружила ни желаний, ни склонности к государственным делам, и потому, что частые недомогания приковывали ее к постели. Меншиков быстро подмял членов Верховного тайного совета — Апраксина, Головкина, Голицына и Остермана. Сначала он добился права непосредственного доклада императрице по делам Военной коллегии, президентом которой он стал сразу же после смерти Петра, а затем и по остальным вопросам.

В дни работы Верховного тайного совета Меншиков, как правило, навещал Екатерину дважды: в первый раз — перед началом заседаний, он, видимо, «согласовывал» предстоявшие решения; во второй визит — после окончания заседания, он докладывал о принятых постановлениях.

Не подлежит сомнению, что Екатерина, фактически изолированная Меншиковым от общения с верховниками, смотрела на мир глазами светлейшего. Отчасти это ее устраивало, ибо освобождало от необходимости вникать в утомлявшие ее дела. Но, с другой стороны, положение полудержавного властелина, в котором оказался князь, значительно расширяло поле его деятельности.

Достаточно взглянуть на перечень лиц, толпившихся в приемной дворца Меншикова, чтобы убедиться в том, что состав визитеров стал более пестрым. В 1719 г. выхода светлейшего ожидали преимущественно люди в военных мундирах: петербургский генерал-полицеймейстер Девиер, комен-

дант города Скорняков-Писарев, советники и ассессоры Военной коллегии. Теперь в приемной Меншикова генеральские мундиры перемежались со штатскими. Среди последних встречаем президентов и вице-президентов коллегий, сенаторов, прокуроров, иностранных послов, губернаторов. Все они о чем-то докладывали и ждали распоряжений. Надобно было вникать в дела, простиравшиеся далеко за пределы военного ведомства. Но сил у князя поубавилось. В этом нас убеждают «Повседневные записки». Меншиков стал отпрапляться ко сну на час раньше, а вставать на час позже. Тогда он днем не отдыхал, теперь он почти ежедневно два-три часа «изволил почивать». Вполне возможно, что, укладываясь в постель в дневные часы, Меншиков выполнял рекомендацию упоминавшегося выше консилиума врачей. В их заключении было сказано: «Сон, которой наилучше силы возвращает и человека увеселит, да изволит его светлость употреблять побольше прежних времен»¹².

За обеденный стол он теперь тоже садился реже, иногда отказывался от ужина. «Повседневные записки» за 1726 г. отметили еще одно новшество: иногда за столом сидела вся семья.

Мы не знаем меню князя, но врачи рекомендовали ему воздерживаться от употребления «очень соленых, пряных и всяких горьких еств, мяс копченых и соленых потрав», а также водки. Виноградное вино разрешалось пить по одной-две рюмки. В рекомендательном рационе Меншикова значились исключительно диетические блюда: ячневая, овсяная, рисовая, пшенная и гречневая каши без молока и с молоком, телятина и бульон из нее, мясные кисели и вареные овощи¹³.

Иногда здоровье вынуждало Меншикова прерывать начатый рабочий день. 24 октября он встал, как обычно, в седьмом часу, вышел в «передспальню», но почувствовал себя плохо и возвратился отлеживаться и вновь вышел два часа спустя. Подобный случай повторился и 12 ноября с тем лишь различием, что в это утро понадобилось медицинское вмешательство — ему «пущали кровь». Никогда раньше Меншиков ни минуты не находился в одиночестве. Теперь шумная толпа его утомляла, и он искал уединения.

Продолжительных и жестоких недомоганий, подобных тому, которое ему довелось перенести в 1719 г., у Меншикова не было, но он по крайней мере дважды чувствовал себя нездоровым, по неделе-две не выезжал из дома и коротал время за шахматами и картами. Показателем самочувст-

вия Меншикова является периодичность посещения им мыльни.

Среди современников князь слыл едва ли не самым опрятным человеком. Тем не менее даже он мылся, как правило, раз в месяц. В течение 1726 г. он был в мыльне 26 раз. Почти половина посещений падает на апрель и октябрь — месяцы, когда он болел. Мыльной в данном случае Меншиков пользовался не столько в гигиенических, сколько в лечебных целях — парился он по два-три часа. Надо полагать, с этой же целью ему была приготовлена мыльня 14 и 17 мая, а также 4 и 7 июня.

Сведениями, сколь целебна была мыльня для Меншикова, мы не располагаем. Документально подтверждается лишь одно — интенсивность его рабочего дня по сравнению с 1719 г. значительно уменьшилась не только за счет сна, но и за счет времени, уходившего на игру в шахматы и карты. Шахматы стали страстью светлейшего. В дни недомогания он многие часы проводил за шахматным столиком. Но и в обычные дни князя можно было довольно часто наблюдать за игрой и после обеденного сна и даже в утренние часы.

Годы, несомненно, брали свое. Но объяснить снижение активности только упадком сил и неизлечимой болезнью вряд ли возможно. Дело в том, что изменился характер и ритм жизни при дворе. Раньше импульсы исходили от Петра, и Меншиков был лишь исполнителем его воли, правда, инициативным, но все же только исполнителем. Екатерина таких импульсов была лишена.

Отдав должное памяти супруга соблюдением траура в течение года, она будто бы спешила наверстать упущенное: балы и маскарады чередовались с празднествами по случаю выдачи наград, смотра гвардейских полков. Продолжая традиции, императрица совершала частые прогулки по Неве, сопровождавшиеся пушечной пальбой, присутствовала на спуске галер. Развлечения продолжались до глубокой ночи. 1 мая на Екатерину был возложен польский орден Белого орла. Празднества закончились в 7 час. утра следующего дня. 7 мая двор «веселился» до 3 час. ночи. Публичные развлечения дополнялись камерными, происходившими ежедневно во дворце, в кругу гофдам, камергеров, гофмейстеров и прочих придворных. Ночь и день в укладе ее жизни поменялись местами. Получить аудиенцию у императрицы стало делом трудным даже для светлейшего.

Не раз бывало, что Меншиков приезжал во дворец в 11 час. дня, но Екатерина «изволила почивать», Князь коротал вре-

мя в дежурной для генерал-адъютантов, подвернется партнер — он сыграет в шахматы, навестит Елизавету Петровну, зайдет в Дворцовую канцелярию, но, так и не дождавшись, отправляется домой, либо все-таки встречался с императрицей часа через два-три. 28 сентября он прибыл во дворец сразу же после заседания Верховного тайного совета. Хотя наступил двенадцатый час, но Меншиков попал на прием только в третьем — императрица изволила «опочивать». Вряд ли ей нездоровилось, ибо накануне, 26 сентября, она «веселилась» во дворце князя до 3 час. ночи.

Располагал ли Меншиков еще какими-либо планами социальных и административных преобразований?

Дать утвердительный ответ на поставленный вопрос уполномочивает нас конец одной фразы из проекта духовной Петру II: «Ваше императорское величество сами изволите видеть, что восприяли вы сию машину недостроенную, которая к совершенству своему многова прилежания и неусыпных трудов требует»¹⁴. Следовательно, источник свидетельствует, правда косвенно, о намерении Меншикова что-то устраивать и перестраивать в государственном механизме, однако что и как — мы не знаем.

Практически теперь уже ничто не ограничивало ни честолюбивых замыслов полудержавного властелина, ни его жажды к стяжанию. Еще до образования Верховного тайного совета он исхлопотал себе пожалование города Батурина, которого он тщетно домогался у Петра в предшествующие годы. Добился он и указа, прекращавшего расследование его злоупотреблений, совершенных до 1721 г. Все начеты и долги, числившиеся на нем, были закрыты. Претендовал он и на получение чина генералиссимуса, но преждевременная смерть Екатерины воспрепятствовала осуществлению домогательства. У Меншикова возникли еще две честолюбивые мечты: одну из них, поскромнее, он попытался осуществить летом 1726 г. за пределами России. Меншиков отбыл из Петербурга 23 июня. Накануне отъезда, 22 июня, он проявил небывалую активность: совещался с Остерманом, затем присутствовал в Верховном тайном совете, а остальное время до 11 час. ночи находился в обществе Екатерины¹⁵.

Какие неотложные дела звали Меншикова в Курляндию? В последние годы он стал домоседом и если выезжал из столицы, то не далее загородной своей или царской резиденции. Теперь ему предстояла дальняя дорога. Чтобы понять мотивы, побудившие князя отправиться в Ригу и Митаву, надобно напомнить о событиях, предшествовавших этой поездке.

Петр, как известно, положил начало заключению брачных союзов по политическим соображениям, используя в качестве невест своих племянниц. Одну из них, Анну Иоанновну, он выдал замуж за герцога Курляндского. Это герцогство возникло в XVI в. на развалинах Ливонского ордена. Оно находилось под верховным покровительством Польши. По условиям договора 1561 г. герцогу предоставлялось право чеканить монеты, содержать войско, вступать в дипломатические переговоры. Единственное ограничение суверенитета состояло в лишении герцога права объявлять войну без ведома польского короля.

В 1698 г. умер герцог Фридрих Казимир, оставив наследником шестилетнего сына Фридриха-Вильгельма. Его опекуном был назначен дядя — Фердинанд. В ноябре 1710 г. в Петербурге отпраздновали пышную свадьбу девятнадцатилетнего Фридриха-Вильгельма и Анны Иоанновны. Гвоздем праздника, устроенного во дворце Меншикова, были свезенные со всей страны карлы и карлицы, для которых смастерили специальную мебель и посуду. Из двух разрезанных пирогов вылезли модно одетые карлицы, обратившиеся к новобрачным со словами приветствия. Затем, по свидетельству очевидца, «заиграли менует, и карлицы весьма изящно протанцевали этот танец на столе перед новобрачными. Каждая из них была ростом в локоть»¹⁶.

Два месяца брачной жизни сменили многие годы вдовьей жизни — в начале 1711 г. во время переезда супружеской четы из Петербурга в Курляндию Фридрих-Вильгельм заболел оспой и умер. Вдова тем не менее отправилась в Митаву, где в скуке коротала дни среди чуждого ей курляндского дворянства — потомков немецких рыцарей. Администратором вновь объявил себя Фердинанд. Пятнадцать лет Анна терпеливо и покорно провела в замке в окружении скромного штата, постоянно испытывая материальную зависимость от русского двора. Редкое ее письмо к Екатерине не содержало жалоб на отсутствие средств для поддержания престижа. Она, оказывается, не имела даже «нарочитово» платья, так что ей было неловко появляться в обществе местных дам, богаче одетых и щеголявших отнюдь «не убогими» драгоценностями.

В 1726 г. в унылой судьбе герцогини мелькнул просвет — появилась возможность выйти замуж. В роли жениха подвизался граф Мориц Саксонский, побочный сын Августа II, красавец, слышавший повесой и дамским угодником. Вволю натешившись громкими амурными похождениями и игрой в войну, — к своим 33 годам этот скиталец успел обнажить шпагу

против французов, турок и шведов — граф Мориц наконец решил обрести пристанище. Для полного счастья ему недоставало самой малости — богатой невесты. Выбор пал на Анну Иоанновну, вместе с которой он в качестве приданого намеревался получить и герцогство Курляндское. Но на пути осуществления личного благополучия вдовы вновь встали политические соображения. Дело в том, что в Курляндии ждали близкой кончины престарелого и бездетного администратора Фердинанда, и дворяне при тайном содействии Августа II избрали герцогом Морица Саксонского. Следующий шаг — женитьба на Анне Иоанновне. Но этот план встретил противодействие с нескольких сторон.

Август II, как известно, выступал в двух ипостасях — саксонского курфюрста и польского короля. В качестве саксонского курфюрста он хотел иметь «своего человека» в Курляндии. Однако это намерение противоречило интересам Польши, где не скрывали желания ликвидировать после смерти Фердинанда Курляндское герцогство и присоединить его к Речи Посполитой. Усиление саксонского курфюрста не устраивало и Россию¹⁷.

В этой ситуации светлейший вспомнил, что он еще в 1711 г. домогался курляндского престола и даже предлагал польскому королю куш в 200 тыс. руб., если тот поможет занять его. Теперь, считал он, наступил благоприятный час, чтобы к своему титулу прибавить еще два слова: «герцог Курляндский».

Накануне отъезда из Петербурга Меншиков получил письмо от Анны Иоанновны. Герцогиня не решалась выходить замуж за графа Морица без санкции русского двора и просила у светлейшего ходатайства перед императрицей: «Прилежно вашу светлость прошу в том моем деле по древней вашей ко мне склонности у ее императорского величества предстательствовать и то мое полезное дело совершить». Свое отношение к жениху она недвусмысленно выразила так: «И оной принц мне не противен»¹⁸.

Меншиков отправился в Курляндию не для того, чтобы «полезное дело совершить» в интересах Анны Иоанновны, а, напротив, действовать наперекор этим интересам. Официальная цель его поездки — инспектирование войск, расположенных в прибалтийских крепостях. В протоколе Верховного тайного совета на этот счет было написано так: ехать Меншикову «под образом, будто ради осмотру полков во осторожность от аглинской и датской эскадр, обретающихся в Балтийском море». Подлинная цель — ради «отвращения» избра-

ния неугодных России кандидатов в герцоги курляндские, и прежде всего Морица Саксонского¹⁹.

27 июня князь прибыл в Ригу, а ранним утром следующего дня туда же приехала Анна Иоанновна и сразу же пригласила Меншикова на беседу. О содержании разговора мы узнали из двух писем, отправленных в один день — 29 июня. В письме к супруге Дарье Михайловне Меншиков нисколько не сомневался в безоговорочной поддержке его затеи Анной Иоанновной: «Окая, кажется, с великою охотою паче всех желает, чтоб в Курляндии князем быть мне и обещала на то всех курляндских управителей и депутатов склонить»²⁰. Другое письмо, адресованное императрице, приоткрывает завесу на то, какими способами князь стимулировал «великую охоту» Анны Иоанновны и как она отказалась от льстившей ей возможности стать супругой красавца.

Свидание началось с делового разговора. Герцогиня пыталась убедить князя, что ей опостылела вдовья жизнь, что еще Петр I имел намерение устроить ее судьбу, «но не допустил того некоторой случай», что представившейся возможности выйти замуж нельзя упустить. Меншиков парировал эти доводы заявлением, что императрица не согласится на брак по причине «вредительства интересов российских». К тому же граф Мориц — дитя любви, и герцогине «в супружество с ним вступать неприлично, понеже оной рожден от метресы». В резерве светлейшего находился еще один аргумент, который он выложил последним: если герцогом будет избран он, Меншиков, то он гарантирует сохранение прав Анны Иоанновны на ее курляндские владения; «ежели же другой кто избран будет, то она не может знать, ласково ль с ней поступать будет, и дабы не лишил ее вдовствующего пропитания».

В донесении императрице князь писал, что он разговаривал с герцогиней «со учтивостью». Вряд ли светлейший вел беседу в светском ключе. В устах Меншикова, начисто лишённого дипломатического такта, изложенные им условия звучали ультиматумом. Все его поведение в Курляндии не оставляет сомнений в том, что главным аргументом, на действительность которого он рассчитывал, была сила. Нажиму князя вдова могла противопоставить только слезы. Ей ничего не оставалось, как принять условия и даже пообещать свою помощь в их претворении.

Меншиков мысленно уже примерял курляндскую корону, но поздно ночью из Митава в Ригу прибыли князь Василий Лукич Долгорукий и Петр Михайлович Бестужев с неприят-

ной новостью: члены курляндского ландтага отклонили кандидатуру Меншикова «для веры», т. е. из-за принадлежности его к иному вероисповеданию, а принца голштинского, второго кандидата, устраивавшего петербургский двор, — «что еще молод». Этому претенденту было 13 лет. «Курлянички» заявили, что выборы уже проведены, и их вполне устраивает единогласно избранный Мориц Саксонский. Не подействовала и угроза Долгорукого, заявившего, что если курляндцы не отменят своего избрания, «то с ними другим образом поступлено будет»²¹.

Светлейший счел, что теперь ему ни к чему скрывать подлинные цели своего приезда в Ригу. Он решил действовать напрямик и 29 июня отправился туда, где лежала корона, — в Митаву. Здесь он пробыл четыре дня, несколько раз встречался с Анной Иоанновной и дважды, 30 июня и 1 июля, со своим соперником Морицем Саксонским. Князь Василий Лукич, энергично поддерживавший притязания Меншикова, общался с представителями ландтага и настойчиво предлагал им собрать депутатов на новое заседание, чтобы отменить прежнее решение. Оберраты потребовали на созыв ландтага месяц, но князь полагал, что столь продолжительный срок затребован ими «для провозждения времени», и отпустил им 10 дней. Оберраты проявили внешнюю покорность, чем рассеяли сомнения князя.

Казалось, что успех сопутствовал Меншикову и в переговорах с графом Морицем. Во время одного из свиданий он заявил своему собеседнику, чтобы тот убирался из Курляндии, ибо императрица «его избрания не допустит».

«Никогда не думал, чтобы мое избрание было противно ее величеству», — возразил Мориц. Более того, он просил Меншикова «предстательствовать» перед императрицей, чтобы та не препятствовала его утверждению в Курляндии. Князь ответил: «Я о вас иметь старание готов, но заподлинно известно, что императрица от своего намерения не отрешится».

На этом игра в дипломатию закончилась, и начался деловой разговор, более напомилавший коммерческую сделку. Меншикову Мориц обещал «знатную сумму» отступного. Князь ответил готовностью уплатить такую же сумму Морицу, если тот будет ему помогать в избрании. Мориц упорствовал, но все же уступил, заявив, «что тою суммою будет доволен». На том и разошлись. Граф обязался покинуть Курляндию, привлечь на сторону Меншикова местных дворян и обеспечить поддержку Августа II.

Все устроилось лучшим образом: осталось ждать съезда депутатов ландтага, которые оформили бы избрание светлейшего. По его расчетам на это требовались недели две, которые он решил провести в Риге. Но надежды вновь рухнули.

Оберраты проявляли покорность до тех пор, пока в Митаве находился Меншиков, угрожавший им вводом в Курляндию 20-тысячного войска. Стоило князю покинуть Митаву, как оберраты отказались созывать ландтаг.

Ярости Меншикова, когда ему сообщили о коварстве ландратов, не было границ. Будь его воля, он в отместку за обман смирил бы их строптивость войсками, но без санкции Петербурга он это сделать не рискнул. В столицу было отправлено несколько курьеров с настойчивой просьбой разрешить ему «звести в Курляндию полков три или четыре». «Буде же обходитца с ними ласково, то не надеюсь от того их замышленного дела отвратить» — так заканчивал Меншиков одно из своих донесений²².

В Верховном тайном совете, заседавшем в присутствии императрицы, рассудили, что вооруженное вмешательство в курляндские дела чревато вступлением России в военный конфликт с Польшей, что не входило в намерения правительства. Меншикову было предложено возвратиться в Петербург.

В личном плане вояж светлейшего никому из непосредственных участников курляндской эпопеи не принес желаемых результатов: князь не стал курляндским герцогом; Мориз Саксонский тоже оказался без Курляндии и без «знатной суммы», обещанной Меншиковым; Анна Иоанновна не обрела супруга. И все же главная цель поездки была достигнута: нежелательный для России кандидат не утвердился герцогом. Полезным, видимо, было и инспектирование Меншиковым прибрежных крепостей. Правда, для осмотра укреплений в Риге, Динаменте и Пернове не требовалось 26 дней, в общей сложности потраченных Меншиковым на поездку в Прибалтику. В Риге он отдал последний долг боевому генералу Северной войны, губернатору Аниките Ивановичу Репнину. В день приезда туда, 27 июня, он навестил смертельно больного Репнина. Как доносил Меншиков Екатерине, больной «хотя и в памяти, однакож, чтоб был жив надежды нет, понеже со дней дватцать как не едал и докторы о пользовании его отчаялись». 10 июля светлейший участвовал в церемонии похорон.

В столицу Меншиков возвратился в шестом часу вечера 21 июля. Любопытная деталь: не заезжая домой, он отправился во дворец к императрице, где провел четыре часа. Быть

может, надобность в столь поспешном свидании была вызвана крайней необходимостью. Дело в том, что в иностранной литературе распространена версия, не подтверждаемая, впрочем, ни одним из известных нам источников русского происхождения, что бесцеремонное поведение князя в Курляндии вызвало жалобу Анны Иоанновны, прибывшей специально в Петербург, и что Меншикову грозила опала. Если даже такая угроза и существовала, то светлейший быстро ее устранил.

В честолюбивых планах Александра Даниловича неудачная попытка овладеть курляндской короной являлась всего лишь досадным эпизодом, впрочем не оставившим большой горечи, ибо он вынашивал другую, более важную мечту, осуществление которой способно было перекрыть все неудачи на его жизненном пути, вместе взятые. Претворяя ее, он действовал предусмотрительно, и казалось, что на этот раз никакая случайность не могла помешать ему.

Мы видели, что Меншиков после смерти Петра I был самым решительным противником воцарения Петра II. Тогда он имел множество сторонников из числа вельмож, выдвинувшихся в годы преобразований. Понадобилось лишь два года, чтобы перед глазами изумленных единомышленников Меншиков коренным образом изменил отношение к кандидатуре Петра II. Из лагеря противников он переметнулся в стан самых горячих сторонников передачи трона двенадцатилетнему юнцу. Причина тому — намерение женить Петра на своей старшей дочери Марии. Желание породниться с царствующей династией Меншиков вынашивал еще в те годы, когда он не был светлейшим. Он как-то заметил, что Петр I обратил внимание на сестру Анну Даниловну. Возникла надежда выдать сестру за царя, и Меншиков принимает срочные меры для повышения ее образовательного уровня. «Для бога, Дарья Михайловна, — писал он будущей супруге, — понуждай сестру, чтобы она училась русскому и немецкому ученью, чтоб даром время не проходило»²³.

Увлечение Петра было мимолетным, туманные планы рухнули, и Анне Даниловне пришлось довольствоваться положением супруги царского денщика Девиера. Теперь у светлейшего возник еще один шанс достичь желаемого, и он не упустил случая им воспользоваться.

А как же быть с помолвкой Марии с сыном польского графа Сапеги? Она состоялась еще 13 марта 1726 г. в пышно убранном дворце Меншикова под гром артиллерийских залпов и звуки оркестра в присутствии всей столичной знати,

Исполнился год со времени погребения Петра, и Екатерина, участвовавшая в обмене перстнями между будущими супругами, впервые, как сказано в «Повседневной записке», «изволила дать позволение на забаву танцами»²⁴.

Милости по отношению к Сапегам посыпались как из рога изобилия. О них, конечно же, хлопотал сам светлейший: накануне помолвки графа Сапегу-отца Екатерина неведомо за какие заслуги пожаловала чином российского генерал-фельд-маршала, а в том же марте — орденом Андрея Первозванного; будущий зять получил придворный чин камергера. Меншиков всякий раз демонстрировал дружеское расположение семье заезжего жениха. Отец и сын — желанные гости в доме князя. Меншиков тоже частенько навещал свояка.

Так продолжалось до тех пор, пока у князя окончательно не созрел план женить Петра на собственной дочери. Желание возложить корону на своих потомков было юридически закреплено завещанием Екатерины. Воля императрицы, несомненно навязанная ей светлейшим, состояла в том, чтобы ее наследником стал Петр II и чтобы он непременно женился на одной из дочерей Меншикова²⁵.

Слух о существовании завещания проник в среду сановников и вызвал вполне основательные опасения, что князь на правах тестя малолетнего императора будет распоряжаться судьбой каждого из них. Однако открыто противодействовать намерениям Меншикова никто не посмел.

— Что ж не донесите императрице? — спрашивал Девиер у генерала Бутурлина.

— Двери затворены, — отвечал тот.

— Чаю, царевна Анна Петровна плачет, — продолжал Бутурлин.

— Как ей не плакать, — согласился Девиер, — матушка родная.

Собеседники сошлись на том, что царевна походит на отца и должна стать наследницей престола после смерти матери: она и умильна, и собою приемна, и умна. Оба они были настроены против воцарения Елизаветы Петровны, младшей дочери императрицы.

— Она, — заметил Девиер, — тоже изрядная, только сердитее. Ежели б в моей воле было, я желал бы, чтоб царевну Анну Петровну государыня изволила сделать наследницею.

Бутурлин согласился.

— То бы не худо было, и я бы желал.

Во время другой встречи Бутурлин продолжил начатый разговор.

— Светлейший князь усилится. Однакож хотя па то и будет воля, пусть он не думает, что Голицын, Куракин и другие ему друзья и дадут над собою властвовать. Нет! Они скажут ему: полно де, милейший, ты и так над нами властвовал. Поди прочь!

Бутурлин высказал и личную обиду на светлейшего.

— Служу давно, явил свое усердие царю в ссоре его с сестрой Софьей Алексеевною. Но ныне Меншиков что хочет, то и делает, и меня, мужика старого, обидел: команду отдал, мимо меня, младшему и адъютанта отнял²⁶.

Взгляды Девиера и Бутурлина разделял Толстой, но с тем различием, что он предпочитал видеть на престоле младшую дочь Петра — Елизавету.

А что с Петром? Вопрос не застал Толстого врасплох: его надо отправить за границу посмотреть другие государства, как то делал покойный дед. Пока он будет за границей, Елизавета утвердится в наследстве.

Если Девиер, Бутурлин и Толстой опасались мести Петра за погибшего отца, то князя Ивана Долгорукого, Александра Нарышкина и Андрея Ушакова пугало прежде всего всеислие Меншикова. Они тоже искали способа высказать свою тревогу Екатерине.

Но Екатерина не то что не хотела, а уже не могла предпринять меры, ущемлявшие светлейшего, — она была прикована к постели и слепо выполняла его волю. Князь настолько верил в успех, что мог позволить себе не нарушать раз принятого распорядка. Во всяком случае, при чтении «Повседневных записок» невозможно накануне смерти Екатерины уловить ни накала страстей, ни проявлений напряженности. Лишь более частые, чем прежде, встречи с Остерманом предвещали наступление перемен.

У барона был верный нюх. Его он не подвел и на этот раз. Остерман правильно рассудил, что перевес сил на стороне Меншикова, и не скупился на советы, помогавшие князю добиться успеха. В течение двух недель, предшествовавших смерти Екатерины, Меншиков встречался с ним семь раз. Насколько светлейший нуждался в советах барона, можно судить хотя бы по тому, что четыре из семи свиданий состоялись не у Меншикова, а у Остермана: Меншиков снизошел до того, что сам наносил визиты.

Ведя конфиденциальные разговоры с Остерманом, Меншиков пристально следил за состоянием здоровья императрицы. Смертельно больную Екатерину он навещал по нескольку раз в день. 24 апреля 1727 г. императрице стало легче, и Мен-

шиков успел подsunуть ей указ о создании следственной комиссии над Девиером, выступавшим против матримониальных планов Меншикова. В «Повседневных записках» это драматическое для Девиера событие изложено так: во втором часу дня Меншиков отправился к Екатерине «и, немного побыв, вышед в переднюю и приказом ее императорского величества у генерала-полицеймейстера графа Девиера изволил снять кавалерию и приказал гвардии караульному капитану арестовать и потом, паки побыв у ее императорского величества с полчаса, изволил возвратиться в свои покои»²⁷.

Лефорть при описании этого события сообщает любопытную подробность: «К Девиеру, находившемуся в покоях дворца, явился караульный капитан и, объявив ему арест, потребовал от него шпагу. Девиер, показывая вид, что отдает шпагу, вынимает ее с намерением заколоть князя Меншикова, стоявшего сзади его, но удар был отведен»²⁸.

5 мая у императрицы началась агония. Во всяком случае, в этот день светлейший был срочно вызван в покои императрицы, а следующий весь день он безотлучно находился при умиравшей. В минуту, когда к ней вернулось сознание, она санкционировала наказание привлеченных к следствию. Девиер и Толстой лишались чинов и имений и подлежали ссылке, первый — в Сибирь, второй — в Соловецкий монастырь. Лишенного чинов Бутурлина сослали в дальнюю деревню. Понесли наказание и прочие участники разговоров.

Поражает легкость, а вернее легкомыслие, с которым Меншиков расстался со своими недавними союзниками.

Время с 6 мая, когда в субботний день скончалась Екатерина, по понедельник 19 июня 1727 г., когда светлейший тяжело заболел, можно назвать временем радужных надежд. Все у Меншикова получалось наилучшим образом — его планы осуществлялись с удивительной легкостью и последовательностью. Он уже видел себя правителем государства при малолетнем императоре и был уверен, что он вот-вот доберется до вершины земной славы и богатства.

В воскресенье 7 мая секретарь Верховного тайного совета в присутствии высших чинов страны огласил testament (завещание) Екатерины, объявлявший наследником трона Петра II.

По ступенькам власти Меншиков взбирался как бы играючи. Настало наконец время, когда можно было осуществить все планы. Но, удивительное дело, государственной мудрости в действиях и поступках светлейшего мы не обнаруживаем. Быть может, ум его был истощен настолько, что уже не в состоянии был охватить государственные задачи. С таким же

основанием можно предположить, что осуществление этих задач он откладывал до оформления брачных уз дочери.

Как бы там ни было, но все планы и помыслы князя сводились прежде всего к удовлетворению ненасытного честолюбия. Побуждаемый этой страстью, он радел не столько об «общем благе» — мифическом понятии, которым пестрело законодательство петровского времени, сколько о благе личном и благе своей семьи и родственников. Милости сыпались, как из рога изобилия. Он действовал так, будто все чины, звания и ордена государства были изобретены для Меншиковых. Ему мало было чина генерала-фельдмаршала, и он росчерком пера детской руки, которую бесконтрольно направлял, получил чин генералиссимуса. Пожалование это сопровождалось фарсом, сценарий которого составлялся не без участия Меншикова. Петр II зашел в покои Меншикова и, по словам советника саксонского курфюрста Лефорта, заявил: «Я уничтожил фельдмаршала!»

«Эти слова, — продолжал Лефорт, — привели всех в недоумение, но, чтобы положить конец всем сомнениям, он показал бумагу князю Меншикову, подписанную его рукой, где он назначал Меншикова своим генералиссимусом»²⁹.

В морских сражениях светлейший не участвовал, за исключением памятного захвата двух шведских кораблей еще в 1703 г. За этот подвиг и за участие в строительстве флота он имел чин вице-адмирала. На второй день после смерти Екатерины светлейший стал полным адмиралом.

Отец семейства не оставил без внимания и своих детей. Сын Александр был возведен в обер-камергеры, а некоторое время спустя, за неизвестные заслуги награжден орденом Андрея Первозванного. Он же 5 февраля 1727 г. был пожалован орденом св. Екатерины. Александр Александрович был единственным мужчиной, отмеченным в это время чисто дамским орденом³⁰. Старшая дочь Мария, невеста царя, навесила орден св. Екатерины, а грудь младшей дочери Александры стал украшать орден св. Александра. Не забытой осталась и сестра супруги — Варвара Михайловна, тоже награжденная орденом св. Александра.

Наибольшим вниманием и заботой была окружена, разумеется, невеста царя. Штат двора ее предусматривал 115 человек, а сумма на его содержание — 34 тыс. руб. в год, в том числе на стол 12 тыс. и на платье — 5 тыс. Вторая половина ассигнований предназначалась на жалованье придворным чинам — гофмейстеру, камергеру, камер-фрейлинам, штатс-фрейлинам и прочим, а также обслуживающему персоналу,

включавшему лакеев, гайдуков, пажей, певчих, поваров, конюхов, гребцов и т. д. Весь пышный штат возглавляла Варвара Михайловна Арсеньева. Теплое местечко обер-гофмейстерины, предназначавшееся для нее, должно было приносить ей 2 тыс. руб. в год³¹.

Архивные источники оставили нам следы забот светлейшего о прославлении своей фамилии. Для этого был составлен список лиц, имена которых должны быть помещены в «генеральном календаре» на 1728 год. Наряду с членами царского семейства (дочерьми Петра I и его брата Иоанна) список включал всех Меншиковых — супружескую чету и их детей: Марию, Александра и Александру³².

Самого Александра Даниловича и его деяния предполагалось увековечить в грандиозном труде о его жизни и деятельности. Уже был составлен своеобразный план будущего сочинения из 65 пунктов, для освещения которых надлежало собирать необходимый материал. Составителю этих пунктов многое было известно из биографии Меншикова, и это известное для точности надлежало подтвердить соответствующими документами. Например, автор плана был осведомлен о том, что князь имел в своем управлении Олонецкие заводы с 1704 г., но он интересовался, «есть ли на оное грамота от его величества данная его светлости, которую, ежели есть, можно вкратце внести в историю». Точно так же надо было затребовать «чертежи и описания палат, церквей, колокольной, заводов, оранжерей, мельниц в С.-Петербурхе, в Москве, в Оранибурху, от его светлости построенных». Предполагалось иметь обстоятельное описание «всем маестностям его светлости в России, в Украине, в Польше и Германии».

Несколько пунктов относилось к предку князя, причем они сформулированы в виде вопросов, относящихся отнюдь не к далекому прошлому. Составителя плана интересовало: «Родитель его светлости в котором году умре?» или: «Были ли родители его светлости во время взятия Азова и Кизикермена?»

Множество пунктов плана носили престижный характер. Текст биографии должен был в полной мере удовлетворить и княжескую спесь и честолюбие светлейшего. Отсюда огромное внимание описанию различного рода торжественных церемоний с участием князя, упоминание о наградах царя и других коронованных особ, описания встреч с ними, о переписке с королями и т. д.

Последующие события помешали полному осуществлению замысла. Продержись князь у власти год-другой, историки

располагали бы любопытным источником. Впрочем, первый вариант сочинения был готов при жизни князя, и журнал «Сын отечества» опубликовал его в первых шести номерах 1848 г. под витиеватым и громоздким названием, характерным для произведений этого жанра тех времен: «Заслуги и подвиги его высококняжеской светлости князя Александра Даниловича Меншикова с основанным на подлинных документах описанием всего достопримечательного, что по всемирнейшему повелению его императорского величества Петра Великого и всепресветлейшей императрицы Екатерины было совершено под управлением и начальством его светлости при дворе и в армии, равно как и во всем Российском государстве». Перевод с немецкого.

Из примечания редактора следует, что сочинение было завершено в 1726 г. и автором его, согласно преданию, являлся А. И. Остерман. Редактор считал это предание вероятным, «потому что сочинитель, очевидно, был посвящен в государственные тайны описываемого им времени».

Заявление редактора, как и его высокая оценка опубликованной рукописи, вызывает возражения. На сочинении лежит печать незавершенности, что, разумеется, намного снижает его ценность как источника. Заголовок предусматривал описание «заслуг и подвигов» Меншикова как при Петре, так и при Екатерине I. Однако текст обрывается на смерти Петра. Последняя фраза сочинения звучит так: «Тело императора князь приказал положить на парадный одр и распорядился приготовлениями к погребению, которое последовало 8 марта».

Другим свидетельством незавершенности сочинения следует признать отсутствие в нем упоминаний об участии Меншикова в военных операциях, описание которых способствовало бы прославлению князя: осады Нарвы в 1704 г., осады Риги в 1710 г. и др.

Законченным сочинение нельзя считать еще и потому, что большинство вопросов или пунктов, требовавших сбора дополнительных сведений, так и остались без ответов. Составитель текста, например, никак не отреагировал на вопрос: «При погребениях Лефорта, Гордона и Шеина, также и патриарха Адриана какие были знатные церемонии?» В сочинении отсутствует описание перевозки судов из Ладоги в Шлиссельбург «через земляной путь», сведения о промышленных предприятиях, принадлежавших Меншикову, о триумфальных арках и многое другое.

Нельзя разделить и восторга редактора относительно его оценок сочинения. По своему идейному содержанию оно от-

носится к числу апологетических произведений, безмерно превозносивших заслуги Меншикова. В иконописном портрете князя нет ни единой негативной черты. Даже хорошо известные современникам факты казнокрадства Меншикова под пером панегириста выглядят неподтвержденными наветами. Так, привлечение князя к ответственности за подряды через подставных лиц автор объяснял кознями Кикина, который «старался оспорить у него первое место царского любимца... Но он (Кикин.— *Н. П.*) сам вскоре попал в ту яму, которую выкопал для других». Анонимный автор умолчал о причастности к подрядным махинациям самого Меншикова и о взыскании с него крупного штрафа. Фактически умолчал он и о почепском деле. Читая нижеприведенную туманную фразу, можно лишь догадываться, что речь идет именно о нем. «Едва только окончился упомянутый процесс против царевича и его приверженцев, как сам князь Меншиков по наущению своих врагов подвергся неприятностям, которые, впрочем, преодолел, оправдавшись блестящим образом во всех доносах». Эти доносы следовали от недругов, которые, как писал аноним, «давно уже смотрели завистливыми глазами на высокое значение, преимущества, силу и богатство князя».

В сочинении встречаются и грубые ошибки. Сообщается, например, о поездке царя в мае 1699 г. в Азов для подавления вспыхнувшего там стрелецкого мятежа. Между тем, источники не регистрировали ни мятежа стрельцов, якобы вступивших в предательские связи с татарами, ни поездки в Азов Петра ради подавления восстания.

Вряд ли Остерман, если бы он был автором «Заслуг и подвигов», писал, что царь указом 17 марта 1714 г. «учредил фискалов и так называемых прибыльщиков», в то время как в действительности фискалы были введены указом 5 марта 1711 г. Не соответствует истине и утверждение, что Меншиков во главе 700 человек пленил под Переволочной 15 тыс. шведов. К таким же сомнительным можно отнести и заявления автора, что в конце октября 1714 г. царь «впал в столь опасную болезнь, что сделал духовное завещание и готовился уже к кончине»³³.

Прославляя собственную персону и заботясь о благополучии семьи, Меншиков не забывал и людей, хотя и не находившихся с ним в родственных связях, но являвшихся, как ему казалось, преданными слугами. Внешне оно так, видимо, и выглядело. Каждого благодетельствованного можно было почти ежедневно встретить в княжеском дворце. Они занимали если не ключевые, то весьма важные посты в военном,

гражданском ведомствах. Генерал-лейтенант и гвардии майор Преображенского полка Дмитриев-Мамонов был произведен в подполковники этого полка; комендант столичного города бригадир Фонмицын, навещавший княжеские хоромы столь часто, что превратился в их принадлежность, стал генерал-майором; вице-адмиралы Сиверс, Змаевич и Гордон были произведены в адмиралы.

Все эти действия были единовременными и не требовали больших усилий. Зато уйму хлопот доставляла главная цель — подвести дочь к брачному венцу. Чтобы достичь этой цели, надобно было не спускать глаз с Петра, зорко следить за его поведением, держать его при себе. Так и поступает Меншиков. С Петром он проводил многие часы: вместе с ним садился за обеденный стол, частенько навещал своих детей, чего с ним раньше не случалось. В обществе княжеских отпрысков часто находился и Петр.

После похорон Екатерины (16 мая) развлечения для императора становятся разнообразнее. Меншиков везет его то на конюшенный двор для осмотра лошадей, то на Галерный двор, где производился спуск судов, наконец, совершает развлекательные поездки по городу.

23 мая двенадцатилетний Петр прибыл к Меншикову просить руки его шестнадцатилетней дочери Марии. Накануне, 22 мая, светлейший имел беседу с церковными иерархами. Предметом разговора было обсуждение церемонии помолвки. Ее совершил в торжественной обстановке Феофан Прокопович. После молебствия в присутствии членов Верховного тайного совета, Сената и Синода, а также генералитета и иностранных послов играла музыка, били в литавры, поздравляли помолвленных и будущего тестя. Светлейший находился на полпути к тому, чтобы обуздать власть.

Как ни бдительно опекал Меншиков своего будущего зятя, все же существовали опасения, что жених мог оказаться под нежелательным влиянием. Светлейший предусмотрел и эту опасность, он принимает правильное в своих интересах решение изолировать Петра от окружающих.

На следующий же день после помолвки Меншиков вместе с семьей, невестой и женихом отправился в Петергоф. И здесь, как и в столице, он не жалел ни времени, ни сил, чтобы находиться при императоре. Светлейший не увлекался охотой, но ради большой цели можно было пойти и на маленькие жертвы — вместе с Петром он несколько раз ездил на псовую охоту.

Ничем не рисковал Меншиков и тогда, когда отправлялся в свою загородную резиденцию Ораниенбаум или в Кропштадт для осмотра работ, так как будущий зять не оставался без надзора — в его обществе находились либо невеста, либо Дарья Михайловна, либо княжеский сын.

10 июня Меншиков возвратился в столицу, а на следующий день туда прибыл и Петр. Жил он во дворце Меншикова.

До сих пор Александру Даниловичу ветер дул в спину, и он не испытывал ни малейших затруднений в осуществлении своих планов. Весть о том, что он близок к положению тестя и регента малолетнего царя, стала достоянием европейских дворов. Он уже получил поздравления от Штатов Голландии, брауншвейг-волфтенбительского князя Августа Вильгельма, австрийского канцлера Шенборна и даже от самого императора Карла VI³⁴. Но тут случилось то, чего никто не мог предусмотреть и что в конечном счете сыграло роковую роль, — светлейший занемог.

Признаки болезни князь обнаружил еще 19 июня — в этот день он принимал лекарства и ему пускали кровь. Надеялся преодолеть болезнь посещением мыльни, но она ему писколько не помогла, наоборот, ухудшила самочувствие. С 22 июня он уже не выходил из дому, хотя еще не придерживался постельного режима. Его навещали наряду с повседневными посетителями также члены Верховного тайного совета: Апраксин, Головкин, Голицын, Остерман. Он вел деловые разговоры, крепил письма. Но консилиум врачей, состоявшийся 26 июня, запретил больному заниматься делами, и число визитеров значительно поубавилось.

Состояние больного дало современникам повод ожидать близкой кончины князя. Лефорт доносил в Дрезден 15 июля: «Кроме харканья кровью, сильно ослабляющего Меншикова, с ним бывает каждодневная лихорадка, заставлявшая за него бояться. Припадки этой лихорадки были так сильны, паракризмы повторялись так часто, что она перешла в постоянную. В ночь с девятого на десятое число с ним случился такой сильный припадок, что думали о его близкой смерти»³⁵.

У самого Меншикова тоже было мало надежд на выздоровление. Чувство овладевшей им обреченности четко прослеживается в документах, составляемых обычно заблаговременно или в дни, когда смерть властно стучится в дверь.

Среди предсмертных документов — несколько обращений Меншикова к лицам, которым он вручал судьбу семьи, на благожелательность и помощь коих он рассчитывал, кого он просил «оставших после меня сирых жену мою, и детей, и дом

мой содержать в своей милостивой протекции и во всем при- зирать»³⁶. Фамилии в проектах обращений не названы, по совершенно очевидно, что если письмо адресовано «господину вице-канцлеру, тайному действительному советнику», то имеет- ся в виду Остерман, «генерал-адмирал» — не кто иной, как Апраксин, «канцлер» — это Головкин, а «сиятельный князь» — Дмитрий Голицын. Короче, письма предназначались членам Верховного тайного совета. Среди них, кажется, наибольшую надежду на заступничество внушал князь Голицын. В письме к нему есть фраза, отсутствующая в прочих текстах: «А я домашним своим приказал, чтоб во всем поступали с ведома и изволения вашего сиятельства». Обратите внимание, что среди будущих покровителей семьи значился Остерман.

Проект духовной в соответствии с указом Петра I о едино- наследии объявлял единственным наследником движимого и недвижимого имущества сына Александра, которому пору- чено было «во всю жизнь» опекать сестер. Однако до совер- шеннолетия сына содержание дома вручалось Дарье Михай- ловне и ее сестре Варваре Михайловне. Упоминание послед- ней в духовной — еще одно свидетельство громадной роли свояченицы в семье князя. Отец требовал от сына, чтобы тот «обучался с великим прилежанием вначале страху божию, потом принадлежащим наукам и всем честным поступкам»³⁷.

Из предсмертных сочинений князя наиболее интересны два варианта его обращения к царю. Это своего рода испо- ведь, в которой размышления о будущем страны и ее монар- ха сочетались с приземленными рассуждениями о будущем своей семьи.

Царь, ныне пребывающий «не в совершенных еще летех», в будущем может прославить себя подвигами, достойными памяти деда. Путь к этому лежит «как чрез учение и на- ставление, так и чрез помощь верных советников».

Меншикову было хорошо известно пристрастие молодого царя к праздности. Отсюда просьба: «Извольте как в учении, так и в забавах и в езде себя кротко и тихо содержать и сие все умеренно содержать».

Кого же прочил князь в наставники царя, без совета ко- торых он не должен что-либо предпринимать? На первое место поставлен «барон Остерман», а уже после него — безымянные «господа министры».

В последнем пункте обращения князь просил царя в па- мять о своих прежних заслугах «содержать в вашей милости оставшую по мне мою супругу». Но главная просьба касалась дочери Марии: «милостивым быть к вашей обрученной не-

весте» и «в подобное время вступить с нею в законное супружество»³⁸.

Не надо быть провидцем, чтобы угадать судьбу помолвки после смерти князя. Саксонского посла Лефорта невозможно заподозрить в провидательности, а его донесения — в глубоком содержании. Тем не менее он на основе слухов, ходивших при дворе, предрекал развитие событий: «Когда Меншиков умрет, помолвка утратит силу и дочь перестанет быть невестой»³⁹. Поведение зятя во время болезни Меншикова давало основание для подобного умозаключения.

В первые дни недомогания Петр вместе с сестрой Натальей более или менее часто навещал больного, но в дальнейшем визитов становилось все меньше и меньше. Брат и сестра посетили Меншикова 25, 27 и 29 июня. Затем наступил длительный перерыв. Очередные визиты были нанесены с периодичностью в три дня — 9, 12 и 15 июля. Характерно, что 20 июля к Меншикову пожаловала Наталья Алексеевна уже без брата. Следующая встреча императора с князем состоялась 29 июля, когда самочувствие светлейшего улучшилось настолько, что ему было разрешено выезжать из дома. Вечером этого дня он вместе с Петром участвовал в церемонии открытия моста через Неву. Они проехали по нему в карете.

В пять недель, когда Меншиков практически был лишен возможности контролировать поведение будущего зятя, совершилось то, чего он так опасался, — юнец освободился от его опеки, чтобы оказаться под влиянием Долгоруких, действиями которых ловко руководил Остерман.

Раньше Петр был неразлучен с Меншиковым. После выздоровления князя он избегал с ним встреч, и если они все же состоялись, то были кратковременными или носили публичный характер. Так, аудиенция светлейшего 30 июля продолжалась лишь четверть часа, следующие две встречи состоялись 14 августа: одна длилась час, а другая 15 минут. Непродолжительный разговор произошел 17 августа. К этому надобно прибавить еще две встречи, одна из которых состоялась во время литургии и поэтому, видимо, не сопровождалась разговорами, а другая — 9 августа во время осмотра итальянского дома, подаренного Петром невесте. Не подлежало сомнению, что между князем и императором наступило охлаждение, что последний избегал свидания с невестой и тяготился опекой будущего тестя. Кстати, упоминавшийся выше Лефорт доносил: «Петр II совсем не любит свою невесту»⁴⁰.

Не заметить всего этого Меншиков не мог. Если даже допустить, что сам он ничего не подозревал о грозившей беде, то у него было немало прихлебателей, готовых донести до его ушей молву, носившуюся среди придворных. Что же он делает, какие меры предпринимает, чтобы предупредить полный разрыв и обезопасить себя от расправы недругов?

Что случилось с Меншиковым, почему ему отказал здравый смысл, которым он был щедро награжден природой? Как стало, что сильная и решительная личность расслабилась до неузнаваемости?

То ли он витал в мире иллюзий, надеясь, что все обернется к лучшему и состоявшаяся помолвка дочери автоматически сделает свое дело. То ли он смирился со своим падением и считал, что все утрачено безвозвратно и восстановить прежние отношения невозможно. А быть может, он обдумывал планы, как прибрать к рукам нареченного зятя и нанести удар по Долгоруким раньше, чем они сумеют расправиться с ним.

В точности хода мыслей светлейшего в августе — начале сентября 1727 г. мы не знаем и вряд ли когда-либо удастся документально объяснить странности его поведения. С уверенностью можно сказать одно: у Меншикова не было шансов повторить то, что он сделал в памятную ночь 28 января 1725 г., когда умер Петр I. На первый взгляд теперь у него будто бы было больше возможностей, чем тогда, — он стал президентом Военной коллегии, адмиралом и генералиссимусом, нареченным тестем императора. Власти и влияния у него, несомненно, прибавилось. Но тогда он имел многочисленных сторонников и действовал от имени претендовавшей на трон Екатерины, теперь он остался в одиночестве, был лишен сообщников, готовых привести в движение гвардию; именем императора действовал не он, а его противники. Петр II являлся всего лишь орудием интриги. Репрессиями Меншиков создал вокруг себя вакуум. Лефорт в своем донесении заметил: «Его все очень боятся, но за то и ненавидят».

По-видимому, активные действия не входили в расчеты князя. Иначе он ни за что бы не отбыл из столицы, где только и можно было развернуть кипучую деятельность, расположить к себе гвардию, изолировать Долгоруких.

18 августа он вместе с семьей выехал в Ораниенбаум, где в честь прибытия фельдмаршала грянул артиллерийский залп. Правда, Петр тоже отправился в Петергоф, конечно же, в сопровождении нового приятеля — забуддыги Ивана Долгорукого. Меншиков предпринял попытку восстановить отношения

с Петром и вместе с семьей прибыл к нему в Петергоф, но в гостях не задержался. Прием, видимо, был холодным: невеста, члены семьи, да и сам Меншиков чувствовали себя неуютно и поспешно ретировались. 26 августа Меншиков наряду с прочими министрами, как сказано в «Повседневной записке», «кушал при столе его императорского величества» по случаю именин сестры царя, а на следующий день вместе с царской семьей присутствовал на литургии. В 6 час. вечера он уже находился в Ораниенбауме.

30 августа произошло еще одно событие, подтверждавшее, что князь находился в немилости и что этот факт не остался незамеченным ни вельможами, ни придворными. В этот день Меншиков праздновал свои именины. Список гостей возглавлял адмирал Сиверс, несколько генералов, завсегдатаев в приемной и «прочие господа морские офицеры». Среди присутствовавших — ни одной «знатной персоны», не почтил вниманием своего нареченного тестя и Петр. Праздник, некогда проводившийся с необыкновенной пышностью, на котором непременно присутствовали Петр I и Екатерина, теперь прошел заурядно. Не сгладили впечатления и несколько залпов солдат Черниговского полка, выстроенного по этому случаю.

Чем занимался Меншиков в Ораниенбауме с 19 августа по 5 сентября?

Даже самое скрупулезное изучение «Повседневных записок» не дает оснований считать, что князь в преддверии крупных неприятностей переживал душевную депрессию. Распорядок дня оставался прежним, и своим привычкам светлейший не изменял. Вставал он, как и раньше, в обычное для себя время, слушал дела, в ожидании аудиенции в приемной толкались военные и придворные чины. Не расставался Меншиков и со своей привычкой спать после обеда. Иногда Ораниенбаум навещали «персоны». 20 и 27 августа он принимал Феофана Прокоповича, несколько раз у него были члены Верховного тайного совета — князь Алексей Долгорукий, отец нового фаворита царя, и князь Дмитрий Голицын. 5 сентября в Ораниенбаум пожаловал Остерман, с которым Меншиков вел тайный разговор. Наверняка, это был разведывательный визит, предшествовавший нанесению Меншикову решительного удара. Возможно, Меншиков жаловался Остерману на охлаждение к нему воспитанника барона, обращая внимание на праздное времяпровождение Петра, а барон утешал своего собеседника. Быть может, Остерман, умевший, как это хорошо известно, много говорить, но ничего не сказать, больше слушал, чем говорил. Могло случиться, что Остерман на вся-

дый случай, сам намекнул на опасность, нависшую над князем. В подобном поведении барона был свой резон, ибо искусство интригана, которым он владел в совершенстве, как раз и состоит в том, чтобы одновременно плести несколько интриг и всегда находиться в лагере победителей. Остерман, кроме того, обладал качеством, делавшим его еще более опасным, — он был человеком вероломным.

Два отступления от принятого распорядка все же удастся уловить: князь реже развлекался игрой в шахматы и карты. За шахматный столик за время пребывания в Ораниенбауме он садился только дважды. Напротив, он чаще, чем прежде, пребывал в одиночестве, погруженный в свои мысли.

Кажется, главная забота князя в Ораниенбауме состояла в наблюдении за отделкой церкви и подготовке к ее освящению. В церковь он заглядывал много раз, видимо, гордился ее убранством, ибо накануне освящения показывал ее голштинскому министру. Для большего благолепия он заблаговременно, еще 31 июля, отправил в Москву нарочного с предписанием немедленно выслать «басистого» протодиакона и одного певчего.

Освящение церкви состоялось 3 сентября. На празднование прибыли Апраксин, Головкин, Голицын, но среди гостей, увы, не было главного лица, ради которого были затеяны торжества, — Петра II. Среди гостей не видно было и Остермана, видимо завершавшего обработку своего воспитанника. Вряд ли пушечная пальба и «великая музыка» способны были поднять настроение князя.

Какими способами Остерман приобрел расположение Петра и как он, выполняя обязанности воспитателя и часто находясь с ним в уединении, настраивал его против будущего тестя, мы не знаем. Можно лишь догадываться, что хитроумный интриган использовал в этой игре все козыри, чтобы итереться в доверие к своему воспитаннику. Благо достичь желаемого не стоило большого труда, ибо Петру II ничего так не импонировало, как праздность. Достаточно было потакать лени и не препятствовать забавам, чтобы склонить юного бездельника на свою сторону и превратить его в послушное орудие коварных замыслов.

Перед нами распорядок дня, составленный для Петра 21 июля 1727 г., т. е. во время болезни Меншикова. Расписание, автором которого, несомненно, был Остерман, предполагало изучение истории, географии и математики, причем на освоение этих предметов с понедельника по пятницу включительно отводилось всего-навсего 11 часов. В субботу, ве-

роятно, час надлежало использовать для закрепления знаний по географии и математике. Итого 12 часов в неделю на приобретение знаний! Остальное время, а регламенту подлежали часы с 9 час. утра до 7 час. вечера, предназначалось для всякого рода забав: танцев, игр, верховой езды, стрельбы, музыки и т. д.

Правда, по средам и пятницам император должен был приобщаться к управлению государством и в допущенные часы присутствовать в Верховном тайном совете⁴¹.

Установить, с какой точностью выполнялся распорядок, разумеется, нельзя. Подлежит проверке лишь присутствие Петра в Верховном тайном совете. Но, как следует из документов этого учреждения, Петр не удостоил его своим присутствием ни в июле, ни в августе — он предпочитал вместе с Иваном Долгоруким предаваться удовольствиям.

5 сентября Меншиков с семьей отбыл в Петербург. По пути в столицу он пытался встретиться с Петром, но, кажется, безрезультатно. На следующий день князь отправился в Верховный тайный совет, но никого там не обнаружил. 7 сентября он вновь посетил Верховный тайный совет, встретив там только князя Голицына и секретаря Степапова. В этот день в столицу возвратился Петр, причем поселился не во дворце Меншикова, а в Летнем дворце, срочно для этой цели приведенном в порядок.

Последовательность событий с 5 по 7 сентября, изложенная нами на основании «Повседневных записок» Меншикова, противоречит описанию их Вильбоа. По его словам, Остерман внушил Долгоруким мысль о необходимости убедить Петра «удалиться тайно от Меншикова и явиться Сенату, который Остерманом будет вполне собран в загородном доме канцлера графа Головкина, в двух лье от Петергофа. Молодой Долгорукий, — продолжает Вильбоа, — ободренный отцом, взял на себя обязанность привезти царя. Он всегда спал в комнате его величества, и едва увидел он, что все заснули, то предложил одеться и выпрыгнуть в окошко, ибо комната была в нижнем этаже и невысоко от земли. Царь согласился и выскок таким образом из комнаты так, что стража, охранявшая дверь, ничего не заметила. По садам перебежал царь с Долгоруким на дорогу, где ждали его офицеры и чиновники. С торжеством проводили они его в Петербург, куда Меншиков, уже поздно узнавший об удалении царя, поспешил за ним»⁴².

В действительности Меншиков прибыл в Петербург раньше Петра. Следовательно, последнему не было надобности вместе с Долгоруким прыгать через окно. Сомнительна и

приписанная Вильбоа роль Сената в событиях — дела в то время вершились не в Сенате, а в Верховном тайном совете.

Светлейший, находясь в Петербурге, уже не сомневался в близости развязки. 7 сентября ему «кровь пущали». «Повседневные записки» обрываются записью, внесенной в пасмурный день 8 сентября. В этот день к Меншикову прибыл курьер Верховного тайного совета с предписанием, не оставлявшим сомнения, что его карьере наступил конец, — ему было запрещено выезжать из дворца. Домашний арест был дополнен царским указом от 9 сентября игнорировать все распоряжения, исходившие от Меншикова. Указ 9 сентября поставил последнюю точку в повествовании о жизни Меншикова как государственного деятеля. В оставшиеся два года своей жизни он безропотно тянул ляжку опального вельможи.

Остерман в эти дни развил бешеную активность — пришло время пожинать плоды своей интриги. В июле — августе он, как и его воспитанник, ни разу не посетил Верховный тайный совет. Теперь, начиная с 8 сентября, — он неперемный участник всех его заседаний. «Докладывано, — читаем в журнале Верховного тайного совета от 9 сентября 1727 г., — его величеству о князе Меншикове и о других по приложенной записке руки вице-канцлера барона Остермана...»⁴³

КРУШЕНИЕ. ССЫЛКА

Меншиков и его супруга из своего заточения, пока еще домашнего, обращаются за защитой к императору и его сестре Наталье. Но разве он сам пощадил свояка Девиера, когда супруга последнего, родная сестра Александра Даниловича, слезно молила о снисхождении: «Светлейший князь, милостивый отец и государь, приемляю я смелость от моей безмерной горести труднить вас, милостивого отца и государя, о моем муже о заступлении и милостивом предстательстве к ее императорскому величеству, всемилостивейшей нашей государыни, дабы гнев свой милостиво обратить изволили»¹.

Это письмо, поданное Анной Даниловной 30 апреля, осталось без ответа — свирепые законы борьбы за власть тех времен не знали пощады, и Девиера отправили в Сибирь. Теперь повисли в воздухе обращения самого Меншикова: вместо удовлетворения просьбы Петр II подписал указ о ссылке его,

лишенного чинов и наград, в Нижегородскую вотчину. По просьбе опального вельможи Нижегородская вотчина была заменена ссылкой в Ранненбург — крепость близ Воронежа, сооруженную по чертежам Петра I.

Ранненбург представлял «земляную фортецию» с пятью бастионами, окруженную давно лишенным воды рвом и палисадом. На парадных каменных воротах с деревянным шпилем находились часы с семью колоколами. Внутри крепости стоял огромный жило^й дом, покрытый в шахматном порядке красной и черной черепицей. В нем 46 покоев на верхнем этаже и 14 в нижнем. Рядом — постройки хозяйственного назначения: погреб, поварня, баня, конюшня. Здесь же крытые тесом деревянные светлицы, бани, предназначавшиеся, видимо, для двора.

Последний раз Меншикову довелось быть в Ранненбурге семь лет назад. Тогда к приезду владельца в крепости был паведен лоск. Теперь на всем лежала печать запустения: 197 оконных рам оказались без стекол, а в 153 окошках обветшала слюда, обстановка ранненбургского дома не шла ни в какое сравнение с роскошной мебелью, оставленной князем во дворце в Петербурге. Здесь были обнаружены три старых стула, обитых кожей, семь дубовых и липовых столов, единственный стул из орехового дерева заморской работы, впрочем, тоже ветхий, несколько стульев русского мастерства, требовавших ремонта ².

Можно представить, что творилось во дворце Меншикова в течение суток, отведенных ему на сборы. Обжитые и пышно обставленные роскошной мебелью и украшенные дорогими коврами и картинами покои дворца выглядели как после погрома: десятки слуг в величайшей сумятице выполняли распоряжения, противоречившие одно другому, — укладывали одни предметы, предназначавшиеся для вывоза, чтобы тут же заменить их другими. Отменную мебель, дорогие ковры, картины, изделия из хрусталя и походные шатры пришлось тоже оставить. Среди хрустальной посуды, оставленной в столице и упакованной в 15 ящиков, насчитывалось 1800 водочных стаканов, 2 тыс. рюмок, 4500 пивных бокалов, бутылки, кружки и т. д. ³ Но и то, что было решено прихватить с собой, едва разместилось на телегах огромного обоза: в 33 кареты, коляски и колымаги были уложены подголовники, баулы и баульчики, сундуки и сундучки, спешно сбитые ящики, узлы. Обоз сопровождала пестрая свита слуг, свидетельствующая о намерении князя сохранить и в ссылке блеск своего двора.

Среди 133 человек свиты, выехавших из Петербурга, находились: маршалк, 8 пажей, 6 гайдуков, 16 лакеев, 12 поваров, 2 портных, 2 певчих, сапожник, гофмейстер и паж нареченной невесты и даже 2 карла. В это же число входили 13 собственных драгун, своего рода княжеских гвардейцев, а также 20 гребцов, предназначенных для движения по озеру Ильмень и рекам. В Любани 13 сентября прислуга пополнилась 15 человеками и парадной коляской для Марьи Александровны. В общей сложности штат слуг состоял из 148 человек⁴. Сам Меншиков восседал в карете, сработанной каким-то знаменитым мастером в Берлине еще в 1719 г. Его самолюбию льстило, что именно в такой же карете разъезжал французский министр граф Ротембург⁵. Вместе с главой семьи в ссылку отправлялись супруга, сын Александр, дочери Мария и Александра, а также сестра супруги Варвара Михайловна Арсеньева.

Что представляла собой семья Меншикова?

В замкнутом семейном мире, закрытом от постороннего взгляда, светлейший предстает совсем иным человеком, чем в общении с посторонними. В семье он укрывался от житейских бурь, находил утешение и покой. Сердечности, нежности и заботливости князь не расточал на посторонних, все это предназначалось для супруги и детей.

Выше отмечалась взаимная забота и уважение супругов друг к другу. То была пора молодости. Но атмосфера в семье осталась прежней и после того, как оба они вступили на порог старости. 18 августа — день их свадьбы. «При сем от всего верного сердца вселюбезнейше вас поздравляю, — писал Данилыч супруге 16 августа 1718 г. из Або, — сего месяца 18 числом, то есть днем общего нашего неопisanного веселия и неизглаголанной радости, в которой мы по изволению вышнего бога браком совокупились»⁶.

Дарья Михайловна родила Данилычу семерых детей — трех сыновей — Луку-Петра, Самсона и Александра, из которых остался в живых только Александр, и четырех дочерей — Марию, Александру, Варвару и Екатерину. Две последние дочери тоже умерли в детстве. Особым попечением пользовалась дочь Мария, родившаяся в 1712 г. Дарья Михайловна, отправившаяся вскоре после родов к супругу в Померанию, писала кормилице, «бабушке Кубасовой»: «За дитятем с прилежностью смотрите, а особливо, чтоб больных тут при вас отнюдь не было, и не держите, если кто занеможет, — прочь отсылайте»⁷. В феврале 1713 г.: «Уведомите нас, чем вы кормите дитя. И велите готовить цыпленочка или телятину»

молодую». Мать посылает из-за границы «платьицо и шапочку новой моды», а также шелковые чулки и башмачки.

Наряду с обучением родитель заботился о приобретении отпрысками соответствующего лоска. В апреле 1716 г. он дал следующее поручение русскому резиденту в Вене Аврааму Веселовскому: «Поищите мальчика, который был бы искусен в танцеванье и такового, сыскав, по тому ж к нам пришлите»⁸.

Подраставшие дети становились предметом забот отца. «Зело от сердца радуюсь, что при помощи божии дети наши учатца»,— писал он супруге в 1718 г.

Сохранилось несколько десятков писем детей Меншикова. Написаны они велеречивым языком с изъявлением дочернего или сыновьего почтения к родителям. От имени детей их сочиняли доморощенные канцеляристы-грамотеи. Годовалая Мария, например, «писала» родителям в Померанию, что дворец отца посетил царь с Апраксиным и генералами и «немало повеселился и за ваше с моим здравие венгерское кушать изволил». В апреле 1720 г. младшая дочь Екатерина извещала родителей, что царь ее «сонную изволил целовать», а в другой раз, что Петр во время литургии «с своими певчими пел и апостол сам изволил читать»⁹.

К услугам канцеляристов прибегали не только при написании писем от имени грудных младенцев, естественно не умеющих грамоте, но и взрослые дети. Получив такое письмо в 1723 г., отец потребовал от сына Александра, чтобы тот «по сыновской своей должности, паче же для предбудущей вам пользы надлежит к нам писать своеручно и иметь всегдашней труд, и времени праздно провождать не надобно, ибо по святому писанию праздность всему злу корень»¹⁰.

Свойственный молодости эгоизм проявлялся в том, что дети подолгу не давали родителям о себе знать. Это вызывало тревогу. 26 июня 1724 г. отец, находившийся на Петровских заводах, отправил дочерям Марии и Александре следующее назидательное письмо: «При разлучении нашем с вами приказывали мы вам, дабы еженедельно уведомляли нас о состоянии здравия своего чрез нарочитых денщиков письменно. А потом предлагали вам, чтоб сверх того письмо посылали на отправляемой из Адмиралтейства на Петровские заводы почте. Но по се число ни единой строки от вас не получили». Меншиков потребовал от дочерей регулярно отправлять ему письма.

Членом семьи Меншикова являлась также Варвара Михайловна. В отличие от своей сестры, женщины мягкой и сердо-

больной, с нежной и чувствительной душой, горбунья Варвара Михайловна была умной, начитанной, властной и желчной. Современники отмечали, что светлейший часто пользовался советами свояченицы и даже без ее благословения не принимал ни одного серьезного решения.

В месяцы отсутствия супругов Меншиковых в столице Варвара Михайловна заправляла домом и руководила воспитанием детей. Меншиков в каждом письме к супруге непременно кланялся и ее сестре, а иногда обращался к ней одной. Любопытной бытовой подробностью отличается письмо к Варваре Михайловне от 9 июня 1722 г. Князь сообщал, что цесаревны Анна и Елизавета заночевали в Городне, «но токмо от тараканов, от клопов и от комаров опочивать изволили зело мало»¹¹.

По-иному складывались отношения между Александром Даниловичем и его собственной родней и родственниками его супруги.

У Меншикова было две сестры — Мария и Анна. Об их существовании стало известно из источников, зарегистрировавших критическое состояние их мужей. Напомним, что в 1709 г. супруг Марии Меншиковой попал в плен к шведам, и этот факт нашел отражение в письмах Александра Даниловича к Дарье Михайловне. Позже, в 1727 г., такая же беда настигла супруга Анны Даниловны Антона Девиера, и тогда сестра попыталась выручить его из беды, но, как увидим ниже, безуспешно. Этими данными и исчерпываются сведения о сестрах Меншикова.

Возможно, Мария рано умерла. Возможно также, что Анна Даниловна своей внебрачной связью с будущим супругом вызвала столь сильный гнев светлейшего, что он так и не мог простить легкомысленного поведения своей сестры: в Петербурге ходила молва, что царский денщик Девиер, прибыв к Меншикову просить руки засидевшейся в девицах Анны, предупредил, что в случае отказа рожденный Анной ребенок не будет иметь отца. Александр Данилович считал брак с денщиком мезальянсом и, разгневавшись, велел высечь жениха. Брачный союз был все же заключен по настоянию Петра, которому пожаловался Девиер.

А быть может, дело обстояло значительно проще: Дарья Михайловна, как это нередко встречается в семьях, где глава обременен другими заботами, оттеснила родственников супруга и образовавшийся вакуум заполнила своей многочисленной родней.

Наибольшим вниманием со стороны Меншикова пользовался младший брат супруги Иван Арсеньев, отправленный для обучения в Голландию. Надзор за успехами шурина должен был осуществлять русский посол в Гааге Борис Иванович Куракин, в доме которого он поселился в 1716 г. Меншиков просил посла следить, чтобы Иван «празно времени не тратил, но прилежно учился». В июне следующего года Иван доложил своему патрону: «Я ныне со всяким прилежанием учусь еще французскому языку, також фортификации, математики, гистории, географии, на лошадях ездить и на шпагах биться».

Семье светлейшего этих знаний показалось мало, и она настаивала, чтобы родственник во что бы то ни стало овладел придворным этикетом и поднаторел в общении с иностранными министрами. Куракин получил предписание его «ко двору и в прочие компании с собой брать, дабы чрез то мог свыкнуться». С науками Иван Арсеньев справился и, по собственным его словам, «овладел французским, также отчасти и гистории, географии, математики, нравам натуральным и экзерцициям». Хуже обстояло с приобретением навыков в придворном обхождении, где Арсеньев не проявил необходимых способностей. Куракин писал, что его подопечный к этому «весьма гесроден, а против натуры невозможно его склонить». Меншиков продолжал гнуть свое: шурина надобно «употреблять в посылках к министрам чужестранным, дабы мог обыкнуться».

После трехлетнего пребывания в Голландии Иван Арсеньев отправился в Париж. Оттуда он просил Меншикова увеличить сумму на свое содержание: в Голландии он жил у Куракина, что освобождало его от расходов на квартиру, стол, дрова и прочие «домовые нужды». В Париже за все это надлежало платить. На ранее присылаемые ему деньги в столице Франции «ежели ездить ко двору для обхождения придворного мне невозможно и думать, ибо при дворе смотрят на экипажи, а без того ни на что не поглядят». В 1720 г. Иван Арсеньев возвратился в Россию¹².

Другого шурина, Василия Арсеньева, тоже опекал Меншиков. В 1716 г. он ходатайствовал перед царем о награждении его новым чином. В следующем году он нес службу на флоте, участвовал в каперских операциях русских кораблей. В одном из писем Василий Михайлович сообщил любопытные подробности овладения шведским кораблем. Командир шведского галиота, не видя спасения, посадил его на мель, а экипаж высадил на берег. Между Василием Арсеньевым, командовавшим шлюпкой, приблизившейся к галиоту,

и поручиком, прибывшим с другого корабля на шлюпке, начался спор из-за дележа трофеев с неприятельского галиота. Вместо того чтобы снимать галиот с мели, матросы обеих шлюпок увлеклись грабежом. В это время Арсеньев был вызван на свой корабль, тоже оказавшийся в беде. Попытка поджечь шведский галиот офицером, претендовавшим на получение добычи, не увенчалась успехом, и своим кораблем в конце концов овладели шведы. «Крейсрат» — военный суд — оправдал Арсеньева, и тот в 1718 г. был назначен командиром того самого корабля «Сант Яков», экипаж которого признали виноватым в оплошности, не обеспечившей захвата в плен галиота или его уничтожения¹³.

Третий представитель клана Арсеньевых, Аникей Арсеньев, видимо, дальний родственник Дарьи Михайловны, тянул лямку капитана гарнизонных войск в глубокой провинции — в Черном Яру. В 1719 г. он обратился к своему «патрону» Александру Даниловичу с просьбой вытащить его из дыры, где он подвергался опасности в столкновениях с кубанскими татарами, производившими частые набеги¹⁴.

Более чем преуспевавшая семья отправлялась в неизвестность. Впрочем, постороннему могло показаться, что едет не ссыльный, а богатый барин, не пожелавший расстаться со столичным комфортом в полюбившейся ему глухой вотчине. Лишь у Дарьи Михайловны, не выдержавшей напряжения, явно сдали нервы — весь долгий путь она не переставая рыдала.

Каков будет финиш подневольного путешествия семьи, она, разумеется, в точности не знала. Но ее прощительности вполне доставало, чтобы подвести черту под прошлым. В будущем она не рассчитывала ни на роскошь, ни на блеск, ни, наконец, на подобострастные улыбки придворных дам и сопричастность к делам своего могущественного супруга.

Совсем недавно, в воскресный день 19 марта 1727 г., Данилыч устроил пышные, с царским размахом, торжества по случаю ее именин. За праздничным столом сидели все вельможи, иностранные послы, цесаревна Елизавета, наследник престола. После обеда танцы, пушечная пальба и фейерверк с изображением приветственных слов в адрес именинницы: «Виват светлейшая княгиня Дарья Меншикова!»¹⁵.

Будущее не предвещало чего-либо, даже отдаленно напоминавшего того, что произошло около полугода назад, в день именин жены.

Подобного отправления вельможи в ссылку не знала ни предшествующая, ни последующая история России. Напом-

ним, как сам Меншиков отправлял в ссылку Петра Андреевича Толстого. Перед нами письмо Толстого, написанное из Петропавловской крепости в день своего отъезда в ссылку какому-то Борису Ивановичу: «По указу ея императорского величества кавалерия и шпаги с меня сняты и велено меня послать в Соловецкий монастырь от крепости прямо сего дня. Того ради, Борис Иванович, можешь ко мне приехать проститься, а сын мой Иван, чаю, от печали не может приехать, а вас обеих велели ко мне допустить».

И немедленно пришлите мне малова Яшку с постелею и баулку з бельем, да денег двести рублей, да сто червонных, также чем питаться и молитвенник и псалтырь маленькую и прочее, что за благо рассудите. А малова Митьку я возьму с собою... А более писать от горести не могу». Толстой просил прислать еще «шляпрок», а также «малово, который бы умел ество сварить»¹⁶.

Остается гадать, почему Меншикову был дозволен столь пышный выезд, с огромным обозом и в сопровождении многочисленной дворни, в то время как Толстой должен был довольствоваться «баулкой» с бельем, постельными принадлежностями и сопровождением двух слуг.

Вероятнее всего, падение «полудержавного властелина» являлось неожиданностью не только для него самого, но и для его противников. Дворцовые перевороты более позднего времени, как известно, готовились в непроницаемой тайне, и заговорщики располагали более или менее детальным планом действий, предусматривавшим не только отстранение от власти временщика или коронованной особы, но и их последующую судьбу. Вполне возможно, что хитрый и архисторожный Остерман рискнул раскрыть карты и подсказать Долгоруким мысль об устранении Меншикова лишь после своего визита к светлейшему 5 сентября, когда обнаружил безмятежное состояние князя и убедился в беспроигрышности затеваемого дела. Успех Остермана — Долгоруких, как и поражение Меншикова, были столь ошеломляющими, что и победители и побежденный в течение некоторого времени находились в состоянии оцепенения, некоего шока, мешавшего осознать происшедшее и его последствия. Здесь вступал в силу закон инерции: до сознания Меншикова, свыше четверти столетия стоявшего в непосредственной близости к трону, не сразу дошла мысль, что он уже и не светлейший, и не генералиссимус, и не член Верховного тайного совета, и не будущий тесть императора; равным образом и его противники, ранее безропотно повиновавшиеся светлейшему, в полной мере не

осознали, что он повержен навсегда и что с ним можно поступать, как с простым колодником. Именно этими соображениями можно объяснить удививший наблюдателей парадный выезд князя. Современник, имевший возможность наблюдать этот выезд из столицы, записал: «Проезжая по улицам петербургским, он кланялся направо и налево из своей кареты и, видя в сбежавшихся толпах народа своих знакомых, прощался с ними так весело, что никто не заметил в нем ни малейшего смущения»¹⁷. Хотел того князь или не хотел, но его пышно обставленное отправление в ссылку объективно являлось вызовом, брошенным победителям, и этот вызов не остался незамеченным. Горечь нового положения Меншиков в полой мере изведает позже, позже последуют и один за другим новые удары, наносимые ему противниками; а сейчас надо было срочно выдворить его из столицы и тем самым лишить возможности принять ответные меры.

Следы этой поспешности видны хотя бы на примере оформления обязанностей командира отряда, сопровождавшего Меншикова в ссылку, гвардии капитана Степана Пырского. Обычно лицам, отправляемым с каким-либо заданием, вручалась инструкция с перечнем прав и обязанностей. Но на этот раз Пырский, оказавшись без инструкции, сам обратился к секретарю Верховного тайного совета Степанову с девятью вопросами, на которые потребовал «резюлюции». Ответы Степанова были затем утверждены Апраксиным, Головкиным и Голицыным. Характерно, что подпись Остермана под «резюлюцией» отсутствовала — главный режиссер переворота предпочел остаться в тени, не оставляя следов своего в нем участия.

Пырский должен был взять под свой контроль переписку Меншикова, его общение с посторонними людьми; капитану надлежало решительно «противные поступки унимать». Маршрут исключал заезд в Москву — старую столицу надлежало объехать стороной.

Регулярно, почти ежедневно, Пырский информировал Верховный тайный совет о продвижении кортежа. В донесениях мелькают знакомые названия остановок на пути из Петербурга в Москву: Ижора, Тосна, Любань, Новгород, Валдай, Едрово, Березай, Вышний Волочок, Торжок, Тверь, Городня, Клин...

В первый же день пути, 11 сентября, Пырского догнал в Ижоре гвардии адъютант Дашков с устным предписанием Верховного тайного совета отобрать оружие у людей, сопровождавших ссыльного. Мера предосторожности не была лишней —

команда Пырского состояла всего из 79 человек, т. е. значительно уступала челяди Меншикова. В Тосне Пырский изъезжал 18 фузей, 36 пар пистолетов, 33 палаша, 25 кортиков. Здесь же, в Тосне, у Меншикова обострилась болезнь. Как засвидетельствовал Пырский, «у него гортанью кровь по-прежнему появилась»¹⁸.

Сильный приступ болезни вынудил чету Меншиковых обратиться с просьбой к своим противникам: супруг адресовал ее к Верховному тайному совету, а Дарья Михайловна предприняла попытку заручиться сочувствием у женщин — супруги Остермана и его тещи, а также сестры царя Натальи Алексеевны. Меншиков сообщал, что «ныне в пути без лекаря пользоваться кем не имею», и просил Верховный тайный совет и лично Остермана отпустить к нему доктора Шульда, которому он еще в Петербурге успел выдать на путевые расходы 200 руб. Просьба Дарьи Михайловны носила более общий характер — она умоляла своих корреспонденток исхлопотать у Петра II «божескую милость», чтобы «нам малую отраду видеть». Вернуть Меншикову «милости» было таким же безнадежным делом, как воскресить мертвого. Руки помощи никто не протянул. Отклика призыв к милосердию не вызвал — это был акт отчаяния столь же безрассудный, как и бесполезный. «Малой отрады» ссыльная семья не получила, письма Дарьи Михайловны не были вручены адресатам, они покоились среди бумаг Верховного тайного совета, но просимый Меншиковым доктор все же прибыл.

Впрочем, вмешательство медиков едва ли могло излечить князя от застарелой болезни. Само по себе путешествие в осеннюю слякоть сопряжено с большими трудностями и требовало затрат физических сил, которых у князя поубавилось. Но дело было не только в трудности пути. Улыбки и приветствия, расточаемые знакомым во время продвижения по улицам столицы, свидетельствовали всего лишь о его исключительном самообладании и выдержке. Меншикову было, конечно, уже не до улыбок. Оставшись наедине с собою, он оказался во власти стресса, видимо, еще более сильного, чем тот, который ему довелось пережить в январе — феврале 1723 г. Он и вызвал обострение болезни, 2 октября, когда Меншиков был доставлен в село Березай, у него начался очередной приступ, едва не закончившийся смертельным исходом. Вот как выглядело состояние князя под пером Пырского: «И тут князя Меншикова зело было (болезнь.—Н. П.) смертельно схватила, что чуть не умер, отчего того часу кровь пустили и потом исповедали и приобщили святых тайн»¹⁹.

Как вел себя капитан Пырский по отношению к знатному узнику, допускал ли он какие-либо послабления? Судя по всему, допускал, но не бескорыстно.

С одной стороны, он в своих доведениях подчеркивал усердие в пунктуальном выполнении «резолуции» Верховного тайного совета и его дополнительных указов, а также каких-то устных распоряжений Остермана. Рвение Пырского вице-канцлер, по-видимому, подогрел обещанием пожаловать ему майорский чин. В делах сохранились частные письма Пырского к Остерману и Степанову с напоминанием об удовлетворении оставленной перед отъездом челобитной «о перемене своего ранга».

Ради майорского звания стоило постараться, и свое старание капитан изображал так, что ни у Верховного тайного совета, ни у Остермана не возникало даже тени сомнения относительно сурового режима содержания опального вельможи. Так, на вопрос, заданный Пырским перед выездом из столицы, как ему поступать в случае болезни князя — «стоять или ехать», последовала «резолуция», позволявшая ему действовать в соответствии с обстоятельствами: «Усмотря по его состоянию, поступать по своему рассуждению».

2 октября Меншиков, как мы видели, находился при смерти. Это, однако, не помешало Пырскому продолжать движение и отклонить просьбу Меншикова сделать остановку в селе Березай до появления зимнего пути. Меншикова уложили в качалку, привьючили ее к двум лошадям и таким способом 5 октября доставили в Вышний Волочек. Моросил ли нудный осенний дождь, дул ли пронзительный ветер — солдаты месили бездорожье и не спускали глаз с кареты, в которой везли ссыльного.

14 октября, находясь в Клину, Пырский получил указ об изъятии у Меншикова, у его сына и дочерей орденов и о водворении Варвары Михайловны в Александровский монастырь. Курьер, доставивший этот указ, привез и кольцо, подаренное нареченному жениху, потребовав взамен кольцо, врученное Петром II Марье Александровне во время помолвки. Таким образом, слабо теплившаяся надежда, что «по учиненному пред богом обещанию» Петр вступит с дочерью «в законное супружество», развеялась бесповоротно²⁰.

На следующий день Пырский донес о пунктуальном выполнении всех повелений: обменял перстни, отобрал «кавалерию», отправил в монастырское заточение сестру жены. Современник рассказывает, что, когда к Меншикову обратились с требованием отдать русские ордена — Андрея Перво-

званного, Александра Невского, он хладнокровно заявил: «Я ожидал, что их у меня потребуют и положил для того нарочно в особую коробку поближе — вот она».

Был случай, когда действия Пырского могли вызвать раздражение членов Верховного тайного совета, и прежде всего Остермана. Речь идет о пересылке писем Александра Даниловича и Дарьи Михайловны Верховному тайному совету, Остерману, его супруге и теще с просьбой о присылке доктора. Но Пырский проявил осторожность: в частном послании к секретарю Верховного тайного совета Степанову он передавал судьбу писем в руки его, Степанова, — тот мог их захоронить в бумагах, а мог, если сочтет необходимым, вручить адресатам. Степанов, как мы видели, предпочел их задержать у себя.

Итак, донесения Пырского дают основание характеризовать гвардейского капитана суровым и беспощадным служакой, бдительно сторожившим своего узника, не склонным проявлять никакого милосердия и даже готовым доставить к месту назначения труп вместо живого Меншикова.

Быть может, все эти качества были присущи Пырскому, и именно они дали основание Остерману назначить его командиром отряда. Но вместе с тем Пырский не был свободен от распространенного среди современников порока — он принадлежал к числу мздоимцев.

Обещанная Остерманом «перемена ранга» была журавлем в небе, а в сундучках кареты Меншикова лежали драгоценности и деньги, которыми князь был готов поделиться со стражами. Соблазн получить хоть малую толику княжеских сокровищ был велик, и Пырский не устоял против этого соблазна. Он согласился брать подношения. Князь одаривал Пырского дорогими перстнями, деньгами, мехами, а когда кортеж ехал мимо недавно пожалованной капитану деревни из трех дворов, то распорядился выдать ему на обзаведение жеребца, шесть кобыл и несколько жеребят, велел снабдить этот конный завод овсом и сеном из своих вотчин, а также доставить три сотни бревен на хоромы для барина. Перепадало кое-что и рядовым. Под предлогом того, что команда терпит нужду из-за него, Меншикова, он наградил каждого солдата двумя с полтиною рублями.

Продаваемая Пырским благосклонность, видимо, избавила Меншикова и его семью от мелочной и назойливой опеки команды. Более того, ссыльным удалось несколько раз воспользоваться попустительством капитана, чтобы установить связь с внешним миром.

Светлейший был тяжело болен. Энергию Дарьи Михайловны целиком поглотили хлопоты вокруг больного супруга. Придавленная бедой, она, женщина хрупкая, едва ли была способна к активным действиям. Единственным человеком в составе ссыльной семьи, сохранившим смелость, желание и энергию, чтобы выпутаться из беды, была Варвара Михайловна. Это она, разумеется, с согласия Меншикова и от его имени отправила к заслуженному генералу князю Михаилу Михайловичу Голицыну гонца с просьбой, чтобы он ходатайствовал перед царем об оказании ссыльной семье «милости».

Затея закончилась неудачей то ли потому, что встреча служителя Федора Фурсова с Голицыным не состоялась, то ли потому, что последний не пожелал компрометировать себя связями с опальным вельможей и отказал в просьбе. Неудача не обескуражила Варвару Михайловну, и она еще раз использовала этого же служителя, чтобы отправить его с аналогичной просьбой в Москву к губернатору Ивану Федоровичу Ромодановскому и престарелому сенатору Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину. Однако Фурсов не рискнул обратиться к московским вельможам. «Понеже, — как он позже объяснял, — то не малое дело»²¹.

В менее существенных делах подкуп Пырского и его команды принес плоды. Так, Московская домовая контора Меншикова по его распоряжению доставила к нему, когда кортеж находился недалеко от старой столицы, 22 тыс. руб. Половину этой суммы князь отправил Варваре Михайловне, только что сосланной в Александров монастырь. Кроме того, Меншикову было разрешено отправить письма-распоряжения вотчинным приказчикам и служащим, оставшимся в Петербурге.

Факт поездки людей Меншикова в Москву и получения ими крупной суммы был известен Пырскому еще в пути, но капитан ограничился «домашним» расследованием происшествия и счел возможным донести о случившемся Верховному тайному совету только месяца два спустя. Это, как и прочие поблажки, являлось нарушением Пырским своих обязанностей.

17 октября 1727 г. обоз со ссыльной семьей оказался в деревне Аксиныной, что в двух верстах от Химок. Отсюда кортеж круто повернул на юг и, не заезжая в Москву, через два дня достиг Люберец. Дальнейший путь лежал по Коломенской дороге, и 3 ноября, т. е. почти два месяца спустя после выезда из Петербурга, Меншиков был доставлен наконец в Ранненбург. Здесь через три дня произошло событие, круто изменившее и судьбу Меншикова, и карьеру Пырского,

6 ноября ссыльный решил отметить день своего рождения. Семейный праздник он использовал для очередных подношений капитану и всей страже, включая солдат.

По требованию Пырского, считавшего, что Ранненбург «крепость немалая и содержания требует искуснова», численность охраны была доведена до 195 человек. Меншиков выдал солдатам, охранявшим его с начала пути, по 1,5 руб., а прибывшим позже из Москвы — по 1 руб., капралам — по 5 руб., сержантам — в 2 раза больше, прапорщику — 20 руб., капитану-поручику — 50 руб. Самый дорогой подарок, позже оцененный в 150 руб., — перстень с алмазами — достался Пырскому. Кроме того, Меншиков в дополнение к казенному рациону велел выдавать каждому солдату по одной копейке в день на мясо и рыбу.

Надо полагать, что среди облагодетельствованных князем людей начались распри из-за размера полученной подачки и Пырский, опасаясь доноса, решил упредить события. 9 ноября 1727 г. он отправил в Верховный тайный совет доношение с сообщением о получении подарков не только здесь, в Ранненбурге, но и в дороге²².

Как же жилось князю в течение двух месяцев, когда он находился под надзором Пырского?

Меншиков, как явствует из документов, рассчитывал, что Ранненбург станет для него последним убежищем, где он будет коротать жизнь до конца дней своих, и поэтому принимал меры, чтобы устроиться в нем поудобнее, и думал о завтрашнем дне. Еще будучи в пути, он проявлял заботу о благоустройстве своей новой резиденции. В Ранненбург он отправил несколько распоряжений о заготовке столовых запасов, меда и пива, ремонте хором, приобретении рыбы на Покровской ярмарке. Приказчикам вотчин, расположенных близ Волги, велено было проявить старание «о покупке и присылке яицкой и волжской разных засолов икры», а московский приказчик должен был обеспечить дом разными сортами вина²³.

Режим содержания ссыльного, видимо, не отличался строгостью. Меншиков по-прежнему покупал благосклонность капитана Пырского разного рода подношениями, которые тот охотно принимал и после того, как известил Верховный тайный совет о том, что князь не скупился на подарки. Поводов для приема подношений было немало: то день рождения Пырского, то именины его супруги, то встреча нового года. В руках Пырского оказались золотые часы, табакерка, перст-

ни, отрез золотой парчи на камзол и даже пара поношенных платьев с княжеского плеча.

Впрочем, в донесениях Пырский не упускал случая подчеркнуть свою строгость. Он, например, сообщал, что из-за отсутствия церкви в пределах крепости он вывозит князя и его семью на богомолье за ее стены «с крепкою предосторожностью» — в сопровождении 40 пеших и 6 конных солдат. «А город,— доносил Пырский,— на ночь по пробитии зори, как утренней, так и вечерней, запираю и отпираю».

И все же от бывшего величия остались жалкие воспоминания. Семья князя хотя и пользовалась услугами двора, но численность ее уменьшилась более чем вдвое: выехали из Ранненбурга слуги-иностранцы, исчезли певчие, карлы, убавилось лакеев и конюхов. В Петербурге проснувшегося князя ждала толпа вельмож и придворных. В Ранненбурге вместо вельмож у дверей стоял часовой, зорко следивший за каждым шагом узника.

Жизнь семьи, успевшей как-то приспособиться к условиям ссылки, была в начале января 1728 г. нарушена появлением в Ранненбурге двух новых лиц — гвардии капитана Петра Наумовича Мельгунова и действительного статского советника Ивана Никифоровича Плещеева. Первый из них должен был заменить Пырского на посту начальника караула.

В Верховном тайном совете в действиях Пырского усмотрели грубые нарушения инструкции и режима содержания ссыльного. Поэтому Мельгунова снабдили новой инструкцией, устанавливавшей более жесткий режим заточения. Строже стал контроль за перепиской Меншикова. В инструкции читаем: «Чтоб ни единое письмо ни к ним, ни от них мимо твоих рук не миновало». Всю корреспонденцию, показавшуюся Мельгунову подозрительной, надлежало доставлять Верховному тайному совету, а с писем следовало пересылать экстракты. Ограничивались права Меншикова на вотчины — ему было запрещено заключать какие-либо сделки. Инструкция содержала новый пункт, навеянный отправлением должности начальника караула предшественником Мельгунова. Пункт вписан последним и от остального текста отличается почерком: «У него же, Пырского, принять остаточную у него денежную казну. А от князя Меншикова как тебе самому никаких подарков не брать, так и подчиненным брать отнюдь не допускать под опасением за преступление по военному артикулу»²⁴. Плещеев тоже был снабжен инструкцией. Президент Доимочной канцелярии, человек, по отзывам современников, весьма свирепый, в дни могущества Меншикова

постоянно отиравшийся в приемной его дворца, теперь, согласно инструкции, должен был выполнять роль следователя.

К опальному вельможе предъявили множество финансовых претензий частные лица и государственные учреждения. Плещеев должен был потребовать от Меншикова ответа в расходовании казенных сумм. Долги ссыльного, реальные и мнимые, дали Верховному тайному совету повод велеть Плещееву описать все его «пожитки», опечатать их и приставить караул. Следователю, кроме того, надлежало отобрать у Меншикова и его сына «чужестранные кавалерии» — иностранные ордена, «понеже,— как сказано в инструкции,— чужестранные потентаты чрез своих министров» требовали их возвращения. Одно поручение, весьма деликатное, выполнение которого требовало соответствующих навыков, объясняет, почему при назначении следователя выбор пал именно на президента Доимочной канцелярии.

Двор и столичные сановники твердо уверовали в несметные богатства Меншикова. Эта убежденность подкреплялась еще и тем, что князь в дополнение к доходам с вотчин в 1727 г. взял у казны на расходы около 200 тыс. руб. Члены Верховного тайного совета надеялись обнаружить в княжеском дворце уйму денег наличными. Но вот незадача: «денег в доме ево ничего не является», — разочарованно отметила инструкция. Плещеев должен был допросить Меншикова, «чтоб он сказал подлинно, без утайки, куда взятую в нынешнем году сумму употребил или где и у кого в сохранении положены. Також, нет ли где в чужестранных государствах в банках и в торгах»²⁵.

Плещеев начал составление описи имущества 5 января 1728 г. В присутствии Меншикова, членов его семьи и многочисленной челяди открывались один за другим подголовки, сундучки, ларчики, футляры, из которых извлекали усыпанные бриллиантами, жемчугом и изумрудами шпаги, трости, пряжки, запонки, перстни, портреты и т. д. В общей сложности в опись было включено 425 предметов различных наименований, принадлежавших Меншикову, его супруге, сыну и двум дочерям. Поскольку многие драгоценности записывали под одним номером и называлось их общее число (например, «15 булавок, на каждой по одному бриллианту» или «2 коробки золота литого», «2 больших алмаза в серебре», «95 камней лаловых больших и средних и самых малых»), то общее количество предметов достигало нескольких тысяч. Среди конфискованных предметов находилась и трость, изготовленная по эскизу Петра и подаренная Меншикову за

Калишскую победу. Она, согласно описи, выглядела так: «Трость, набалдашник золотой, весь осыпан алмазами, а между алмазами 3 места финифтных, наверху набалдашника большой изумруд зеленой; внизу набалдашника, где лента вдевается, два колечка маленькие алмазные, наколочник золотой, при том кольцо с алмазами, одного алмаза нет». Подарки и награды иностранных коронованных особ тоже стоили немалых денег: шпага с золотым эфесом, украшенным алмазами,— подарок польского короля; запонка с большим алмазом, подаренная прусским королем, датский орден Слона с шестью большими бриллиантами. Среди «пожитков» княжеской семьи интересны предметы домашнего обихода и гардероб вельможи, его супруги и детей. Вся посуда была сработана из серебра: чайники, подносы, сахарницы, кофейники, ножи, вилки. Даже «блюдо, что брейутца» и «уринник с ручкою» (ночной горшок) были серебряными. Поражает огромное количество одежды князя. Перечень ее вполне подтверждает репутацию, которую снискал светлейший среди современников: он был модником и тщательно следил за экипировкой. Плещеев признал лишними и, следовательно, подлежащими конфискации 13 пар верхней одежды (кафтанов и штанов), сшитой из бархата и сукна различной расцветки, 6 телогреек, 147 рубах без манжетов и с кружевными манжетами, из голландского полотна, около 50 кружевных и кисейных галстуков, 55 простых и шелковых чулок, 25 париков, огромное количество простынь, подушек, скатертей.

Гардероб Дарьи Михайловны был скромнее, причем все вещи оставлены за нею. Помимо юбок, кафтанов, корсетов, платков, более 50 рубах, ей было оставлено под расписку множество кусков разных сортов материи: 28 аршин тафты, 62 аршина байбарека, 8 аршин белого атласа, узлы с разноцветными лентами.

Второе место после главы семьи по количеству драгоценностей и одежды занимала старшая дочь Мария. Нареченную невесту царя князь обеспечил богатым приданым. Перечень принадлежавших ей драгоценностей, разумеется конфискованных, включал свыше 200 наименований. Среди них четыре бриллиантовых креста, множество ниток крупного и мелкого жемчуга, сотни бриллиантов и изумрудов, серьги, кольца, пряжки, подвески, запонки, «две персоны арапских, литых в золоте, при них искры алмазные», портреты Петра, Екатерины и Дарьи Михайловны, украшенные бриллиантами и алмазами. В списке изъятых вещей находилась пудреница, чер-

нильница с двумя песочницами, игла золотая, серебряная «готоваленка», зрительная труба. Вся одежда и обувь, а также шесть вееров и соболя муфта были оставлены Марии.

Закончив составление описи драгоценностей и имущества, Плещеев призвал всех слуг князя и под угрозой смертной казни предложил сообщить о деньгах и вещах, утаенных Меншиковым от следствия. Обращение к прислуге не дало ожидаемых результатов, хотя все же было кое-что обнаружено сверх предметов, включенных в опись.

Один из слуг донес, что в Москве у княгини Татьяны Шеховской хранится ларчик Меншикова с драгоценностями «тысяч на сто и больше». Князь признал, что у Шеховской находится ларчик, но, по его мнению, «в том ящике золотых вещей, например, только тысячи на три или на четыре»²⁶. Кстати, ларчик оказался у Шеховской задолго до падения Меншикова. Слуги узнали о его существовании только потому, что в Москву с дороги в Ранненбург был отправлен за ним Фурсов, но он его не привез из-за разногласий по поводу процедуры передачи. Фурсов настаивал, чтобы ларчик был вскрыт и его содержимое описано, а Шеховская отказывалась это сделать.

Другая попытка утаить деньги была сделана с целью обеспечить на черный день не собственную семью, а свояченицу Варвару Михайловну. Речь идет о 22 тыс. руб., доставленных семье Меншикова из Московской домовой конторы, когда ссыльные находились в пути. Половину этой суммы князь взял себе и ее остатки были изъяты Плещеевым, а другую половину он передал свояченице, будущей инокине Варсонофии, отправленной в монастырь.

Три складня, два из них усыпанных бриллиантами, один — изумрудами, оцененных в 22 тыс. руб. на тогдашние деньги, т. е. самые дорогие предметы, были переданы на хранение служанке Екатерине Зюзиной. Месяц после приезда Плещеева она хранила тайну, а затем не выдержала и донесла.

Современная молва сокровища Меншикова оценивала в фантастические суммы. Князь Куракин сообщал, что ежегодный доход князя с вотчин достигал 150 тыс. руб., «также и других трезоров (драгоценностей) великое множество имел, а именно в камнях считалось на полтора миллиона рублей». Среди «каменьев» выделялся «яхонт червшатой (т. е. рубин. — *Н. П.*) великой цены по своей великости и тяжести и цвету, которой считался токмо един в Европе»²⁷. Богатства князя в представлении Куракина выглядят ничтожными по сравнению с тем, что на этот счет сообщал саксонский посланник

Лефорт. В октябре 1727 г. он доносил в Дрезден: «Одни говорят, что вещи, отнятые у него в дороге, превышают 20 миллионов, другие же говорят, что только пять»²⁸. В другом доносении, отправленном в конце ноября, Лефорт сообщал: «Составляется опись имуществу, оставшемуся в доме князя Меншикова. Собирают все данные о незаконно приобретенном им в различное время из государственной казны, как то: на 250 000 серебряной столовой посуды, на 8 000 000 червонных и на 30 000 000 серебряной монеты. Все это кажется невероятным»²⁹. Сообщенные Лефортом цифры, правда, с упоминанием его сомнений относительно их достоверности попали на страницы трудов историков³⁰.

Слово «невероятно» слишком слабо отражает преувеличение Лефортом реальных богатств Меншикова. Их оценку следует признать плодом ничем не сдерживаемого полета фантазии. Лефорт черпал информацию из абсолютно недостоверных источников. Точно известно, что в пути у Меншикова никто деньги не изымал. Из инструкции Плещееву мы также знаем, что во дворце князя в Петербурге никаких денег не обнаружено. Но даже если бы в нашем распоряжении не было оценочных ведомостей сокровищ князя, то и в этом случае сведения Лефорта можно легко опровергнуть. Для этого достаточно сопоставить бюджет России с приводимыми Лефортом цифрами.

В 1724 г. казна намеревалась получить 8,5 млн. дохода. Он складывался из подушной подати, взимаемой с 7 млн. налогоплательщиков, а также разнообразных косвенных налогов. Богатства Меншикова в деньгах и драгоценностях с учетом перевода червонных в рубли оценивались, по Лефорту, суммой от 51 250 тыс. до 66 250 тыс. руб.!

Воображение современников, судачивших по поводу несметных сокровищ Меншикова, видимо, подогревалось просочившимися сведениями об изъятии у него крупнейшего в Европе яхонта. Эта драгоценность стала предметом особых забот Верховного тайного совета в связи с тем, что камень стоил колоссальных денег — Меншиков в 1706 г. заплатил за него какому-то сибирскому купцу 9 тыс. руб. В журнале от 10 сентября 1727 г. читаем: «Призваны Алексей Макаров и Петр Мошков и приказано им, чтоб они камень яхонт большой у князя Меншикова взяли». Запись следующего дня отметила выполнение указа: «Впущен был Петр Мошков и объявил камень большой лаловой, который по вчерашнему приказу взял он у князя Меншикова, и тот камень для отдачи е. и. в. принял барон Андрей Иванович Остерман»³¹.

Сведения о сокровищах Меншикова можно отчасти проверить по оценочным ведомостям изъятых у него драгоценностей, а также наличных денег. Считаем, что «отчасти», ибо цена, проставленная в ведомостях, занижена по крайней мере в 2—3 раза. Драгоценности были оценены в 120 тыс. руб. Реальная их цена, видимо, равнялась 300 тыс. руб. Каково же было удивление Плещеева, когда он в сундучках князя вместо ожидаемых миллионов обнаружил сухую безделицу — 11 156 руб. русской монетой и на 1455 руб. иностранной валюты. К этой сумме следует прибавить еще 6594 руб. и 88 червонных, отписанных в казну и приморских дворцов домовою конторе, ведавшей ингерманландскими и копорскими вотчинами, а также 73 822 руб., конфискованные в Петербурге. Наконец, приплюсуем 11 тыс., подаренных Варваре Михайловне, и 1 тыс. руб., отданную купцу на приобретение мехов, вина и прочего. Без большой погрешности общую сумму сокровищ и денег Меншикова можно определить в 400 тыс. руб. Тоже сумма немалая! Если перевести деньги того времени на курс золотого рубля начала XX в., то получим около 3,5 млн. руб.

Работный человек средней квалификации на мануфактуре во времена Меншикова получал 18 руб. в год.

Уместно вспомнить, что в начале жизненного пути все богатство Меншикова составлял кузов, наполненный пирогами. На склоне лет для доставки в Москву одних только драгоценностей и денег понадобилось шесть сундуков.

Сумма в 400 тыс. руб., разумеется, не отражала всего богатства Меншикова. Здесь речь идет только о наличных деньгах и драгоценностях. Немалых денег стоила обстановка дворцов Меншикова в Ораниенбауме, Кронштадте, Москве и Нарве. Главное же богатство князя составляли многочисленные вотчины, крепостные крестьяне, промысловые заведения, дворцы, мебель, хрусталь, ковры, картины, одежда и пр.

Какова дальнейшая судьба сокровищ светлейшего, кто стал владельцем осыпанного бриллиантами складня, оцененного в 16 тыс. руб., бриллианта к прусскому ордену Черного орла в 7 тыс. руб., кому достались запонки, серьги, перстни, булавки и прочее добро?

Канули в неизвестность — таков самый краткий ответ. Попытки обнаружить следы сокровищ Меншикова в собраниях главных музеев страны — Эрмитаже, Оружейной палате, Историческом музее — не увенчались успехом.

На судьбу сокровищ и имущества Меншикова предлаивают свет архивные документы.

Гардероб княжеской семьи доставили в Москву. Частично им воспользовались дети Меншикова, возвращенные из ссылки в 1731 г.

Перечень предметов, полученных Александром и Александрой Меншиковыми, занимает свыше 30 архивных листов. Среди них разнообразная мужская одежда: камзолы, кафтаны, шапки, шляпы, чулки, перчатки, галстуки, 23 парика. Женская одежда представлена менее богато: юбки, корсеты, муфты и т. д. Наследники получили немало столового и постельного белья. Посуда, возвращенная наследникам, была медной и оловянной³². Большая часть одежды стала жертвой времени и небрежного хранения. Летом 1730 г. Московская губернская канцелярия сообщала, что кровля дома, где хранилось имущество, дала течь, отчего, как сказано в доношении, пожитки «весьма трупуют»³³.

Любопытна судьба предметов, доставшихся в приданое Александре Александровне, вышедшей замуж за брата фаворита императрицы Анны Иоанновны — Густава Бирона.

Александра Александровна умерла бездетной в 1736 г., а четыре года спустя катастрофа постигла и Биронов — Эрнст Бирон, ставший после смерти Анны Иоанновны регентом, в результате дворцового переворота вместе с братьями оказался в ссылке в Березове. Имущество Густава Бирона было конфисковано, в том числе и полученное в приданое покойной его супругой. Таким образом, части имущества Меншикова суждено было дважды подвергнуться конфискации.

Законным наследником приданого был брат покойной Александр Александрович, но он по каким-то причинам объявил свои права на него только в 1752 г. В челобитной он сообщал, что за сестрой было отдано из возвращенного имущества отца «пожитков тысяч до семидесяти, да деревни купленные, лежащие в Польше, Горы Горки, которые проданы графу Потоцкому за восемьдесят тысяч рублей, и деньги за сестрою моею в приданство не были отданы ему, Бирону».

Мы не ручаемся за точность оценки «пожитков», ибо в челобитной Александра Александровича сказано, что Горы Горки были проданы за 80 тыс. руб., а на проверку оказалось, что продажная цена была на 10 тыс. руб. меньше и составила всего 70 тыс. Во всяком случае, к 1740 г., когда составлялась опись конфискованного имущества, «пожитки» Густава Бирона оценивались в 5696 руб., в том числе женского платья на 1051 руб., фарфоровой и хрустальной посуды на 331 руб., а медной и оловянной — на 297 руб. Остальные предметы, бесспорно принадлежавшие А. А. Меншиковой, большой цен-

ности не представляли. Это прежде всего множество портретов князя, его супруги, детей и всей семьи, выполненные финифтью на меди и оцененные от 2 до 6 руб. каждый, а также несколько картин. Изделий из золота и серебра, за исключением двух золотых перстней с вынутыми камнями, а также прочих драгоценностей опись не зарегистрировала. Относительная скромность конфискованных «пожитков» дает основание предположить, что Густав Бирон, возможно, готовился к падению брата и сумел заблаговременно куда-то пристроить драгоценности.

Имущество Густава Бирона, как отмечалось выше, было оценено в 5696 руб., а с торгов его продали за 13 963 руб. Следовательно, купцы-эксперты, привлекаемые Канцелярией конфискации в качестве оценщиков, имели обыкновение проставлять на предметы, изъятые у опальных лиц, не реальные, а значительно заниженные цены³⁴.

Иностранные ордена Меншикова без бриллиантов были отправлены в Иностранную коллегию, а часть русских — обрела новых владельцев. Орден святой Екатерины, изъятый у сына Александра Даниловича, царь отдал своей сестре Наталье Алексеевне, а орден Александра Невского, отобранный у пажа гареченной невесты, вручил фавориту Ивану Долгорукову. Прочие ордена с бриллиантами, принадлежавшие самому светлейшему и оцененные в 11 500 руб., были употреблены в дом его императорского величества.

Наиболее ценные предметы из меншиковских сокровищ Петр II подарил Наталье Алексеевне. В их числе упоминавшийся выше бриллиантовый складень, бриллиант к «прусской кавалерии», золотой пояс с пряжкой, усыпанной бриллиантами, и множество других украшений.

Использование остальных сокровищ связано с двумя событиями в царском доме: коронацией Петра II и смертью его сестры. По распоряжению Остермана серебряную посуду Меншикова весом около центнера передали «для убору ко гробу» царевны³⁵. На изготовление короны использовали бриллианты, алмазы, изумруды, жемчуг. Их пришлось извлечь из пуговиц, портретов, запонок, петлиц, крестов. Общая их стоимость превышала 29 тыс. руб.

Все, что осталось от дележа, присвоила императрица Анна Иоанновна. Бывшая курляндская герцогиня, в своем захолустье отнюдь не избалованная роскошью, волею случая ставшая императрицей, затребовала драгоценности на следующий же день по восшествии на престол. Доставленные в ее дворец предметы она, как написано в официальном до-

кументе, «пересматривать изволила и по пересмотру указала те вещи» на общую сумму в 22 872 руб. оставить у себя³⁶.

Покончив с составлением описи драгоценностей и имущества, Плещеев приступил к допросам Меншикова. Ему надлежало выяснить связи Меншикова с шведским сенатором Дибеном, которому он якобы дал гарантию, «что со стороны российской ничего опасаться не надлежит, понеже власть в войске содержится у него в руках и наипаче, что тогда здоровье ее величества государыни императрицы зело в слабом состоянии и чает он, что век ее долго продлится не может». Такое обещание Меншиков дал небескорыстно: «Оное его приятельское внушение Швеции не было забвенно, ежели ему какая помощь надобна будет». Шведский посол в Петербурге барон Цедеркрейц будто бы выдал Меншикову взятку в 5 тыс. червонных за информацию о внешнеполитических планах России по отношению к Швеции³⁷.

Иными словами, у Верховного тайного совета было намерение обвинить Меншикова в государственной измене. Подозрение в измене покоилось на донесениях русского посланника в Стокгольме графа Головкина, сына канцлера. Сначала он сообщил о доверительном разговоре с каким-то доброжелателем, который намекнул об изменнических действиях Меншикова, а затем во втором донесении поручился за достоверность этих сведений.

В Петербурге были допрошены три секретаря Меншикова. Все они не подтвердили обвинения: никаких писем, «противных ее императорского величества и Российской империи в чужестранные государства и особливо в Швецию ни к кому не писали». Не удалось обнаружить следов преступной переписки и в опечатанной канцелярии Меншикова³⁸. Показания взятых под стражу секретарей Остерман и Голицын признали убедительными, и они распорядились освободить их. Осталось допросить самого Меншикова.

Плещеев вел допросы Меншикова в присутствии капитанов Мельгунова и Пырского. Допрашиваемый был предупрежден, чтобы он сказывал самую истинную правду. В случае если он будет заперяться и о том сыскано будет, тогда уже с ним «инако поступлено будет»³⁹. Обвиняемый категорически отрицал как получение взятки, так и действия, направленные против интересов России.

Помимо официальных допросов, Плещеев вел с Меншиковым частные разговоры. Формально они якобы происходили с глазу на глаз, как непринужденный обмен мнениями, но их подслушивали заранее спрятавшиеся за ширмой капитан

Пырский и подпоручик Ресин. Правда, всего им расслышать не удавалось, но во время одного из таких частных разговоров они уловили следующие слова Меншикова: «С шведской де стороны и много разговоров бывало и говорено, чтобы им отдать Ригу и Ревель и из Выборга Шувалова и Порошина вывести и определить иноземца, и за то обещали ему, кн. Меншикову, отдать во владение Ревель и объявить князем в Ингрии, и он кн. Меншиков того по верности своей к его императорскому величеству и ко всему Российскому государству не учинил». Ингрия и так моя, к тому ж и Ревель — рассудил князь ⁴⁰.

Разговор, хотя и не официальный, тем не менее был запротоколирован и давал членам Верховного тайного совета некоторые основания рассуждать, что коль к Меншикову обращались с подобными предложениями, то, следовательно, обращавшиеся имели к тому резон. Однако, как справедливо отметил историк В. Н. Нечаев, исследовавший следственное дело Меншикова, между честолюбивой склонностью князя к славе и богатству и доказанностью обвинения — дистанция огромного размера. Возможно, что предложения, о которых заявил Меншиков, действительно исходили от шведской стороны. Возникает тогда вопрос: мог ли будущий тесть императора, человек, фактически правивший страной, поступиться государственными интересами России и интересами династии, с которой он должен был вступить в родство, ради того, чтобы к своему и без того пышному титулу добавить что-либо вроде «герцога Ревельского»? Тем более, что он и без шведских обещаний был губернатором Ингерманландии и герцогом Ижорским. Инкриминировать Меншикову измену нет оснований еще и потому, что сам Верховный тайный совет после его падения в отношениях с Швецией придерживался такой же осторожной политики, какую проводил князь.

Плещеев допрашивал Меншикова и по поводу вымогательства им у герцога голштинского 80 тыс. руб. После смерти Екатерины герцога выдворили из России, причем перед отъездом он должен был получить 300 тыс руб. Меншикову ставилось в вину, что он вынудил герцога из этой суммы выдать крупный куш в 80 тыс. руб. якобы «за труды», т. е. за хлопоты. В инструкции Плещееву действия Меншикова названы «дерзким вымогательством».

В этом обвинении налицо тоже передержка. Во-первых, деньги были выданы герцогу без участия (во всяком случае формального) Меншикова на основании завещания Екатерины и определения Верховного тайного совета, на заседании

которого он, кстати, не присутствовал. Следовательно, Меншиков не мог претендовать на вознаграждение «за труды». Тем не менее деньги Меншиков все-таки получил, но совсем при иных обстоятельствах. Он заявил следователю, что герцог накануне отъезда сам подарил вотчины в Голштинии, оцениваемые в 100 тыс. руб. От щедрого подарка светлейший не отказался, но пожелал взять его деньгами. 60 тыс. он получил наличными, а на 20 тыс. ему был выдан вексель. Мысль обвинить Меншикова в вымогательстве пришла герцогу после падения светлейшего, когда Верховный тайный совет обратился с призывом, чтобы все, кто имел к нему претензии, немедленно их предъявили.

В задачу Плещеева входило и расследование хищений Меншикова. О масштабе казнокрадства Меншикова среди иностранных дипломатов при русском дворе ходили слухи, о которых было сказано выше. Сумма начета, предъявленного Меншикову, равнялась 110 тыс. руб., 1 тыс. ефимков и 100 червонным. Из этой суммы Меншиков признал обоснованными претензии казны только на 100 червонных. Остальной начет он оспаривал, причем историк, занимавшийся изучением следственного дела, признал доводы Меншикова убедительными. Это не исключает использования князем власти в корыстных интересах. Так, иск на 32 825 руб. за неуплату таможенных пошлин он отклонил, опираясь на указ Екатерины о невзыскании с него штрафов и начетов, образовавшихся по 1721 г. Такой указ действительно был обнародован 8 декабря 1725 г. Указа, освобождавшего Меншикова от возвращения в казну взятых в долг 53 679 руб., он предъявить не мог, но сослался на то, что члены Верховного тайного совета сами известили его об этом повелении Екатерины. Взятые в казну 10 тыс. руб. он тоже не возвратил, но на этот раз по устному повелению Петра I.

С какой целью Плещеев допрашивал Меншикова, в чем состоял практический смысл следствия, затеянного Верховным тайным советом четыре месяца спустя после события, обратившего всеильного влельможу в ссыльного?

Задача следствия состояла в том, чтобы доставить Верховному тайному совету необходимый материал для манифеста «О винах Меншикова»: надо было положить конец пересудам и обнародовать обвинения, убеждавшие всех как внутри страны, так и за ее пределами в том, что в Раннебург отправлен государственный преступник, достойный самого сурового наказания.

Такой манифест от имени Петра II был подготовлен Остерманом. Французский посол Маньян доносил в Париж 9 сентября, в день падения Меншикова: «Каждую минуту ожидают появления манифеста по этому делу»⁴¹. Но проходили дни, недели и даже месяцы, а манифест так и не увидел света. Его обнаружил два века спустя в ворохе архивных бумаг историк В. Н. Нечаев.

Что же удержало Верховный тайный совет удовлетворить любопытство современников?

Ответ на поставленный вопрос дает анализ проекта манифеста. Среди восьми «вин» Меншикова на первое место поставлен его произвол к лицам царствующей династии — Петру II и его бабке Евдокии Федоровне Лопухиной. Меншиков, сказано в проекте манифеста, «дерзнул нас принудить на публичный зговор к сочетанию нашему на дочери своей княжне Марье», а также «бабке нашей великой государыне Евдокии Федоровне чинил многие противности, которых в народ публично объявлять не надлежит». Все же одну «противность» составитель манифеста назвал: Меншиков не разрешил свидания царицы с внуком и заточил ее в Новодевичий монастырь в Москве.

Оба обвинения, правильные по существу, формально не могли быть предъявлены Меншикову. Известно, что «тестамент» — завещание покойной императрицы — возлагал на правительство, т. е. Верховный тайный совет, обязанность «супружество учинить» между Петром II и одной из дочерей Меншикова. Более того, Верховный тайный совет в свое время ложно обвинил Толстого и Девиера как раз в том, что они противились сватовству «на принцессе Меншиковой». Сам Остерман принимал живейшее участие в этом сватовстве. Не подлежит сомнению, что составление «тестамента», как и расправа с Девиером, Толстым и др. — дело рук Меншикова, но оно было санкционировано императрицей и тем же Верховным тайным советом, который теперь переадресовал вину Меншикову. Не менее щекотливым было также обвинение во «многих противностях» по отношению к престарелой царице Евдокии Федоровне.

Сомневаться в ее неприязни к Меншикову не приходится, она восходит, надо полагать, ко времени, когда царь зачастил в Немецкую слободу к Анне Монс. Но Меншиков напомнил о себе много позже, после так называемого суздальского розыска.

После окончания следствия по делу царевича Алексея, обнаружившего, что бывшая царица вела в Суздале отнюдь

не монашеский образ жизни, ее решено было перевести в Ладожский девичий монастырь, что в Старой Ладого, Выбор места заточения был не случайным — Старая Ладога входила в состав столичной губернии, и царь не сомневался, что губернатор Меншиков не даст никаких поблажек узнице. Так оно и случилось. Меншиков 20 мая 1718 г. подписал инструкцию капитану Маслову, назначенному начальником стражи, призванной охранять царицу, которая должна была находиться в полной изоляции: запрещались переписка и общение не только с людьми, находившимися за монастырской стеной, но и с монахинями.

Царица, освобожденная из заточения, не преминула воспользоваться падением временщика и отправила своему внуку письмо с жалобами на него: «Хотя давно желание мое было не только поздравить ваше величество с восшествием на престол, но по несчастию моему по се число не сподобилась, понеже князь Меншиков, не допустя до вашего величества, послал меня за караулом к Москве». Вероятно, так оно и было. Но Меншиков и в данном случае обставил дело столь предусмотрительно, что обвинить его в самоличном решении этого вопроса, по крайней мере формально, нет оснований. Сама Евдокия в письме Верховному тайному совету выразила желание переселиться из Шлиссельбурга в Новодевичий монастырь и просила, чтобы «определено бы было мне нескучное содержание в пище и прочем». Будучи в это время больным, Меншиков пригласил к себе членов Верховного тайного совета, которые и распорядились удовлетворить просьбу ивокини Елены. Заметим, что стремление Евдокии Федоровны Лопухиной к активной жизни при дворе грозило неприятностями не только Меншикову, но и самому Остерману, а также Голицыну и Апраксину.

Шаткость обвинений Меншикова была очевидна. В одних случаях вина, возводимая на Меншикова, в равной мере относилась и к Верховному тайному совету, в других — обвинения не представлялись убедительными. У членов Совета теплилась надежда обосновать «вины», перечисленные в проекте манифеста, и добыть новые факты. Но миссия Плещеева разочаровала — следовательно ничего нового в столицу не привез. Именно поэтому Верховный тайный совет воздержался от обнародования манифеста — Меншикова, таким образом, отправили в ссылку без следствия и суда. В опубликованном 27 марта 1728 г. указе о преступлениях Меншикова сказано глухо и в самой общей форме: «За многие и важнейшие к нам и государству нашему и народу показанные преступления

смертной казни достоин был, однако же по нашему милосердию вместо смертной казни сослан в ссылку»⁴².

Что нового внесло в жизнь ссыльной семьи появление в Ренненбурге Плещеева и Мельгунова?

Прежде всего, князя лишили огромных богатств, представленных не столько драгоценностями, сколько вотчинами. Из его владений, разбросанных по всей территории Европейской России и за границей, можно было бы составить не одно немецкое княжество средней руки. Теперь ему оставили только тысячу крепостных. Правда, эта утрата в месяцы, проведенные под надзором Мельгунова, еще не сказалась — Меншиков расходовал имевшиеся у него наличные деньги. Зато конфискация части пожитков и уменьшение числа слуг сразу же лишили его прежней роскоши и бытовых удобств, к которым он привык за многолетнюю жизнь в столице.

Во времена Пырского Меншиков в значительной мере был предоставлен самому себе. Он мог проводить многие часы наедине со своими думами или в окружении членов семьи. С приходом следователя и нового начальника караула он должен был проводить многие часы в их обществе. Опись пожитков, как и ответы на вопросы следователя, усиливали нервное напряжение, взрывы гнева перемежались с упадком сил князя, не вполне оправившегося от болезни.

Наконец, наглухо были перекрыты все каналы общения. В те три месяца, когда караулом командовал Пырский, Меншиков отправил 35 писем-распоряжений приказчикам, слугителям, доверенным лицам. И хотя распоряжения Меншикова уподоблялись гласу вопиющего в пустыне, ибо ни одного ответа на них он не получил, они свидетельствовали о его активности, точнее, имитировали активность. Пырский, выполняя обязанности цензора, аккуратно отправлял письма адресатам, но приказчики своевременно получили предписания игнорировать распоряжения Меншикова и поэтому не отвечали на них.

Лейтмотив большинства писем — приказания о присылке с вотчин денег и припасов, стекол для ремонта оконных рам, покупке в Москве разных сортов вина. При чтении краткого изложения содержания писем в журнале Пырского создается впечатление, что в жизни Меншикова ничего не изменилось, и он, как и в прежние времена, озабочен хозяйственными делами и претворением в жизнь вотчинных планов всякого рода: снимает нерадивых приказчиков и назначает новых, хлопочет о продаже хлеба в Ладого, видимо предназна-

чавшегося для доставки в Петербург, велит возвратить какому-то купцу «нитяные кружева», оказавшиеся теперь ненужными. Несколько писем — их отправдение свидетельствовало о том, что князь помнил о своем новом положении, — содержали распоряжения об уплате долгов кредиторам: Меншиков не желал, чтобы в его адрес раздавались проклятия.

При Мельгунове этот порядок был изменен — все без исключения письма Меншикова он отправлял в Верховный тайный совет, где все они и осели. Кстати, и количество писем значительно поубавилось: в январе князь передал всего пять писем, а в феврале и марте — ни одного. Четыре из пяти писем Меншиков адресовал приказчикам украинских вотчин с предписанием прислать припасы и деньги и выражением недовольства, что его ранее отправленные письма остались без ответа. Пятое письмо предназначалось домовою конторе в Москве. Меншиков повторно просил прислать лекарства, перечень которых занимал две страницы убористого текста, а также пять ведер орехового и два ведра деревянного масла, по две дюжины рюмок и бутылок⁴³.

Ужесточение режима коснулось и отношений Меншикова с супругой и детьми. Его бесконтрольное общение с членами семьи, которые заходили к нему в спальню, где он мог, как доносил Мельгунов, говорить, «что ему надобно», вызывало у начальника караула опасения. «И нам во оном не без сомнения, и о том как ваше величество повелишь?» — спрашивал Мельгунов в донесении от 15 января 1728 г.⁴⁴

Ответа на запрос не последовало, но можно не сомневаться, коль у Мельгунова возникло «сомнение», то он не преминул воспользоваться своей властью, чтобы устранить повод для опасений. Опыт Пырского показал, что куда безопаснее перегнуть палку, чем быть обвиненным в упущениях.

В Ранненбурге Меншикову довелось жить недолго. Поводом для ссылки Меншикова в Березов послужило подметное письмо, обнаруженное в Москве как раз тогда, когда туда переехал двор на коронацию Петра II. Письмо, согласно донесению испанского посла де Лирия, восхваляло Меншикова, «великие способности и ум сего несчастного министра». Смысл сочинения, более всего смутивший членов Верховного тайного совета, состоял в том, что если Меншиков не будет возвращен к власти, «то дела никогда не пойдут хорошо». Такой ход рассуждений сочли опасным, а пребывание ссыльного в относительной близости к Москве — угрожающим для спокойствия страны. Полагали, что у Меншикова могут найтись сторонники, готовые на отчаянную попытку вернуть ему

«милости» силой. Подозрительность верховников подогрелась еще и тем, что начавшийся розыск хотя и не обнаружил автора подметного письма, но привел к важному открытию: сторонники Меншикова не только готовили общественное мнение о незаменимости князя в управлении страной, но и предпринимали практические меры, чтобы вернуть его к власти. Выяснилось, что духовник инокини Елены, а в миру Евдокии Федоровны, т. е. бабки царя, получил 1 тыс. ефимков «за то, чтобы он постарался ввести Меншикова в милость царицы»⁴⁵.

Последовал указ о ссылке Меншикова в Березов. Любопытное предписание получил Мельгунов: пожитки ссыльной семьи должны быть еще раз тщательно осмотрены, как только она выедет из Ранненбурга, «не явится ль чего у него утаенного сверх описи Ивана Плещеева, и те все пожитки у него отобрать»⁴⁶. У членов Верховного тайного совета, как видно, теплилась надежда обнаружить тщательно упрятанные векселя на миллионы. Надежда оказалась тщетной.

В восьми верстах от Ранненбурга поезд был остановлен, и началась последняя по счету проверка имущества князя, его супруги и детей. Мельгунов составил опись пожитков, с которыми князь отправился в Березов. Вильбоа в этой связи писал: «Перед отъездом из Ранненбурга сняли с Меншикова его обыкновенное платье и вместо того дали ему мужицкое, а также одели и детей его в бараньи шубы и шапки, под которыми были сокрыты кафтаны грубого сукна»⁴⁷. Слухи, запечатленные Вильбоа и позже заимствованные у него историками, писавшими о Меншикове, не соответствовали действительности. Верно, что гардероб князя и членов его семьи был скромнее того, каким ему дозволили пользоваться в Ранненбурге, но минимум вещей ему оставили. Он ехал в собольей шапке, атласном зеленом бешмете, кафтане и камзоле, вез он теплый халат, три подушки и даже пуховую шляпу. Гардероб трех женщин включал тафтяные шубы, атласные чепцы, корсеты, юбки и прочее. Из посуды было разрешено взять медный котел, три кастрюли, по дюжине оловянных блюд и тарелок, и три железные треноги. Вместе с Меншиковым в ссылку отправились и 10 его слуг.

Князь выехал из Ранненбурга 16 апреля 1728 г. Сопровождавший его лейтенант Степан Крюковской отправлял краткие донесения о продвижении к пункту назначения. 21 апреля сухим путем прибыли в Переславль Рязанский, откуда до Соли Камской двигались водою. Чем дальше от центра России, тем реже он отправлял рапорты, 5 мая он донес, что

Меншиков доставлен в Нижний Новгород «з женою, с сыном и дочерьми и служителями». Следующий рапорт, написанный в Лаишеве, датирован 18 мая: «...и при мне Меншиков с сыном, дочерьми и служителями». Супруга в этом перечне отсутствует, но вместе с тем отсутствует и донесение о ее смерти. Вряд ли Крюковской не сообщил об утрате одной из ссыльных. Скорее всего, донесение о смерти Дарьи Михайловны не сохранилось — она умерла между 5 и 18 мая. По свидетельству современников, она похоронена под Казанью.

Потеря любимой супруги, надо полагать, усугубила переживания князя. Но Крюковской времени на эмоции не отпускал — бурлаки продолжали тянуть барку и доставили ее вместе с пассажирами в Соль Камскую 24 июня. Следующее донесение Крюковской отправил из Тобольска. Он извещал, что 15 июля передал ссыльного губернатору князю Долгорукому⁴⁸.

Подневольное путешествие Меншикова в Березов, как и условия его жизни в нем, официальными документами не отражены: ни в Тобольской губернской канцелярии, ни в фонде Березовской уездной канцелярии не сохранилось ни одного документа на эту тему. Любопытные детали о жизни Меншикова и его семьи в Тобольске и Березове приводит Вильбоа, но достоверность их крайне сомнительна.

В Тобольске, повествует Вильбоа, Меншиков встретился с двумя жертвами своего произвола — чиновниками, будто бы сосланными по его повелению в этот город. Оба они обратились к бывшему вельможе со словами упрека и ругательствами, а какой-то ссыльный, одушевленный таким же, как его товарищи, негодованием, пробился сквозь народную толпу, схватил ком грязи и бросил в сына Меншикова и сестер его. Меншиков обратился к нему и сказал: «В меня надобно было бросить; если ты требуешь возмездия, требуй его от меня, но оставь в покое бедных, невинных детей моих».

Дальнейшие рассуждения Меншикова составлены в духе героев античных трагедий. Одному из ругателей он сказал: «Если в том состоянии, в каком я нахожусь, ты не находишь другого средства удовлетворить себя, кроме оскорбительных ругательств, — продолжай; я выслушаю тебя, не отрицая твоей досады. Мнение твое справедливо, но оно недостойно человека, которым пожертвовал я только политике, ибо считал тебя чиновником с достоинствами, но видел, что ты не согласишься с моими намерениями».

В Тобольске Меншикову было выдано 500 руб. Получая их, он будто бы заявил, что в пустынном краю, куда его по-

везут, с деньгами делать нечего, и просил приобрести на них предметы, необходимые ему в Березове. Меншикову было разрешено купить орудия и инструменты для обработки дерева и почвы, а также семена, мясо и рыбу.

«Из сей сибирской столицы повезли его и детей в маленькой открытой повозке, ведомой лошадью, а в иных местах собаками, до Березова». По словам Вильбоа, путь до Березова занял пять месяцев.

В пути новое приключение, описание которого, похоже, включено в текст, чтобы дать возможность Меншикову прозвонить назидательные сентенции: ссыльный встретился с прежним своим адъютантом, возвращавшимся из экспедиции Беринга. Вильбоа передает разговор, якобы состоявшийся между ними. Драматизм ситуации придает одна подробность: в человеке, обросшем бородой и облаченном в мужицкое платье, адъютант не узнал Меншикова, в то время как Меншиков признал в офицере своего адъютанта. Приводится диалог с переживаниями столь же сентиментальными, как и мало правдоподобными.

«Офицер спросил: по какому случаю знает он его имя и кто он такой.

— Да разве ты не узнаешь меня, Александра? — спросил Меншиков.

— Какого Александра? — сердито вскричал офицер.

— Александра Меншикова, — ответил ему мнимый мужик.

— Уж очень я знаю его светлость и должен знать, — сказал офицер. — Да ведь он не ты.

— Нет, это я сам, — ответил Меншиков.

Офицер, почитая подобную встречу вовсе невероятной, подумал, не с ума ли сошел этот мужик, и не заботился о словах его. Тогда Меншиков взял офицера за руку, отвел к окну, которым проходил в хижину свет, и сказал:

— Вглядишься в меня хорошенько и припомни черты твоего прежнего генерала.

Офицер, посмотревши внимательно несколько времени, начал узнавать Меншикова и с изумлением воскликнул:

— Ах, князь, каким событиям подверглись вы, ваша светлость, печальному состоянию, в каком я вас вижу.

— Оставим князя и светлость, — прервал его Меншиков. — Я теперь бедный мужик, каким я родился. Господь, возведший меня на высоту суетного величия человеческого, низвел меня в мое первобытное состояние».

Нагнетая драматизм, Вильбоа подключил к разговору сына, обратившегося к бывшему адъютанту со словами упрека:

— Разве и ты также не хочешь узнавать нас в нашем несчастии, ты, который так долго и так часто ел хлеб наш?

Меншиков поведал офицеру о том, что случилось в государстве за годы, когда тот находился за 2500 лье от столицы, рассказал, как он оказался низверженным «с высоты величия в то бедственное состояние, в каком ты меня видишь».

В заключение беседы Меншиков просил передать своим недругам Долгоруким, что он, Меншиков, никогда не был так здоров, как ныне, «и в неволе моей наслаждаюсь свободой духа, которой не знал я, когда правил делами государства».

Отправив офицера в дальний путь, Вильбоа рассказывает, что Меншиков вместе с восемью мужиками, оставленными при нем из числа слуг, срубил себе дом. Какой-то добродетельный друг, имени которого не знали ни Меншиков, ни его семья, снабдил его четырьмя коровами и быком.

Еще одно испытание выпало на долю Меншикова — через полгода жизни в Березове дети заболели оспой. Старшая дочь Мария умерла у него на руках, но Александра и Александру ему удалось выходить. Но наступил черед расставания с жизнью и самого Меншикова. Приведем монолог, произнесенный Меншиковым детям накануне смерти:

— Дети мои, я приближаюсь к моему последнему часу. Никогда не помышлял я о смерти, пока не был здесь, и ничего не представляла бы она для меня, кроме утешения, если бы, являясь перед лицом господя, я должен был отдать ему отчет только о времени, протекшем в моей ссылке. Ум, а паче вера, приобретаемая мною во дни моего благоденствия, вразумляют меня, что если правосудие божие бесконечно, то и милосердие его, на которое я уповаю, также беспредельно. Совершенно довольный расстался бы я с миром и с вами, если бы оставил я здесь только пример добродетелей. Сердца ваши донныне были чужды разврата, пребывают невинны, и вы легче бы сохранили бы невинность свою среди сих пустынь, нежели там, в мире. Потому не желаю я даже возврата вашего туда и всегда прошу вас вспоминать о примере, который подавал я вам здесь в заточении. Силы оставляют меня. Приблизьтесь, дети мои, чтобы я мог благословить вас.

Он хотел протянуть руку свою, но сил у него не достало; голова его упала на подушку; легкие судороги сжали его тело, и он скончался. Дети похоронили его в часовне, подле дочери, по желанию, какое многократно изъявлял он в последние дни жизни».

Наконец, еще один правоучительный сюжет. Судьбе, а также Вильбоа угодно было свести дочь Меншикова с Долгоруким, отправленным в ссылку в тот же Березов после неудачной попытки ограничить самодержавную власть Анны Иоанновны.

Однажды Александра Меншикова, следуя в церковь, заметила в окне хижины какого-то мужика, который, как ей показалось, имел желание начать с нею разговор. Выяснилось, что мнимый мужик — князь Долгорукий. Он сообщил о смерти Петра II и гонениях на Долгоруких: «Нас везли сюда жестокие гонители и враги наши, как величайших злодеев — лишили нас даже самого необходимого в жизни. Жена моя умерла дорогой, дочь моя умирает и, конечно, не избегнет смерти. Но несмотря на бедствие, в котором я нахожусь, я надеюсь еще дожить до того, что увижу здесь врагов моих, погубивших по злобе своей меня и мое семейство».

О неожиданной встрече Александра рассказала своему брату, и тот хотел немедленно отомстить Долгорукому, которого считал виновником всех несчастий семьи, но сестра отговорила его.

Повествование Вильбоа венчает сюжет о возвращении Александры и Александра Меншиковых из ссылки. «В описях имения и бумаг Меншикова нашли, что у него находились значительные суммы в банках Амстердамском и Венецианском. Русские министры неоднократно требовали выдачи сих сумм на том основании, что все имение Меншикова принадлежало правительству русскому по праву конфискации. Но требования не были исполнены, ибо директора банков, строго следуя правилам своих заведений, отказывались отдать капиталы кому бы то ни было, кроме того, кто положил их, и отдали их тогда только, когда утвердились, что наследники Меншикова были на свободе и могли распоряжаться своим достоянием. Полагали, что сии капиталы, простирившиеся более нежели на полмиллиона рублей, обращены были в приданое княжне Меншиковой и что сему обстоятельству юный князь Меншиков одолжен был местом штаб-капитана гвардии и получил пятидесятую часть недвижимых имений, коими владел его отец»⁴⁹.

В своем месте мы обращали внимание на неточности в сочинении Вильбоа. В целом о его мемуарах можно сказать так: чем дальше от столицы происходили описываемые им события, тем менее достоверно их описание. Совершенно очевидно, что сведения о жизни Меншикова в Ранненбурге и Березове Вильбоа мог почерпнуть только от вторых или даже

третьих лиц. Вымыслы и домыслы автор мемуаров дополнил собственными измышлениями. Сочинение Вильбоа, таким образом, превращается в литературный памятник, разукрашенный многими занимательными либо морализующими сюжетами отраженных событий в духе церковной морали. К сожалению, далеко не все им написанное можно проверить, а поэтому вычлнить легендарное из достоверного затруднительно.

Явным вымыслом является рассуждение Меншикова относительно того, что он до прибытия в Березов не помышлял о своей смерти. В своем месте было рассказано, что во время последней болезни, предшествовавшей падению, Меншиков заготовил духовную, а также письма к Петру II и вельможам, чтобы те не оставили в беде семью.

Версия Вильбоа об условиях возвращения детей Меншикова из ссылки тоже сомнительна. Если бы Меншиков имел вклады в иностранных банках и эти вклады достались Александре в качестве приданого, когда она выходила замуж за Густава Бирона, то об этом непременно бы написал Александр Меншиков-сын в челобитной императрице Елизавете, о которой было сказано выше. Но в челобитной о вкладах ни слова. Между тем историки, опираясь на Вильбоа, перенесли сообщаемые им сведения на страницы своих исследований.

Что касается прочих сюжетов в анекдотах Вильбоа, то они изобилуют таким количеством сменяющих друг друга драматических ситуаций, что их нагромождение ставит под сомнение достоверность всего построения автора.

Скончался Меншиков 12 ноября 1729 г. Бывшего генералиссимуса и бывшего адмирала без пушечной пальбы и торжественных церемоний похоронили у церкви, которую он срубил.

Падение Меншикова произошло в то время, когда он достиг наибольшего могущества, славы и богатства. Все это баловню судьбы досталось шутя. Будто бы шутя, он и расстался с тем, что имел. В опале он сохранил то, что не в силах были отнять у него противники,— самообладание и оптимизм. Он похудел, оброс бородой, но присутствия духа не утратил. Во всяком случае, его поведение в Березове не идет ни в какое сравнение с поведением другого опального, подобно Меншикову вскарабкавшегося на вершину власти из гущи народной,— патриарха Никона. Опальный Никон то и дело «докучал» царю о всякого рода бытовых невзгодах, жаловался на плохую пищу, неумело сшитую местным «швачишкой» одежду, холодные покои. Меншиков стоически пе-

реносил ссылку. Поверженный, он не обращался с просьбами к победителям. Кончал он жизнь с топором в руках, т. е. с чего начинал свою умопомрачительную карьеру. Умению владеть топором он обучился на Саардамской верфи. В Березове эти навыкигодились ему, чтобы срубить церковь.

Авторы дореволюционных работ связывали охлаждение Петра II к Меншикову с двумя действиями светлейшего, якобы ущемлявшими престиж императорской власти и поэтому вызвавшими недовольство юнца. Первая размолвка на этой почве состоялась 12 июля, когда Петр ко дню рождения своей сестры Натальи Алексеевны решил подарить ей 10 тыс. руб. Меншиков, тогда болевший, случайно встретил слуг, тащивших подарок, и велел отнести деньги на место, а Петру выговорил, что подобная расточительность неуместна, ибо казна пуста и надобно экономить. Второй раз Меншиков вызвал гнев Петра тем, что во время освящения церкви он занял кресло, предназначавшееся для царя.

Подобное объяснение исходит из идеи о божественном происхождении царской власти, за всякое покушение на эту власть любой подданный, даже такого масштаба, как Меншиков, должен сурово расплачиваться. Вспомним рассуждение на этот счет историка Карамзина, перешедшее затем в бессмертное творение Пушкина: Борис Годунов был наделен многими добродетелями, но он незаконно занял трон, и это обрекло его на смерть. Пушкин вложил в уста умиравшего царя Бориса слова раскаяния:

Я подданным рожден, и умереть

*Мне подданным во мраке б надлежало*⁵⁰.

Подлинные причины падения Меншикова состояли в ином. Это было типичное для XVIII в. проявление борьбы за власть среди верхов феодального общества. Ни Меншиков, представлявший новую знать, выросшую на почве преобразований, ни Долгорукие и Голицыны — отпрыски древних аристократических фамилий — не выступали с альтернативными программами. Последних вообще не существовало. Возможно, что деятельность правительства, возглавляемого аристократами, привела бы к пересмотру и изменению некоторых аспектов внутренней и внешней политики. Однако, как показывает опыт дворцовых переворотов XVIII в., менялись люди, стоявшие у кормила правления, но неизменной оставалась политическая система, покоившаяся на феодальном землевладении, крепостном праве и самодержавии. Суть дворцовых переворотов в XVIII в., а падение Меншикова

как раз и открывало их серию, глубоко вскрыта В. И. Лениным. Он отмечал, что они были «до смешного легки», поскольку речь шла не об изменении общественного строя и политической системы, а всего лишь о смене лиц, стоявших у кормила правления⁵¹. Сменялись цари и царицы, место одних фаворитов и временщиков занимали другие, но порядки оставались прежними. Все они независимо от происхождения, национальности и вероисповедания верой и правдой служили классу, в состав которого влились. И если мы вспоминаем имя Меншикова, то прежде всего потому, что этот человек-самородок был героем Калиша, Полтавы и Переволочны и внес огромный вклад в решение национальной задачи того времени — обеспечение выхода к Балтийскому морю. Александр Данилович Меншиков внес немалый вклад в укрепление могущества России.

* * *

Останки Меншикова долгое время покоились в земле вечной мерзлоты, и никто к ним не проявлял интереса, в том числе и потомки князя. Но вот почти столетие спустя после смерти ссыльного, в марте 1825 г. в Тобольск был назначен губернатором Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский, получивший известность не как администратор, а как историк. Его перу принадлежит множество фундаментальных трудов, в том числе и «Словарь достопамятных людей русской земли» в пяти частях. Во второй части этого сочинения в тексте о Меншикове Бантыш-Каменский рассказал о том, как он, будучи тобольским губернатором, поручил березовскому городничему Андрееву разыскать могилу Меншикова. Столетний мещанин города Матвей Баженов указал место захоронения вельможи. 30 июля 1825 г. могилу раскопали и на глубине трех с четвертью аршин был обнаружен выдолбленный из колоды гроб длиной в сажень. Когда сняли крышку гроба и освободили покрывало от слоя льда, то взору присутствовавших предстало великолепно сохранившееся тело усопшего — мужчины с бритой бородой, который, по словам Бантыш-Каменского, «как будто покоился в объятиях глубокого сна». На покойнике был халат, стеганая шапочка, под которой голова была обернута платком с венчиком наверху. На ногах — зеленого цвета остроконечные туфли на высоких каблуках. После осмотра и описания увиденного гроб был зарыт, и городничий отправил донесение губернатору. Изложив его суть, Бантыш-Каменский писал: «Не видав портрета знаменитого изгнанника, городничий донес мне, что открыл место

погребения его (Меншикова, — Н. П.), но не ручается, действительно ли усопший был Меншиков».

Сомнения городничего Бантыш-Каменский решил развеять личным присутствием при повторном вскрытии могилы и гроба. Процедура состоялась 6 января 1827 г. При вскрытии гроба губернатор «увидел Меншикова, которого тотчас узнал по портрету», бывшему у него. Далее он продолжал: «Черты лица его не изменились, но от прикосновения воздуха тело, бывшее до того бело (как утверждал Андреев), все почернело: сукно, позумент, покрывало, шапочка подверглись тлению»⁵².

В этой версии Бантыш-Каменского не находит места ряд интересных деталей. В частности, он ничего не сообщил о неприятных для себя последствиях, вызванных раскопкой могилы. Они стали известны после опубликования служебной переписки губернатора с Министерством внутренних дел.

Неприятности начались после того, как Бантыш-Каменский, желая угодить правнуку опального вельможи флигель-адъютанту Александру Сергеевичу Меншикову, отправил ему шейный крест, а также доскутки сукна, покрывала и позумента, извлеченные из гроба еще при первом вскрытии могилы. Этим губернатор не удовлетворился и во время повторного раскопа велел лекарю выдернуть из бровей покойного несколько волос, поместить их в пробирку со спиртом и отправить ее вместе с башмаком родственникам в столицу. Намерение, однако, не было осуществлено, так как губернатор, не надеясь на способность почты доставить пробирку адресату в целости, решил ждать оказии. Что касается башмака, то «от сырости и чрезвычайной мокроты оной развалился и истлел».

Вместо доставки волос молва донесла до родственников слух о том, что у покойника была вырезана бровь и извлечен глаз. Слух о кощунстве над телом покойного стал достоянием Николая I, и он велел министру внутренних дел отправить губернатору предписание: «Дошло до сведения государя императора, что 6 числа прошедшего января в городе Березове вырыто из земли тело покойного фельдмаршала князя Меншикова. Его величеству угодно знать без отлагательств, по чьему повелению и по какому поводу было сие сделано».

Ответ Бантыш-Каменского гласил, что тело бывшего генералиссимуса князя Меншикова не было вырыто из земли, а только открыто место его погребения по его приказанию березовским городничим г. Андреевым. Повторно могила была вскрыта «для того только, чтоб удостовериться, действительно

ли найденное г. Андреевым тело было Меншикова». Цель всех разысканий — поставить на могиле «знаменитого изгнанника» «простой памятник».

Поскольку Бантыш-Каменский не обмолвился ни единым словом относительно волос, шейного креста, позументов и сукна, то царь, ознакомившись с ответом, «изволил найти, что в оном нет чистосердечия». Николая I в ответе губернатора раздражало также умолчание о вырезанной брови и вынутом глазе. Во втором донесении Бантыш-Каменский подробно изложил все обстоятельства двукратного вскрытия могилы. В конечном счете царь осудил действия губернатора, велел передать ему, что «любопытство ваше было, по крайней мере, неуместно»⁵³.

Этим история с могилой Меншикова не закончилась. Член Русского географического общества Н. А. Абрамов во время посещения Березова в 1842 г., т. е. через 17 лет после вскрытия могилы, имел беседы с участниками и очевидцами этой операции, продолжил разыскание места захоронения Меншикова и пришел к выводу, что в 1825 и 1827 гг. была раскопана могила не Меншикова, а кого-то другого. В пользу своего утверждения он привел несколько убедительных доказательств. Абрамов установил, что могила Меншикова находилась не у Спасской церкви, где городничий вел раскопки, а у Богородице-Рождественской. Именно эту церковь срубил Меншиков и там он был похоронен. Она сгорела 20 февраля 1764 г. Другой довод — платье и обувь на покойном не мужские, а женские: канор на голове, шлафрок, башмаки на высоких каблуках. Далее — рост Меншикова (2 аршина 12 вершков) не соответствовал длине выдолбленной части гроба, равнявшийся 2 аршинам 5 вершкам. Очевидцы вскрытия могилы рассказали Андрееву, что на большом гробу стояло два маленьких гробика. Согласно преданию, старшая дочь Меншикова, нареченная невеста Петра II, тайно обвенчалась с князем Федором Долгоруковым, разрешилась двойней и тут же скончалась⁵⁴. Казак, показавший за мзду место погребения Меншикова, по мнению Абрамова, полагал, «что покойник, пролежав в земле 98 лет, давно сгнил, а между тем ждал себе за открытие награды». Вывод автора таков: могилы Меншикова давно не существует — место, где он был захоронен, размыла река Сосьва.

Последний раз судьба останков Меншикова рассматривалась в статье М. Путинцева «К празднованию 300-летия г. Березова», опубликованной в 1891 г. Автор разделяет взгляды Абрамова, он излагает ее содержание и приводит

из нее обширные цитаты. Новых доводов М. Путинцев не приводит, но его суждения отличаются большой категоричностью. Если, например, Н. А. Абрамов могилу, раскопанную Андреевым и Бантышем-Каменским, связывает с именем Марии Меншиковой, ссылаясь на предание, то Путинцев считает эту могилу могилой дочери Меншикова без всяких оговорок⁵⁵.

Итак, отбросив налет фольклора и романтики в рассказах о могиле Меншикова, следует признать за достоверное, что городничий и губернатор раскопали не могилу Меншикова — его останки унесла река Сосьва.

Работа Н. А. Абрамова, видимо, не получила широкой известности. Только этим и можно объяснить тот факт, что благодаря мерзлотооведам пример нетленности тела А. Д. Меншикова в условиях вечной мерзлоты приобрел хрестоматийный характер⁵⁶.

* * *

Несколько заключительных замечаний.

Время не властно по отношению к эпохе, отраженной в настоящей книге, к ней многократно возвращались сошедшие со сцены поколения, она будет волновать и поколения грядущие. Неугасаем интерес и к личности, стоявшей в центре эпохи, — Петру I. Как бы ни относились к нему дореволюционные историки, — одни из них безмерно его восхваляли, другие столь же безмерно осуждали — все они видели в нем личность необыкновенную, сумевшую преодолеть косность и рутину, чтобы поставить страну на путь европейского прогресса. Только советская историография, вооруженная марксистско-ленинским учением о роли личности в истории, дала Петру I и его эпохе подлинно научную оценку.

Общепризнанным является умение Петра выбирать себе помощников и с максимальной рациональностью использовать их способности. Среди сподвижников царя первое место и по талантам, и по реальному вкладу в преобразования занимал А. Д. Меншиков. Как и в любой биографии выдающейся личности, страницы жизни Меншикова, предшествовавшие превращению его в крупного военачальника и государственного деятеля, относятся к числу менее всего изученных. Природа возникновения исторических источников такова, что в них отсеивается все то, что малосущественно. О Меншикове тем меньше мы знаем, чем больше углубляемся в годы, когда он еще не встречался с Петром и пребывал в неизвестности. Имя его стало часто мелькать в документах со време-

ни, когда он подвизался на разных поприщах военной и государственной деятельности. Меншиков выступает пред нами в трех ипостасях: в качестве фаворита царя, его самого энергичного и одаренного сподвижника, не менее интересен и третий аспект его биографии — характеристика личности.

Когда после изучения биографии сопоставляешь Меншикова — сподвижника царя с Меншиковым, фактически державшим в своих руках после смерти Петра бразды правления огромной страны, то создается впечатление, что перед нами два разных по масштабам деятеля. В первом случае Меншиков выступал не только энергичным, но и инициативным исполнителем воли царя. Сдается, он был единственным сподвижником, бравшим на себя смелость действовать в соответствии с изменившейся обстановкой. Он часто либо предвосхищал повеления царя, либо давал ему советы.

После смерти царя перед нами Меншиков, которого будто кто-то подменил. Получив свободу действий при Екатерине I и Петре II, он стал безынициативным и, как никогда ранее, скованным. Обретя огромную власть, он не знал, как этой властью распорядиться. Меншиков был более озабочен благополучием собственной семьи и удовлетворением ненасытного честолюбия, чем благополучием государства и сохранением его международного престижа, добытого в напряженной войне со Швецией. Исчез прежний размах в осуществлении намерений, а сами намерения приобрели сиюминутный характер.

Слабости Меншикова на виду, как и на виду его вклад в победы на театрах Северной войны, в создании регулярной армии и флота, в строительстве и благоустройстве новой столицы. Заметим, что алчность светлейшего, его порою затмевавшая рассудок страсть к стяжанию, как и добродетели семьянина, прежде всего характеризуют личность человека, его социальный и моральный облик. Они способны в известной мере «подмочить» репутацию героя биографии или, напротив, вызвать к нему симпатии. Но в жизни выдающейся личности нас привлекает прежде всего ее реальный вклад во славу России, разумеется, России той поры с ее социальными противоречиями и самодержавно-крепостническими порядками. В этом плане позитивная роль Меншикова не вызывает сомнений.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПИРОЖНИК В РОЛИ «ПОТОМКА» ОБОДРИТОВ

- ¹ Сборник Русского исторического общества (далее: Сб. РИО). СПб., 1884, т. 39, с. 125; *Корб И.* Дневник путешествия в Московию 1698—1699 гг. СПб., 1906, с. 83—84.
- ² *Юст Юль.* Записки. М., 1899, с. 128.
- ³ Архив кн. Ф. А. Куракина. СПб., 1890, т. 1, с. 76.
- ⁴ *Манштейн Х. Г.* Записки о России. СПб., 1875, с. 8.
- ⁵ Русский вестник, 1842, № 2, с. 147—148.
- ⁶ *Майков Л. В.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891, с. 90; *Vruse F.* Nachrichten von seinen Reisen... Leipzig, 1784, S. 83—90.
- ⁷ Центральный государственный архив древних актов (далее: ЦГАДА), Госархив, Разряд XI, д. 64, л. 3.
- ⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее: ПиБ). СПб., 1907, т. 5, с. 284.
- ⁹ ЦГАДА, ф. Походной и домовой канцелярии А. Д. Меншикова (далее: ф. 198), д. 14, л. 3.
- ¹⁰ ЦГАДА, Госархив, Разряд VI, д. 160, ч. 5, л. 330—336; Сын отечества, 1848, № 1, с. 15—28.
- ^{10а} Сын отечества, 1848, № 6, с. 7; № 2, с. 2, 3.
- ¹¹ *Голиков И. И.* Анекдоты, касающиеся до Петра Велико-го. М., 1807, с. 323—324.
- ¹² *Пушкин А. С.* Собр. соч. М., 1962, т. 3, с. 229; М., 1962, т. 8, с. 89.
- ¹³ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962, кн. 7, с. 576.
- ¹⁴ *Юст Юль.* Указ. соч., с. 128.
- ¹⁵ Русский вестник, 1842, № 2, с. 148.
- ¹⁶ Архив кн. Ф. А. Куракина, т. 1, с. 76.
- ¹⁷ ЦГАДА, Госархив, Разряд VI, д. 160, ч. 1, л. 10.
- ¹⁸ *Юст Юль.* Указ. соч., с. 128.
- ¹⁹ *Соловьев С. М.* Указ. соч. М., 1963, кн. 9, с. 623; ЦГАДА, ф. 198, д. 459, л. 4—16.

В УСЛУЖЕНИИ И НА СЛУЖБЕ

- ¹ ПиБ. СПб., 1887, т. 1, с. 26, 143.
- ² *Богословский М. М.* Петр I. М., 1946, т. 3, с. 20.
- ³ ПиБ, т. 1, с. 331.
- ⁴ Материалы для истории русского флота (далее: Материалы). СПб., 1865, ч. 1, с. 15, 16, 23.
- ⁵ *Глаголева А. П.* Олонечские заводы в первой четверти XVIII в. М., 1957, с. 56—65.
- ⁶ ЦГАДА, ф. 198, д. 2, л. 2—4.
- ⁷ Материалы, ч. 1, с. 24.
- ⁸ *Есилов Г.* Князь Александр Данилович Меншиков.—Русский архив, 1875, кн. 7, с. 239.
- ⁹ *Корб И.* Дневник путешествия в Московию 1698—1699. СПб., 1906, с. 128.
- ¹⁰ *Есилов Г.* Указ. соч.—Русский архив, 1875, кн. 7, с. 240.

- ¹¹ ПиБ. СПб., 1889, т. 2, с. 221.
¹² *Троицкий С. М.* Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII в.— В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 222.
¹³ ЦГАДА, ф. 198, д. 49, л. 2; д. 106, л. 121; д. 525, л. 3, д. 579, л. 10, 18, 25, 29, 32, 63.
¹⁴ ПиБ, т. 2, с. 608.
¹⁵ *Есипов Г.* Указ. соч.—Русский архив, 1875, кн. 7, с. 243.
¹⁶ ПиБ. СПб., 1893, т. 3, с. 342.
¹⁷ ПиБ. СПб., 1900, т. 4, вып. 1, с. 226.
¹⁸ ЦГАДА, ф. Письма разных лиц на русском языке 1702 г., д. 1, л. 7.
¹⁹ ПиБ, т. 4, вып. 1, с. 17.
²⁰ Там же, с. 231.
²¹ ПиБ, т. 3, с. 540, 1060.

ГЕРОИ КАЛИША, БАТУРИНА, ПОЛТАВЫ И ПЕРЕВОЛОЧНЫ

- ¹ ЦГАДА, ф. 198, д. 1035, л. 3.
² Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра (далее: Постепенное развитие). СПб., 1912, вып. 1, ч. 2, с. 344.
³ ПиБ, т. 4, вып. 1, с. 426—427.
⁴ *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1863, т. 4, ч. 1, с. 523.
⁵ Сын Отечества, 1848, № 4, с. 3.
⁶ ПиБ, т. 4, вып. 1, с. 442; СПб., 1900, вып. 2, с. 1196.
⁷ Постепенное развитие, с. 409.
⁸ ЦГАДА, ф. 198, д. 1035, л. 22—24.
⁹ Там же, л. 13.
¹⁰ Там же, л. 26.
¹¹ Постепенное развитие, с. 395.
¹² Картина жизни и великих деяний кн. А. Д. Меншикова (далее: Картина жизни). М., 1809, с. 42, 43.
¹³ *Устрялов Н. Г.* Указ. соч., с. 532.
¹⁴ *Есипов Г.* Указ. соч.—Русский архив, 1875, кн. 9, с. 58; ПиБ. Пг., 1918, т. 7, вып. 1, с. 70—71.
¹⁵ *Георгиевский Г. П.* Мазепа и Меншиков.—Исторический журнал, 1940, № 12, с. 80—81.
¹⁶ *Соловьев С. М.* Указ. соч. М., 1962, кн. 8, 219.
¹⁷ ПиБ. М., 1951, т. 8, вып. 2, с. 846.
¹⁸ *Соловьев С. М.* Указ. соч., кн. 8, с. 242.
¹⁹ ПиБ. М., 1948, т. 8, вып. 1, с. 237.
²⁰ Там же, с. 262, 268.
²¹ Там же, с. 270.
²² ПиБ. М., 1950, т. 9, вып. 1, с. 81.
²³ *Есипов Г.* Указ. соч.—Русский архив, 1875, кн. 9, с. 66, 68, 73.
²⁴ ПиБ, т. 9, вып. 1, с. 88; М., 1978, вып. 2, с. 686—687.
²⁵ ПиБ, т. 9, вып. 1, с. 97, 98; вып. 2, с. 708.
²⁶ ЦГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 120, 125.
²⁷ *Есипов Г.* Указ. соч.—Русский архив, 1875, кн. 9, с. 73.
²⁸ ЦГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 154, 156; Госархив, Разряд IX, отд. 2, кн. 9, л. 427.
²⁹ ЦГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 156.
³⁰ ПиБ, т. 9, вып. 2, с. 1256.
³¹ Сб. РИО, т. 39, с. 125.
³² *Юст Юль.* Указ. соч., с. 208.
³³ ЦГАДА, ф. 198, д. 106, л. 39—40.
³⁴ Там же, л. 211, 232.
³⁵ Картина жизни, с. 104.

УДАЧИ И ПРОМАХИ В ПОМЕРАНИИ

- ¹ ПиБ. М., 1956, т. 10, с. 57.
² ПиБ. М., 1962, т. 11, вып. 1, с. 34, 106.
³ Там же, с. 61.
⁴ Там же, с. 139, 145, 215.
⁵ Архив Ленинградского отде-

- ления Института истории СССР (далее: ИОИИ), ф. Походной канцелярии А. Д. Меншикова (далее: ф. 83), карт 15, д. 220, л. 2.
- ⁶ ПиБ, т. 11, вып. 1, с. 167, 459, 561.
- ⁷ Там же, с. 542; М., 1975, т. 12, вып. 1, с. 179.
- ⁸ ПиБ, М., 1964, т. 11, вып. 2, с. 153.
- ⁹ Там же, с. 232.
- ¹⁰ ЦГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 209.
- ¹¹ ПиБ, т. 11, вып. 2, с. 16.
- ¹² Там же, с. 74.
- ¹³ ПиБ, т. 12, вып. 1, с. 53, 103.
- ¹⁴ Там же, с. 123, 389.
- ¹⁵ Там же, с. 200, 477, 489, 490.
- ¹⁶ Там же, с. 529.
- ¹⁷ Соловьев С. М. Указ. соч., кн. 9, с. 12.
- ¹⁸ ЦГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 164, 184.
- ¹⁹ Архив кн. Ф. А. Куракина, с. 63, 65, 66.
- ²⁰ ЦГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 198, 200.
- ²¹ ЦГАДА, Госархив, Разряд IX, 2-е отд., кн. 4, л. 192, 217, 243, 245 и др.; кн. 5, л. 406, 472 и др.
- ²² ЦГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 235, 242, 246.
- ²³ Соловьев С. М. Указ. соч., кн. 9, с. 12.
- ²⁴ Журнал или поденная записка имп. Петра Великого. М., 1770, ч. 1, с. 353.
- ²⁵ ЦГАДА, ф. 198, д. 297, л. 3, 18.
- ²⁶ Там же, л. 28.
- ²⁷ Там же, л. 34.
- ²⁸ Там же, л. 102.
- ²⁹ Материалы для истории Гангутской операции. Пг., 1915, вып. 2, с. 42, 43.
- ³⁰ ЦГАДА, Госархив, Разряд V, д. 26, л. 415, 416.
- ³¹ ЦГАДА, ф. 198, д. 297, л. 160.
- ³² Возгрип В. Е. Русско-датский союз в Великой Северной войне: Канд. дис. Л., 1977, с. 105.
- ³³ ЦГАДА, ф. 198, д. 297, л. 122.
- ³⁴ Witttram R. Peter I Czar and Kaiser. Gottingen, 1964, S. 256; Bagger H. Russlands alliansepolitik efter freden i Nystad. Kobenhavn, 1974, S. 92.
- ³⁵ ЦГАДА, ф. Сношения с Пруссией, оп. 1, 1713, д. 14, л. 196—199.
- ³⁶ ЦГАДА, ф. 198, д. 300, л. 3, 4.
- ³⁷ Там же, д. 304, л. 1.
- ³⁸ Там же, д. 40, л. 1—6.
- ³⁹ Бергольц. Дневник. М., 1902, ч. 1, с. 85, 86.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУБЕРНАТОР

- ¹ Материалы для истории Гангутской операции. Пг., 1914, вып. 1, ч. 2, с. 85; вып. 2, с. 282.
- ² Там же, вып. 1, ч. 2, с. 127, 186; вып. 2, с. 325, 331, 333, 400.
- ³ Там же, вып. 2, с. 394, 400.
- ⁴ Там же, с. 405.
- ⁵ Там же, с. 304, 347.
- ⁶ Там же, с. 209.
- ⁷ Там же, с. 423; вып. 4, с. 733.
- ⁸ Там же, вып. 4, с. 746.
- ⁹ Голиков И. И. Деяния императора Петра Великого. М., 1838, т. 6, с. 371—373.
- ¹⁰ ЦГАДА, ф. 198, д. 305, л. 7.
- ¹¹ Там же, д. 1170, л. 267, 270, 284.
- ¹² Там же, д. 305, л. 11.
- ¹³ Материалы. СПб., 1865, ч. 2, с. 158, 168, 169.
- ¹⁴ Там же, ч. 3, с. 667.
- ¹⁵ Там же, с. 668.
- ¹⁶ ЦГАДА, ф. 198, д. 1035, л. 101.
- ¹⁷ Там же, д. 307, л. 5, 6.
- ¹⁸ ЦГАДА, Госархив, Разряд IX, 2-е отд., кн. 60, л. 578—580.
- ¹⁹ Там же, ф. 198, д. 305, л. 45, 90.
- ²⁰ Там же, д. 308, л. 112, 115, 119.
- ²¹ Материалы, ч. 2, с. 159.
- ²² Там же, с. 133.
- ²³ Шереметев С. Схимонахия Нектария. М., 1909, с. 10, 11.

- ²⁴ Чтения общества истории древностей российских. М., 1861, кн. 3, с. 308—309.
- ²⁵ Там же, с. 313, 314.
- ²⁶ *Шереметев С.* Указ. соч., с. 14, 15.
- ²⁷ ЦГАДА, ф. 198, д. 106, л. 109, 110.
- ²⁸ Там же, д. 353, л. 2, 6.
- ²⁹ Там же, д. 352, л. 153.
- ³⁰ *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. СПб., 1859, т. 6, с. 195, 199.
- ³¹ Там же, с. 493.
- ³² Там же, с. 613.
- ³³ ЦГАДА, Госархив, Разряд XI, д. 53, ч. 1—6.
- ³⁴ Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1946, с. 226.
- ³⁵ ЦГАДА, Госархив, Разряд XI, д. 53, ч. 3, л. 46.
- ³⁶ Там же, л. 30.
- ³⁷ Там же, л. 35.

НА ГРАНИ КАТАСТРОФЫ

- ¹ *Голиков И. И.* Деяния императора Петра Великого, т. 6, с. 380.
- ² ЦГАДА, Госархив, Разряд IX, 2-е отд., кн. 25, л. 506—511; ф. 198, д. 49, л. 1—9.
- ³ ПСЗ-1. СПб., 1830, т. 5, № 2914, с. 160.
- ⁴ ЦГАДА, ф. 198, д. 49, л. 2.
- ⁵ Там же, л. 11—13.
- ⁶ Там же, л. 13—14.
- ⁷ Архив ЛОИИ, ф. Походная канцелярия А. Д. Меншикова (ф. 83), карт 8, д. 9, л. 2.
- ⁸ ЦГАДА, ф. 198, д. 106, л. 135.
- ⁹ ЦГАДА, Госархив, Разряд IX, 2-е отд., кн. 41, л. 416.
- ¹⁰ ЦГАДА, ф. 198, д. 41, л. 3.
- ¹¹ ЦГАДА, Госархив, Разряд IX, 2-е отд., кн. 41, л. 416.
- ¹² ЦГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 306—316.
- ¹³ Там же, л. 444.
- ¹⁴ Там же, д. 295, л. 35.
- ¹⁵ Там же, д. 106, л. 24.
- ¹⁶ Там же, д. 311, л. 2; Госархив, Разряд IX, 2-е отд., кн. 41, л. 406.
- ¹⁷ ЦГАДА, ф. 198, д. 313, л. 6.
- ¹⁸ ЦГАДА, Госархив, Разряд IX, 2-е отд., кн. 33, л. 76.
- ¹⁹ *Троицкий С. М.* Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII в.— В кн.: Россия в период реформы Петра I. М., 1973, с. 241—246.
- ²⁰ Центральный Государствен-
ный архив военно-морского флота, ф. Канцелярия графа Апраксина, кн. 190, л. 59—60.
- ²¹ ЦГАДА, Госархив, Разряд IX, 2-е отд., кн. 47, л. 87, 89, 91.
- ²² Там же, л. 175.
- ²³ Там же, л. 171.
- ²⁴ Там же, кн. 56, л. 4, 63.
- ²⁵ Там же, л. 47, 48.
- ²⁶ Там же, л. 68.
- ²⁷ Картина жизни, с. 174.
- ²⁸ *Майков А. Н.* Указ. соч., с. 98.
- ²⁹ ЦГАДА, ф. 198, д. 10, л. 3.
- ³⁰ Русский архив, 1865, № 10/11, стб. 1264.
- ³¹ Сб. РИО. СПб., 1875, т. 15, с. 217—218.
- ³² *Голиков И. И.* Анекдоты, касающиеся до Петра Великого, с. 323—334.
- ³³ Материалы, ч. 2, с. 560.
- ³⁴ *Голиков И. И.* Деяния императора Петра Великого. М., 1838, т. 8, с. 409.
- ³⁵ ЦГАДА, ф. 198, д. 314, л. 3.
- ³⁶ *Голиков И. И.* Деяния императора Петра Великого, т. 8, с. 410.
- ³⁷ Там же, с. 422.
- ³⁸ Там же, с. 432.
- ³⁹ Материалы, ч. 2, с. 560.
- ⁴⁰ Там же, ч. 3, с. 206.
- ⁴¹ Русский архив, 1883, № 5, с. 16, 32, 35, 44.
- ⁴² ЦГАДА, ф. 198, д. 319, л. 2.
- ⁴³ Там же, д. 295, л. 47.
- ⁴⁴ Там же, д. 320, л. 5.
- ⁴⁵ Там же, л. 6.

ВЕРШИНА МОГУЩЕСТВА И БОГАТСТВА

- ¹ *Никифоров Л. А.* Записки Вильбуа.— В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 225.
- ¹⁰ *Соловьев С. М.* Указ. соч., кн. 9, с. 558.
- ² Русский вестник, 1842, № 2, с. 150.
- ³ *Соловьев С. М.* Указ. соч., кн. 9, с. 564.
- ⁴ Сб. РИО, СПб., 1887, т. 58, с. 11, 105, 111, 157.
- ⁵ ЦГАДА, ф. 198, д. 324, л. 4.
- ⁶ Сб. РИО. СПб., 1887, т. 56, с. 325; 200-летие Кабинета его императорского величества 1704—1904. СПб., 1911, Приложение 10, с. 45—47.
- ⁷ Сб. РИО. СПб., 1886, т. 55, с. 190.
- ⁸ ПСЗ-І. СПб., 1830, т. 7, № 4830, с. 568, 569.
- ⁹ *Юст Юль.* Указ. соч., с. 210.
- ¹⁰ ЦГАДА, ф. 198, д. 106, л. 5.
- ¹¹ Там же, д. 1172, л. 10.
- ¹² Там же, д. 10, л. 2, 3.
- ¹³ Там же, л. 1, 2.
- ¹⁴ ЦГАДА, Госархив, Разряд XI, д. 63, л. 7.
- ¹⁵ Там же, д. 53, ч. 5, л. 65.
- ¹⁶ *Юст Юль.* Указ. соч., с. 259.
- ¹⁷ *Арсеньев К. И.* Царствование Екатерины I. СПб., 1856; *Щебальский П. К.* Князь Меншиков и граф Морниц Саксонский.— Русский вестник, 1860, т. 25.
- ¹⁸ Письма русских государей. М., 1862, т. 4, с. 142.
- ¹⁹ Сб. РИО, т. 55, с. 373.
- ²⁰ ЦГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 405.
- ²¹ Там же, д. 321, л. 5—8.
- ²² Там же, л. 17, 18.
- ²³ *Порозовская Б. Д. А. Д.* Меншиков. СПб., 1895, с. 33; ЦГАДА, ф. 198, д. 1168, л. 124.
- ²⁴ ЦГАДА, Госархив, Разряд XI, д. 53, ч. 5, л. 32.
- ²⁵ ПСЗ-І, т. 7, № 5070, с. 789—791.
- ²⁶ *Ковалевский Е. П.* Суд над графом Девиером и его соучастниками.— В кн.: *Ковалевский Е. П.* Собр. соч. СПб., 1871, т. 1, с. 193—194.
- ²⁷ ЦГАДА, Госархив, Разряд XI, д. 53, ч. 6, л. 56.
- ²⁸ Сб. РИО. СПб., 1868, т. 3, с. 471.
- ²⁹ Там же, с. 473.
- ³⁰ *Арсеньев К. И.* Царствование Екатерины I, с. 59.
- ³¹ ЦГАДА, ф. 156, д. 15, л. 1—3.
- ³² ЦГАДА, ф. 375, д. 53, л. 1—3.
- ³³ Там же, д. 52, л. 1—8; Сын отечества, 1848, № 1, с. 3; № 5, с. 6, 16, 47; № 6, с. 2, 4, 36.
- ³⁴ ЦГАДА, ф. 198, д. 327, л. 3; д. 332, л. 2; д. 322, л. 15.
- ³⁵ Сб. РИО, т. 3, с. 483, 484.
- ³⁶ ЦГАДА, Госархив, Разряд XI, д. 63, л. 13.
- ³⁷ Там же, л. 9.
- ³⁸ Там же, л. 8.
- ³⁹ Сб. РИО, т. 3, с. 484.
- ⁴⁰ Там же, с. 481.
- ⁴¹ ЦГАДА, ф. 156, д. 198, л. 8—10.
- ⁴² Русский вестник, 1842, № 2, с. 154.
- ⁴³ Сб. РИО. СПб., 1889, т. 69, с. 271.

КРУШЕНИЕ. ССЫЛКА

- ¹ ЦГАДА, ф. 198, д. 242, л. 4.
- ² Там же, Госархив, Разряд VI, д. 160, ч. 2, л. 1.
- ³ Там же, ч. 5, л. 257.
- ⁴ Там же, ч. 1, л. 6, 17.
- ⁵ Там же, ф. 198, д. 963, л. 15.
- ⁶ Там же, д. 1170, л. 318.
- ⁷ Там же, д. 1173, л. 1.
- ⁸ Там же, д. 54, л. 14.
- ⁹ Там же, д. 1174, л. 6, 9, 44.
- ¹⁰ Там же, д. 1173, л. 105.
- ¹¹ Там же, д. 1172, л. 12.
- ¹² Там же, д. 54, л. 11; д. 106, л. 188.
- ¹³ Там же, д. 360, л. 13, 14.
- ¹⁴ Там же, д. 358, л. 1.
- ¹⁵ ЦГАДА, Госархив, Разряд VI, д. 53, ч. 6, л. 38.

- 16 Там же, Разряд XI, д. 215, л. 1.
- 17 Русский вестник, 1842, № 2, с. 155. См. также: *Есипов Г.* Ссылка кн. Меншикова.— Отечественные записки, 1860, № 8; 1861, № 3.
- 18 ЦГАДА, Госархив, Разряд VI, д. 160, ч. 1, л. 7, 8.
- 19 Там же, л. 29.
- 20 Там же, л. 36.
- 21 Там же, л. 75.
- 22 Там же, л. 54.
- 23 Там же, л. 91, 92, 101.
- 24 Там же, л. 111—117.
- 25 Там же, л. 117.
- 26 Там же, ч. 3, л. 81.
- 27 Архив кн. Ф. А. Куракина, т. 1, с. 76.
- 28 Сб. РИО. СПб., 1868, т. 3, с. 500.
- 29 Там же, с. 507.
- 30 *Карнович Е. П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874, с. 152.
- 31 Сб. РИО. СПб., 1889, т. 69, с. 273, 277.
- 32 ЦГАДА, ф. Сената, кн. 234, л. 402—436.
- 33 ЦГАДА, Госархив, Разряд VI, д. 160, ч. 4, л. 134.
- 34 ЦГАДА, ф. 5-й департамент Сената, оп. 1, кн. 4356, л. 418—429.
- 35 ЦГАДА, Госархив, Разряд VI, д. 160, ч. 4, л. 32.
- 36 Там же, ф. Сената, кн. 234, л. 391.
- 37 *Нечаев В. Н.* Следственные допросы кн. А. Д. Меншикова.— Русский исторический журнал. Пг., 1922, кн. 8, с. 115, 123.
- 38 Там же, с. 118.
- 39 Там же, с. 124.
- 40 *Нечаев В. Н.* Указ. соч., с. 125; *Овчинников Р. В.* Крушение «полудержавного властелина».— Вопросы истории, 1970, № 9, с. 87—104.
- 41 Сб. РИО. СПб., 1891, т. 75, с. 88.
- 42 ПСЗ-I. СПб., 1830, т. 7, № 5252, с. 21.
- 43 ЦГАДА, Госархив, Разряд VI, д. 160, ч. 1, л. 119, 123—125.
- 44 Там же, ч. 4, л. 16.
- 45 Русский архив, 1909, № 3, с. 353, 354.
- 46 ЦГАДА, ф. Сената, кн. 234, л. 316.
- 47 Русский вестник, 1842, № 2, с. 159.
- 48 Отечественные записки, 1861, т. 3, Приложение, с. 8.
- 49 Русский вестник, 1842, № 2, с. 158—175.
- 50 *Пушкин А. С.* Собр. соч. Л., 1978, т. 4, с. 271.
- 51 *См. Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 443.
- 52 *Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. СПб., 1817, ч. 2, с. 420, 421; Русская старина, 1903, № 1, с. 70, 71.
- 53 Русская старина, 1873, № 6, с. 744—762.
- 54 Записки русского географического общества. СПб., 1857, кн. 12, с. 370—372.
- 55 Тобольские епархиальные ведомости, 1891, № 23/24, с. 507—510.
- 56 *Сумгин М. И., Демчинский Б. Н.* Завоевание Севера. М.; Л., 1938, с. 137; *Они же.* Область вечной мерзлоты. М.; Л., 1940, с. 207; *Вельмина Н. А.* Ледяной сфинкс. М., 1975, с. 93.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

3

ПИРОЖНИК В РОЛИ «ПОТОМКА» ОБОДРИТОВ

5

В УСЛУЖЕНИИ И НА СЛУЖБЕ

21

ГЕРОЙ КАЛИША, БАТУРИНА, ПОЛТАВЫ И ПЕРЕВОЛОЧНЫ

36

УДАЧИ И ПРОМАХИ В ПОМЕРАНИИ

58

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУБЕРНАТОР

76

НА ГРАНИ КАТАСТРОФЫ

97

ВЕРШИНА МОГУЩЕСТВА И БОГАТСТВА

118

КРУШЕНИЕ. ССЫЛКА

150

ПРИМЕЧАНИЯ

191

Николай Иванович Павленко

Александр Данилович
МЕНШИКОВ

*

Редактор издательства
Е. Д. Евдокимова

Художник
Э. А. Дорохова

Художественный редактор
Н. Н. Власик

Технический редактор
Н. П. Кузнецова

Корректоры
Л. И. Кириллова, В. А. Шварцер

ИБ № 22461

Подписано к печати 21.06.83.

Т-10456. Формат 84×108^{1/32}

Бумага типографская № 2

Гарнитура елизаветинская

Печать высокая

Усл. печ. л. 10,5. Усл. кр.-отт. 11

Уч.-изд. л. 11,9

Тираж 200 000 экз. (1-й завод 1=100 000)

Тип. зак. 2737

Цена 70 коп.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

**Издательство
«НАУКА»**
готовятся к печати
книги:

**«О ПОВРЕЖДЕНИИ ПРАВОВ В РОССИИ»
КНЯЗЯ М. ЩЕРБАТОВА
И «ПУТЕШЕСТВИЕ» А. РАДИЩЕВА
С ПРЕДИСЛОВИЕМ ИСКАНДЕРА;
ФАКСИМИЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.**

30 л.

Данное издание включает факсимильное воспроизведение книги, вышедшей в Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева, и научный аппарат к ней: вступительную статью, комментарии, указатель, приложения. Сочинение М. Щербатова в России не переиздавалось с конца XIX в., а текст «Путешествия» А. Радищева, опубликованный А. Герценом, был основным при ознакомлении с книгой Радищева в течение десятилетий в России.

*

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ
С ЮГОСЛАВЯНСКИМИ ЗЕМЛЯМИ В XVIII ВЕКЕ.**

Документы.

40 л.

В сборнике нашли отражение политические, культурные и зарождающиеся экономические отношения России с народами югославянских земель в XVIII в.—боевое содружество, финансовая помощь, посылка книг и учителей и т. д. Документы сборника убедительно показывают, что помощь России играла важную роль в развитии освободительного движения на Балканах и создании государственности югославянских народов.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации без ограничений.

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»

ИЛИ В БЛИЖАЙШИЙ МАГАЗИН «АКАДЕМКНИГА»:

480091	Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);	220012	Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
370005	Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);	103009	Москва, ул. Горького, 19а;
320093	Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);	117312	Москва, ул. Вавилова, 55/7;
734001	Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);	630076	Новосибирск, Красный проспект, 51;
375002	Ереван, ул. Туманяна, 31;	630090	Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
664033	Иркутск, ул. Лермонтова, 289;	142292	Пушино, Московской обл., МР «В», 1;
252030	Киев, ул. Ленина, 42;	620151	Свердловск, ул. Мамин-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
252030	Киев, ул. Пирогова, 2;	700029	Ташкент, ул. Ленина, 73;
252142	Киев, проспект Вернадского, 79;	700100	Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
252030	Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);	700187	Ташкент, ул. Дружбы Народов, 6 («Книга — почтой»);
277012	Кишинев, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);	634050	Томск, наб. реки Ушайки, 18;
343900	Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;	450059	Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
660049	Красноярск, проспект Мира, 84;	450025	Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
443002	Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);	720001	Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
191104	Ленинград, Литейный проспект, 57;	310078	Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»);
199164	Ленинград, Таможенный пер., 2;		
196034	Ленинград, В/О, 9 линия, 16;		

70 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»